
UC-NRLF
B 3 463 832

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

ХЛЫЩИ.

Khlyshchi; razskazy

ХЛЫЩИ.

РАЗСКАЗЫ

И. ПАНАЕВА.

[Panaev, I]

I. Великосвѣтскій хлыщъ.

II. Провинціяльный хлыщъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

1856

6839-5772

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, мая 28 дня 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ ХЛЫЩЪ.

ГЛАВА I.

ДАГЕРОТИПЪ СЪ АРТИСТИЧЕСКАГО СЕМЕЙСТВА И О ТОМЪ, КАКЪ ПРІЯТНО ПРОВОДИТЬ ВРЕМЯ ВЪ ТАКИХЪ СЕМЕЙСТВАХЪ.

Я знаю лѣтъ двадцать Грибановыхъ. Отличнѣйшее семейство, и притомъ съ артистическими наклонностями. Музыка, скульптура, живопись, литература составляютъ жизнь этого семейства. Оно совсѣмъ погружено въ изящное. Всякій артистъ, какой бы маленькій талантикъ ни имѣлъ, въ какой бы крошечной сферѣ ни дѣйствовалъ, хотя бы только искусно игралъ на балалайкѣ, навѣрно будетъ принятъ въ этомъ почтенномъ семействѣ съ распростертыми объятіями. Литераторъ бѣжитъ туда читать свое новое произведеніе, еще не оконченное; художникъ показать свои эскизы, только-что набросанные небрежно карандашемъ, и въ которыхъ ровно ничего разобрать

нельзя — и тотъ и другой увѣрены, что найдутъ глубочайшее сочувствіе. Хозяинъ дома, съ большимъ искусствомъ вырѣзывающій изъ бумаги силуэты; его свояченица, замѣнившая въ домѣ умершую хозяйку, превосходно лѣпящая цвѣты изъ воска; сынъ, пишущій стихи; дочь, занимающаяся живописью и музыкой, — всѣ ахаютъ и восхищаются, слушая новое произведеніе литератора и разсматривая новые эскизы художника, и потомъ повторяютъ своимъ знакомымъ въ теченіе по крайней мѣрѣ мѣсяца, каждому по очереди: «Ахъ, какую повѣсть читалъ намъ N. N.!... Ахъ, какіе эскизы показывалъ намъ Д. Д.!... Ахъ, сколько у нихъ таланта!...» и проч. Доброта этихъ людей простирается до того, что они приходятъ въ восторгъ отъ всякаго даже плохаго произведенія, если только оно въ первый разъ прочитано, или показано въ ихъ домѣ. Правда, о произведеніяхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ, которыя не были имъ читаны или показаны, отзываются они хладнокровно, но это вслѣдствіе искренняго убѣжденья, что ни одно замѣчательное произведеніе не можетъ не быть предварительно имъ извѣстно, что всѣ художники, поэты, музыканты, скульпторы, литераторы, пѣвцы и пѣвицы, знакомые имъ — люди, непремѣнно обладающіе высокими талантами, и что тѣ, которые не имѣютъ этой чести, едва ли могутъ имѣть и дарованіе. Нѣжная привязанность другъ къ другу, соединяющая членовъ этого семейства, по истинѣ замѣчательна. Отецъ обожаетъ своихъ дѣтей, дѣти обожаютъ отца, тетка обожаетъ племянника, племянникъ тетку.... Въ этомъ домѣ всѣ обожаютъ другъ друга. Если отецъ вырѣжетъ какой нибудь новенькій силуэтикъ, сынъ немедля приходитъ отъ него въ восхищеніе и бѣжитъ къ теткѣ.

— Посмотрите, говоритъ онъ: — какую удивительную вещицу вырѣзалъ папенька, съ какимъ вкусомъ, съ какимъ изяществомъ, это просто художественно!

— Ахъ, какая прелесть! восклицаетъ восхищенная тетка.

Если сынъ напишетъ стихотвореніе и прочтетъ его отцу и теткѣ, отецъ, пожимая плечами отъ удивленья, со слезой на ресницѣ воскликнетъ:

— У, какъ это хорошо! Какой стихъ! Какая мысль! Я никогда ничего не слыхалъ лучше этого!

И при этомъ голосъ отца задребезжитъ, умиленный, какъ порванная струна.

— Это маленькій chef d'oeuvre! вскрикнетъ тетка, всплеснувъ руками.

Затѣмъ обѣ они, и отецъ и тетка, закричатъ:

— Палагея Петровна! Палагея Петровна! Палагея Петровна!

Проживалка, въ родѣ ключницы (безъ фамиліи), прибѣжитъ на этотъ крикъ, запыхавшись, но съ пріятной и подобострастной улыбкой, которая замерла на лицѣ ея и которая не оставляетъ ее даже въ самыя горькія минуты ея жизни.

— Что прикажете-съ?

— Послушайте-ка, матушка, скажетъ отецъ, прищолкнувъ языкомъ: — какіе новые стихи написалъ Иванъ.... лучше ничего не было написано на русскомъ!

— Ахъ, какіе стихи! повторитъ тетка. — Пожалуйста, другъ мой, не полѣнись, прочти еще разъ.

И она нѣжно взглянетъ на племянника. Племянникъ мгновенно повинуется и начнетъ читать; отецъ между тѣмъ качаетъ въ тактъ головой во время чтенія и, смотря на Палагею Петровну, говоритъ:

— Слушайте, слушайте! (хотя та и безъ того благоговѣйно слушаетъ, даже розиня ротъ отъ излишняго вниманія). Каковъ стихъ-то! Каковъ стихъ-то. Замѣчаете, а?

И ударитъ по плечу Палагею Петровну, а самъ такъ и зальется слезами, хотя бы стихи были комическаго содержанія, все равно.

Вечеромъ, когда явятся гости, сначала проживалка, разливая чай, шепнетъ непремѣнно каждому на ушко: «Иванъ Алексѣичъ написалъ новое безподобное стихотвореніе!» Потомъ отецъ, не болѣе какъ черезъ четверть часа послѣ проживалки, барабаня по столу, не утерпитъ, вдругъ брякнетъ среди разговора вовсе не кстати:

— Что, Иванъ ничего вамъ не показывалъ?

— Нѣтъ-съ, отвѣтитъ гость.

— Заставьте его прочесть, онъ написалъ новое стихотвореніе... Это вещь капитальная, необыкновенно хорошо! Изъ него вырабатывается что-то очень серьёзное!

И открытое добродушное лицо старика выразитъ столько счастія при мысли, что онъ произвелъ на свѣтъ такое геніаль-

ное дитя, что и гость, даже самый нечувствительный, невольно разчувствуется.

Тетка въ свою очередь, съ свойственною ей любезностію и пріятностію занимая гостей, не упуститъ ввернуть словцо:

— Я знаю, Мг. такой-то, что вы любите поэзію, или интересуетесь литературой (что нибудь въ родѣ этого). Ахъ! если бы вы знали, какое нашъ Иванъ Алексѣичъ написалъ стихотвореніе! Мнѣ какъ родной совѣстно хвалить, но вы сами услышите. Погодите, я его упрошу прочесть.

И она начнетъ искать глазами племянника. Но племянникъ вдругъ какъ изъ-подъ полу выскочитъ передъ теткой, сладко улыбнется гостямъ, посмотритъ на нихъ заискивающими глазами и скажетъ:

— Нѣтъ, тетушка, это право не стоитъ того, довольно слабая вещица, когда нибудь послѣ, не теперь.

Но тогда гости начинаютъ приставать къ нему:

— Пожалуйста прочтите, сдѣлайте одолженіе, мы такъ много слышали....

— Ну прочти же, братецъ, прочти, вскрикнетъ вдругъ откуда-то появившійся отецъ.

Около поэта составится кружокъ, и онъ начнетъ декламировать, изрѣдка прерываемый восклицаніями: «Превосходно, прекрасно!» Послѣ декламаціи, тетка отведетъ одного или двухъ изъ гостей въ сторону и произнесетъ шопотомъ: «Не правда ли, какой талантъ?» На что гостямъ ничего болѣе не остается какъ отвѣчать: «О, удивительный!»

Иногда сынъ потащитъ гостей въ кабинетъ отца и скажетъ имъ:

— Позвольте-ка, господа, я вамъ покажу чудную вещицу. Папенька вырѣзалъ недавно цѣлый пейзажъ.

И входя въ кабинетъ, онъ начнетъ рыться въ портфелѣ отца, приговаривая:

— Куда это старикъ зарылъ его? Не любитъ, чтобы смотрѣли... Чудакъ!... да мы отыщемъ... погодите... Вотъ, вотъ, вотъ!... Взгляните, какъ хорошо задумано, разсмотрите эту фигуру, сколько въ ней выраженія, а это дерево? вѣдь это дубъ, настоящій дубъ!... вглядитесь хорошенько.... Какое искусство!

И гости разсматриваютъ и удивляются. Въ такія минуты всегда нечаянно входитъ отецъ:

— Иванъ, Иванъ, говоритъ онъ, грозя ему пальцемъ: — что это, полно, братецъ, ну стоитъ ли это смотрѣть... Это я такъ шалю на старости отъ нечего дѣлать.

— Помилуйте! восклицаютъ гости: — какая это шалость! Это чистѣйшее искусство!

— Оно таки точно недурно, замѣтитъ старикъ, постепенно увлекаясь, и продолжаетъ уже голосомъ дрожащимъ отъ умиленія: — вотъ обратите вниманіе особенно на эту коровку, что наклонилась къ водопою... Поль-потеровская, коровка-то! Сколько жизни въ этомъ движеніи, замѣтьте, замѣтьте.... Ахъ, кабы не лѣта, глаза ужь служить отказываются, не то бы я еще сдѣлалъ!

И у старика закапаютъ слезы.

Въ квартирѣ Грибановыхъ, за исключеніемъ будуара и гостиной, устройствомъ которыхъ занимается Лидія Ивановна (такъ зовугъ тетку), совершенный артистическій безпорядокъ: на столахъ валяются старыя рукописи, исписанныя стихами, клочки бумаги съ различными вырѣзками, краски, книги, рисунки, и все это покрыто постояннымъ слоемъ пыли; но за то будуаръ и гостиная, это, такъ сказать, небольшіе храмы изящнаго: занавѣсочки, этажерочки, куколки, дѣланный и настоящій плющъ, гравированныя картинки, коврики, вышитыя подушки съ кисточками, цвѣтные фонарики, пресъ-папье, бронзовыя ручки, ножи для разрѣзыванія книгъ, печатки — все это размѣщено съ замѣчательнымъ искусствомъ на весьма маломъ пространствѣ. Въ одномъ только углу будуара груда воску и красски; этотъ уголъ Лидія Ивановна называетъ своимъ *ателье*. Лидіи Ивановнѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, но при вечернемъ освѣщеніи она кажется несравненно моложе своихъ лѣтъ, чему не мало способствуютъ различныя украшенія ея туалета: пукольки, бантики, кружевца, цвѣточки, употребляемые ею въ большомъ количествѣ. Она говоритъ обыкновенно голосомъ тихимъ, болѣе походящимъ на шопотъ, и недосказанное или недослышанное договариваетъ глазами, на которые, кажется, значительно разсчитываетъ, потому что эти глаза, по замѣчанію старожиловъ, производили большое впечатлѣніе... Въ выраженіи лица и во всѣхъ ея движеніяхъ необыкновенная мягкость, которую только злые языки называютъ лицемѣрною сладостью.

Алексѣй Аѳанасьичъ (такъ зовутъ г. Грибанова) отличается простотою обращенія, искренностью въ рѣчахъ и въ манерахъ, совершенною безцеремонностью, способностью отъ всего умиляться и постоянно слезящимися глазами. Онъ весь на распашку для всѣхъ, вхожихъ въ его домъ... Ему и въ голову не приходитъ, чтобы человѣкъ дурной, насмѣшливый или подозрительный могъ перешагнуть черезъ порогъ его квартиры. Со всѣми одинаково простодушенъ и привѣтливъ,—онъ при всѣхъ, даже при постороннихъ дамахъ, является всегда по домашнему: въ затасканномъ сюртукѣ и въ старыхъ плисовыхъ туфляхъ, съ листомъ бумаги и съ ножницами. Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ, но онъ кажется старѣе своихъ лѣтъ, потому что не имѣетъ ни малѣйшаго поползновенія бодриться и молодиться. Въ чертахъ его лица много пріятности, которая невольно располагаетъ къ нему съ перваго взгляда. Онъ не вмѣшивается ни во что въ домѣ, и если у него о чемъ-нибудь спрашиваютъ, то обыкновенно отвѣчаетъ: «Я не знаю, спросите у Лидіи Ивановны». Онъ не распоряжается ничѣмъ, не располагаетъ ни одною копѣйкою; все, что пріобрѣтаетъ, онъ несетъ къ Лидіи Ивановнѣ. Состояніе у нихъ маленькое; но чтобы «прилично поддерживать себя», какъ выражается Лидія Ивановна, Алексѣй Аѳанасьичъ очень усердно трудится и служитъ, не имѣя ни малѣйшаго расположенія къ службѣ и къ труду. Будь онъ одинъ, онъ и не подумалъ бы о службѣ; зимой лежалъ бы себѣ цѣлый день на боку да вырѣзывалъ бы свои силуэтики, а лѣтомъ бродилъ бы по лѣсу за грибами. Свои служебныя занятія онъ считаетъ пустяками, а дѣломъ вырѣзываніе фигурокъ изъ бумаги, и хотя служебныя занятія очень тяготятъ его, но онъ никогда на это не жалуется и никому не говоритъ, какъ это ему не посердцу, для того, чтобы не огорчить Лидію Ивановну. Развѣ иногда только, когда ужь придется не въ мочь, когда его завалятъ дѣлами, онъ вздохнетъ и промолвится пріятелю: «Ахъ, если бы побольше средствъ, бросилъ бы все это и посвятилъ бы себя исключительно одному искусству. Вѣдь у меня всѣ наклонности артистическія, вѣдь я рожденъ артистомъ!»

Для Алексѣя Аѳанасьича всѣ знакомые ровны; у Лидіи Ивановны есть фавориты между знакомыми и между домашней прислугой: она не можетъ существовать безъ фаворитовъ.

Сыну Алексѣя Аѳанасьича, Ивану Алексѣичу, двадцать-четыре года, но ему кажется лѣтъ подъ тридцать. Онъ не заботится о своей внѣшности, потому что весь погруженъ въ свой внутренній міръ, весь проникнутъ своимъ призваніемъ. И Лидія Ивановна, вовсе не пренебрегающая внѣшностію, не только прощаетъ ему его небрежность, но находитъ, что въ нёмъ это иначе и быть не можетъ, потому что всѣ люди высшихъ талантовъ, какъ извѣстно, мало занимались своимъ туалетомъ... Она въ этомъ случаѣ совершенно справедливо разсуждаетъ про племянника: «онъ чудакъ, потому что всѣ поэты немножко чудаки!» и при этомъ съ чувствомъ родственной гордости прибавляетъ: «повѣрите ли, онъ и галстуха даже повязать не умѣетъ, я всегда сама ему повязываю галстухъ.»

На этомъ молодомъ стихотворцѣ, не умѣющемъ повязывать галстухъ, основано все счастіе, всѣ надежды, вся гордость артистическаго семейства. Это блестящій талантъ, разливающій свой блескъ на все его окружающее, центръ, около котораго группируются остальные семейные талантики. Онъ даетъ тонъ и направленіе всему семейству... Отецъ и тетка, замѣнившая мать, только отражаютъ и распространяютъ его мысли. Тѣ изъ знакомыхъ, которые не безусловно раздѣляютъ этотъ образъ мыслей и имѣютъ неосторожность обнаружить нѣкоторое противорѣчіе, утрачиваютъ обыкновенно доброе расположеніе почтеннаго семейства и причисляются къ людямъ остановившимся, неспособнымъ идти впередъ или просто къ отсталымъ. Чтобы пользоваться его постоянною благосклонностію и радушіемъ, чтобы прослыть въ семействѣ за человѣка замѣчательнаго и умнаго, необходимо въ каждый данный моментъ стоять въ уровенъ съ Иваномъ Алексѣичемъ, останавливаться вмѣстѣ съ нимъ, идти впередъ или отодвигаться назадъ. Но и отодвигаясь назадъ, увѣрять и себя и другихъ, что двигаешься впередъ и что тѣ, которые въ самомъ дѣлѣ идутъ впередъ, останавливаются или отодвигаются назадъ.

Приговоръ сына есть приговоръ окончательный для отца и для тетки. Онъ рѣшилъ, что у сестры Наденьки недостаетъ чувства (можетъ быть, потому что она не такъ восторгается его стихами, какъ остальные члены семейства), и они безусловно приняли этотъ строгій приговоръ, и никакіе факты не разувѣрятъ ихъ въ противномъ. Отецъ, узнавъ объ этомъ въ пер-

вый разъ, глубоко огорчился... «Ахъ, жаль — думалъ онъ — Наденька моя дѣвочка славная и добрая, если бы у нея только чувства-то побольше, вотъ ея недостатокъ!» — «Но отчего же недостаетъ у нея чувства? — робко въ то же время шепталъ ему внутренній голосъ — когда ты, напримѣръ, былъ боленъ, она и днемъ и ночью ни на шагъ не отходила отъ твоей постели, она такъ заботливо ухаживала за тобою... Она сама вѣдь чуть не занемогла послѣ этого...» Старикъ задумался. У него слеза навернулась на глазахъ при воспоминаніи о томъ, что шепнулъ ему внутренній голосъ. «Нѣтъ, что̀ бы ни говорили, а у нея много чувства!» продолжалъ смѣлѣе внутренній голосъ. Старику очень хотѣлось повѣрить внутреннему голосу; но въ эту минуту, какъ нарочно, подвернулся сынъ и началъ съ большимъ краснорѣчіемъ и убѣдительностію доказывать, что такое чувство и почему именно у сестры недостаетъ его. Старикъ мгновенно поколебался, слушая эти краснорѣчивыя рѣчи; онъ заглушилъ внутренній голосъ и снова повторилъ про себя: «Жаль мнѣ, очень жаль бѣдную Наденьку!»

Наденькѣ девятнадцать лѣтъ. Она ни хороша, ни дурна, но въ лицѣ ея много пріятности и много выраженія въ ея небольшихъ сѣрыхъ глазахъ; бываютъ даже минуты, когда она кажется очень хорошенькой. У нея есть голосокъ, и она недурно поетъ различные романсы, какъ-то: *Я видѣлъ дѣву на скалѣ, Цвѣтокъ, Сто красавицъ черноокихъ, Любила я*, и проч. Она хорошо сложена и отличается отъ всѣхъ своихъ подругъ простотою обращенія и совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ *прекрасныхъ манеръ*, которыя въ сущности ни что иное, какъ жеманство и ломанье...

Все это я говорю въ настоящемъ, хотя этому прошло много лѣтъ, но я какъ будто теперь вижу передъ собою девятнадцати-лѣтнюю Наденьку въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ клѣтчатымъ шотландскимъ поясомъ, безпечную и веселую, срисовывающую букетъ цвѣтовъ съ натуры, а противъ нея облокотившагося на столъ молодого человѣка очень пріятной наружности, внимательно слѣдящаго за движеніемъ ея кисти. Она повременамъ взглядываетъ на него улыбаясь, и въ эти минуты лицо молодого человѣка сіяетъ счастіемъ. Мнѣ всегда казалось, глядя на нихъ, что они созданы другъ для друга.

Я ѣзжалъ въ домъ Грибановыхъ раза два въ мѣсяцъ по четвергамъ. Это были ихъ дни. По четвергамъ сходились къ нимъ самые близкіе ихъ знакомые, по большей части артисты и литераторы. Невозможно передать, какое радушіе и гостепріимство царствовало въ этомъ домѣ, сколько искренности расточалось со стороны хозяина, сколько любезности со стороны хозяйки, сколько предупредительности, глубокомыслія и сладкихъ улыбокъ со стороны сына. На этихъ четвергахъ всякій этикетъ былъ изгнанъ; каждый чувствовалъ себя какъ бы дома: гости являлись запросто въ сюртукахъ, приводили съ собой своихъ знакомыхъ, не предупреждая даже объ этомъ хозяевъ, и вновь представленные, не болѣе какъ черезъ полчаса, ощущали будто они вѣкъ знакомы въ домѣ... Всѣ засядутъ бывало за круглый столъ, на которомъ дымится исполинскій самоваръ, закурятъ трубки и папиросы и пойдутъ толки объ искусствахъ и литературѣ. Кто нибудь изъ присутствующихъ коснется поэзіи, и при этомъ знатокъ русской словесности и отчасти литераторъ, по фамиліи Пруденскій, имѣвшій въ семействѣ репутацію отличнаго декламатора, вскочитъ со стула и съ угрожающимъ жестомъ и густымъ басомъ продекламируетъ новое стихотвореніе Ивана Алексѣича, къ несказанному удовольствію его папеньки и тетеньки, и окончивъ декламацію, съ тупою улыбкою обведетъ глазами собраніе, сядетъ, и вслѣдъ затѣмъ посыплется градъ восклицаній: «Превосходно, чудо! какіе стихи и какъ вы декламируете!»

— Удивительно! замѣтитъ Лидія Ивановна, подкатывая глазки подъ лобъ: — а вотъ нашъ Иванъ Алексѣичъ совсѣмъ не умѣетъ читать своихъ стиховъ.

— Нечего сказать таки не мастеръ, возразитъ Иванъ Алексѣичъ, пріятно усмѣхаясь.

— За то ужь писать мастеръ! прибавитъ непремѣнно Пруденскій.

— Пишетъ-то недурно, нечего сказать, недурно, промолвитъ съ самодовольствіемъ отецъ, взглянувъ на сына съ чувствомъ, и потреплетъ его по плечу.

А между тѣмъ проживалка Палагея Петровна то-и-дѣло что наливаетъ стаканъ за стаканомъ, такъ-что потъ градомъ льется изъ-подъ чепца ея; паръ отъ самовара и дымъ отъ трубокъ и сигаръ гуще и гуще разстилаются по комнатѣ, и въ этомъ чаду

трудно уже наконецъ разбирать лица. Между чаемъ и ужиномъ Наденька сядетъ за фортепьяно, пропоетъ «Сто красавицъ черноокихъ», а молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, станетъ сзади ея стула и дрожащей рукой начнетъ перевертывать ноты. Когда она кончитъ, Лидія Ивановна скажетъ ей бывало: «ну, довольно», кивнетъ головой и обратится къ одной изъ постоянныхъ посѣтительницъ этихъ вечеровъ, барынѣ лѣтъ подъ тридцать, одѣтой съ необыкновенной изысканностію и безпрестанно поводящей плечами и передергивающейся.

— Аменаида Александровна, душечка, спойте намъ что-нибудь... У васъ такой прелестный голосъ. Je vous prie...

— Pour rien au monde, ma chère, я не въ голосѣ, обыкновенно возразитъ на это Аменаида Александровна: — я не могу.

— Полноте, полноте, матушка, вы всегда въ голосѣ, замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ: —садитесь-ка, садитесь-ка, что тутъ много толковать...

— Я вамъ говорю, что я не могу. Comme c'est drôle!...

Тогда сынъ подойдетъ къ Аменаидѣ Александровнѣ и начнетъ упрашивать ее... Наконецъ барыня рѣшится, встанетъ, сброситъ съ себя мантилью, обнажитъ свои плечики, обдернется и подойдетъ къ фортепьяно. Здѣсь, впрочемъ, начнется опять: «ей Богу я не могу, у меня болитъ горло; я не знаю, сколько времени я не пѣла» и тому подобное... Но дѣло всегда кончится тѣмъ, что барыня затянетъ:

Цвѣтокъ засохшій, безуханной...

Или:

Коварный другъ, но сердцу милый, и проч.

И съ послѣдней ноткой обратится къ гостямъ: «Вотъ видите ли, я совсѣмъ не могу пѣть!», и коснется рукою до горла, какъ будто желая показать, что ей тамъ мѣшаетъ что-то. — «Браво, браво!» воскликнетъ Алексѣй Аѳанасьичъ и захлопаетъ въ ладоши, посматривая на гостей и поощряя ихъ къ тому же. Тогда раздастся громъ рукоплесканій, послѣ которыхъ Лидія Ивановна подойдетъ къ Аменаидѣ Александровнѣ, промолвитъ: «Восхитительно, ma chère!» и поцалуетъ ее.

Время между тѣмъ движется по немногу. Вотъ ужь и половина двѣнадцатаго.

— А что, замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ, потирая свой желудокъ и поглядывая на Лидію Ивановну: — не пора ли и закусить, что-то ѣсть смертельно захотѣлось.

— Ну чтожь? прикажите, замѣтитъ Лидія Ивановна.

И тогда послышится гармоническій для гостей стукъ тарелокъ и ножей. На кругломъ столѣ, на которомъ за три часа передъ тѣмъ дымился чудовищный самоваръ, появится добрый кусокъ солонины, сыръ, масло, груда вареннаго картофеля, а на другомъ столикѣ водка и тарелка съ солеными грибами.

— Ну-ка, господа! водочки... безъ этого нельзя, да закусите грибкомъ-то, чудные грибки! Я самъ собиралъ ихъ! воскликнетъ добродушный Алексѣй Аѳанасьичъ, наливая себѣ рюмку водки. — Садитесь, господа, садитесь... чѣмъ Богъ послалъ, не взыщите...

И всѣ размѣстятся, тѣснясь другъ къ другу, за столомъ: дамы и болѣе почетные изъ мужчинъ ближе къ тому краю, гдѣ Лидія Ивановна, а остальные около Алексѣя Аѳанасьича.

— Ахъ, какая солонина-то! непремѣнно замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ, приступая къ ея разрѣзыванію: — посмотрите, посмотрите, сокъ такъ и льетъ, а жиръ-то какой, настоящій янтарь!

— Изъ *міра фантазіи* перейдемте-ка, господа, къ *дѣйствительности, къ существенному*, замѣтитъ Иванъ Алексѣичъ, глядя съ пріятностью на гостей, указывая съ жадностью на солонину и кладя себѣ на тарелку два огромныхъ куска.

И въ отвѣтъ на это домашнее остроуміе всегда бывало раздастся добродушный смѣхъ.

Всякій четвергъ почти повторялось то же самое съ небольшими измѣненіями. Иногда только вдругъ, ненарокомъ появятся какая нибудь неслыханная пѣвица и прокричитъ какую нибудь италіянскую арію, или невиданный дотолѣ сочинитель съ какою нибудь ассирійскою драмою...

Но раза три или четыре въ годъ у Грибановыхъ бывали большія собранія въ день чьихъ нибудь именинъ или рожденья. Тогда зажигались лишнія лампы, гости мужескаго пола надѣвали фраки, наѣзжало большое количество дѣвицъ и дамъ, одѣтыхъ по бальному; также показывались два штатскихъ генерала со звѣздами и одинъ военный. Въ эти торжественные вечера, на которыхъ даже самъ хозяинъ являлся не въ туфляхъ, а сапогахъ, арти-

стическія занятія отлагались въ сторону: молодежь танцовала подъ фортепьяно, а люди пожилые и чиновные и толстыя барыни въ беретахъ садились за карточные столы... Но и тутъ не обходилось безъ поэзіи. Въ какой нибудь дальней комнатѣ, въ концѣ коридора, куда танцоры нерѣдка забѣгали затянуться, Иванъ Алексѣичъ собиралъ вокругъ себя небольшой кружокъ молодыхъ людей не танцующихъ, самыхъ горячихъ любителей искусства, и декламировалъ имъ свои стихи. Молодые люди благоговѣйно слушали его и, если въ комнату входилъ лакей Макаръ съ подносомъ или забѣгала за чѣмъ-нибудь горничная, скрыпя башмаками и дверью, молодые люди махали на нихъ обыкновенно руками, шикали и потомъ на ключъ запирали двери, чтобы уже никто не могъ помѣшать ихъ эстетическимъ наслажденіямъ.

На этихъ вечерахъ разносили обыкновенно мороженое, конфекты, яблоки и варенья, и увеселенія оканчивались праздничнымъ ужиномъ. Ужинъ приготовлялся человѣкъ на сорокъ, но гостей обыкновенно являлось человѣкъ пятьдесятъ. Добрые и гостепріимные хозяева приходили въ нѣкоторое безпокойство и все надѣялись, не уйдетъ ли авось кто либо изъ *бездѣйствовавшихъ* кавалеровъ до ужина, но эти кавалеры упорно держались въ своихъ позиціяхъ и на лицахъ ихъ можно было прочитать, что они именно только и ожидаютъ ужина, что они явились единственно для ужина, что они въ тоскѣ по ужинѣ и внутренно проклинаютъ эту нескончаемую мазурку, мучимые страшнымъ аппетитомъ.

Дѣло оканчивалось, однако, всегда благополучно, и всѣ возвращались домой накушавшись до сыта. Этому немало способствовала закуска передъ ужиномъ. Въ небольшой комнаткѣ, примыкавшей къ столовой, ставились минутъ за десять до ужина на двухъ ломберныхъ столахъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, водка и закуски, состоявшія изъ груды нарѣзанной икры, ветчины и сыра. Когда мазурка оканчивалась, всѣ кавалеры, подъ предводительствомъ отца и сына, съ нѣкоторою дикостію бросались обыкновенно въ эту комнату и разомъ осаждали столъ съ закуской. Натискъ былъ такъ силенъ, что многимъ въ эту минуту отдавливали ноги или зашибали руки, и три перемѣны этихъ грудъ икры, ветчины и сыра каждый разъ, при новомъ натискѣ, исчезали въ одно мгновеніе ока. Успокоенные такимъ

образомъ кавалеры приступали къ ужину съ гораздо уже меньшею алчностію.

Я чуть было не забылъ еще замѣчательный фактъ. Грибановыхъ нерѣдко посѣщалъ между прочими одинъ знаменитый литературный авторитетъ, которому все семейство изъявляло подобострастное уваженіе. Авторитетъ поощрялъ стихотворныя занятія Ивана Алексѣича, признавая въ немъ *несомнѣнный* талантъ. И въ благодарность за это авторитета сейчасъ же нарекли въ семействѣ высочайшимъ геніемъ, и горе было тому, кто осмѣливался обнаружить сомнѣніе въ томъ, что онъ ниже Шекспира или Гомера. На такого смѣльчака смотрѣли какъ на слабоумнаго, или сумасшедшаго. Если авторитетъ обѣдалъ въ семействѣ, передъ его приборомъ ставили граненый хрусталь розоваго цвѣта и большія мягкія кресла; ему подавали особыя кушанья. Когда онъ дѣлалъ видъ, что желаетъ заговорить, все смолкало, а когда послѣ обѣда онъ закрывалъ глаза, развалившись въ покойныхъ креслахъ, то мухѣ не позволялось пролетѣть мимо него: всѣ на цыпочкахъ выходили вонъ, и сынъ, махая рукой отцу, имѣвшему иногда привычку напѣвать себѣ подъ носъ: «*Том-торор-омтомъ-томъ*», или что-нибудь въ родѣ этого, шепталъ съ сердцемъ:

— Тсс! Папенька, Бога ради не шумите. Вѣдь Григорій Петровичъ начинаетъ засыпать.

— Ай-яй-яй! прошепчетъ, бывало, старикъ: — виноватъ, виноватъ!

И, затаивъ дыханіе, едва касаясь носкомъ своихъ туфлей пола, удалится по стѣнкѣ въ свой кабинетъ.

У Лидіи Ивановны всякій разъ, когда она взглядывала на авторитетъ, захватывало дыханіе, и что̀ бы ни сказалъ онъ, хотя бы просто: «какая сегодня скверная погода!» или что-нибудь подобное, члены семейства значительно переглядывались между собою, какъ бы желая сказать этимъ взглядомъ: «У! какъ глубоко!»

Такъ всегда въ жизни: стоитъ только разъ пріобрѣсти себѣ репутацію геніальнаго, необыкновенно умнаго, ученаго или остроумнаго господина и потомъ смѣло, хоть цѣлый вѣкъ говорить дичь, всѣ будутъ слушать эту дичь, розиня ротъ, подозрѣвая, что подъ нею кроется что-нибудь необыкновенно глубокое. Въ одномъ домѣ, очень средней руки, какой-то тупоумный шутъ

прослылъ почему-то за остроумнѣйшаго господина, и я самъ былъ однажды свидѣтелемъ, какъ онъ, вбѣгая въ гостиную, закричалъ хозяйкѣ дома: «холодновато, холодновато, чайку бы, сударыня, чайку бы выпить», и все общество, къ моему величайшему изумленію, такъ и покатилось отъ смѣха; а хозяинъ дома, ухвативъ себя за бока, закричалъ ему: «полно, братецъ, полно! Бога ради не смѣши!», и продолжалъ заливаться самымъ непритворнымъ, самымъ непринужденнымъ смѣхомъ.

Надъ подобострастнымъ уваженіемъ семейства Грибановыхъ передъ авторитетомъ многіе подтрунивали, но мнѣ всегда казалось, что авторитетъ, допускавшій съ собою такое обращеніе, былъ гораздо смѣшнѣе самого семейства.

Грибановыхъ нельзя было не любить. Ихъ добродушіе и гостепріимство дѣйствовало на всѣхъ обаятельно. Бывало часто становится смѣшно, глядя на нихъ, но въ ту же минуту внутренно говоришь себѣ: «Однако, все-таки какіе добрые и славные люди!»

Это былъ общій голосъ.

— Злейное семейство! прибавлялъ обыкновенно Пруденскій, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей Грибановыхъ, отличавшійся особенною ловкостью и смѣлостью при осадахъ на закуски въ именинные дни.

ГЛАВА II,

О ТОМЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЕЛИКОСВѢТСКІЕ ХЛЫЩИ ПУСКАЮТЪ ПЫЛЬ ВЪ ГЛАЗА ПЕРЕДЪ ЛЮДЬМИ ПРОСТЫМИ, И КАКЪ ПРОСТЫЕ ЛЮДИ РОБѢЮТЪ И ДѢЛАЮТСЯ НЕЛОВКИМИ ПЕРЕДЪ ВЕЛИКОСВѢТСКИМИ ХЛЫЩАМИ.

Вечеромъ въ одинъ изъ четверговъ я проѣзжалъ мимо квартиры Грибановыхъ и замѣтилъ въ ихъ окнахъ необыкновенное освѣщеніе. «Чтó бы это могло значить — подумалъ я — сегодня, кажется, нѣтъ ни именинъ, ни рожденья». Эти огни подстрекнули мое любопытство, и я велѣлъ кучеру остановиться у подъѣзда. Вхожу на лѣстницу — лѣстница освѣщена двумя стеариновыми свѣчами въ фонаряхъ; это озадачило меня еще болѣе, потому что даже въ торжественные дни рожденья и именинъ въ этихъ фонаряхъ обыкновенно горѣли сальныя свѣчи.

звонко съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, двери отворяются тотчасъ, что также случалось весьма рѣдко. Въ передней поражаетъ меня лампа, вмѣсто свѣчки, и сильное благовоніе отъ геркавскихъ бумажекъ. «Эге! да тутъ въ самомъ дѣлѣ совершается что-нибудь необыкновенное», шепнулъ я самому себѣ. Удивленіе и любопытство мое возрастали съ каждымъ шагомъ впередъ. Въ залѣ, вмѣсто одной, зажжено было четыре лампы; въ гостиной сіялъ карсель, зажигавшійся разъ въ годъ и служившій болѣе для украшенія, нежели для освѣщенія комнаты; въ будуарѣ теплились всѣ фонарики, разливая красноватый и непріятный полусвѣтъ, и во всѣхъ комнатахъ было такъ накурено духами, что дѣлалась даже небольшая тошнота и головокруженіе. Лидія Ивановна была вся усыпана цвѣточками, бантиками и куколь-ками, цвѣтъ лица ея былъ необыкновенно ярокъ; дочка была одѣта также по праздничному; сынъ все улыбался и ходилъ потирая себѣ руки; но, что всего удивительнѣе, на хозяинѣ дома были сапоги, волосы его постоянно растрепанные были приглажены, новый атласный галстухъ подпиралъ его подбородокъ. Онъ видимо чувствовалъ какое-то безпокойство и неловкость, два раза хотѣлъ закурить сигару и, поднося къ свѣчкѣ, бросалъ ее и морщился.

— Да что съ вами, Алексѣй Аѳанасьичъ? спросилъ я его, осматриваясь кругомъ и не замѣчая въ числѣ гостей никакой особенности, ни даже авторитета: — вы какъ будто ждете, что ли, кого нибудь? У васъ что-то сегодня необыкновенное....

— Ужь не говорите! возразилъ онъ, махнувъ рукой и улыбнувшись: — я не знаю собственно, для чего все это (онъ указалъ головою на лампы), и меня заставили прифрантиться, какъ видите. Къ намъ хотѣлъ сегодня пріѣхать баронъ Щелкаловъ.... вы, я думаю, слыхали про него? Ну, прекрасно.... да чтожь онъ за такая важная птица, чтобы для него и сапоги натягивать и галстухъ новый надѣвать, да и сигары наконецъ не кури! Что мнѣ за дѣло тамъ, что онъ принадлежитъ къ высшему кругу, вѣдь не я къ нему лѣзу, а онъ ко мнѣ, слѣдовательно онъ долженъ сообразоваться съ моими привычками... Ну, да женщины, знаете, они на это смотрятъ иначе... А мы съ вами все-таки сигарочку выкуримъ.... я васъ угощу отличной сигарочкой, настоящія манильы, по случаю досталъ, пойдемте-ка ко мнѣ.

Мы хотѣли уже идти, какъ вдругъ раздался голосъ Лидіи Ивановны.

— Куда это, Алексѣй Аѳанасьичъ, полноте, останьтесь, послѣ накуритесь сколько угодно. Баронъ скоро пріѣдетъ, вѣдь вы хозяинъ дома.... кто же его встрѣтитъ?

Въ мягкомъ голосѣ, съ которымъ произнесены были эти слова, звучала, однако, какая-то пискливая и раздражительная нота. Алексѣй Аѳанасьичъ едва замѣтно поморщился, но вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же пріятно улыбнулся, взглянувъ на Лидію Ивановну, и произнесъ:

— Ну извольте, матушка, извольте. Быть по вашему, никуда не уйду отсюда.

И потомъ, обратясь ко мнѣ, замѣтилъ шопотомъ:

— Дѣлать нечего.... будемъ сидѣть у моря и ждать погоды.

Начался общій разговоръ, но онъ какъ-то не клеился. Лидія Ивановна и Иванъ Алексѣичъ слушали разсѣянно, безпрестанно посматривая на часы. Лидія Ивановна нѣсколько даже вздрагивала при звонкѣ, и когда въ комнату входилъ обыкновенный четверговый гость, она съ равнодушіемъ кивала ему головой, протягивала руку и говорила: «А-а-а! Это вы? Здравствуйте».

Стѣсненіе и неловкость сообщились отъ хозяевъ къ гостямъ, которымъ къ тому же хотѣлось ужасно курнуть, и въ душахъ многихъ изъ нихъ, постоянно воспѣвавшихъ Лидіи Ивановнѣ гимны и мадригалы, зашевелились въ эту минуту на ея счетъ ядовитѣйшія эпиграммы, а самолюбіе еще подстрекало къ этимъ эпиграммамъ, нашептывая: «да чѣмъ же вы хуже г. Щелкалова? Отчего же для г. Щелкалова вы должны себя подвергать стѣсненіямъ и лишеніямъ? Вамъ-то что за дѣло до него.... Пусть Лидія Ивановна, если угодно, ходитъ передъ нимъ хоть на четверенькахъ, да не стѣсняетъ для него васъ....» и тому подобное.

Пруденскій, наклонясь къ своему сосѣду и поправляя глубокомысленно золотые очки (это была его привычка), шепнулъ ему съ выраженіемъ глубочайшей ироніи:

— Что же этотъ достолюбезный гость заставляетъ такъ долго ждать себя! И зачѣмъ насъ не предупредили. Мы ужь облеклись бы въ мундиры и съ треуголками пошли бы къ нему во срѣтеніе.

Внутренній ропотъ и неудовольствіе противъ хозяевъ накипали въ груди гостей съ каждой минутой, а къ барону Щелкалову они начинали чувствовать просто непріязненное расположеніе и ожидали его, какъ врага.

Уже было половина десятаго, но никакихъ признаковъ приготовленій къ чаю. Палагея Петровна въ чепцѣ съ голубыми бантами повременамъ появлялась на минуту въ залу, взглянуть на часы, и потомъ снова исчезала.

Одинъ изъ гостей поймалъ проживалку.

— Послушайте, Палагея Петровна, сказалъ онъ: — ужасно пить хочется. Что у васъ будетъ нынче чай, или нѣтъ?

— Ужь не говорите! отвѣчала Палагея Петровна: — помилуйте, два часа все приготовлено. Самоваръ ужь давно кипитъ, да вотъ вишь ждутъ этого князя, что-ли, какого. Слыханоли въ самомъ дѣлѣ, до десятаго часа эдакъ маяться безъ чаю!

— Да гдѣ же приготовлено, возразилъ гость: — еще и круглый столъ не поставленъ.

— Нынче у насъ все вѣдь по модѣ, такъ какъ въ знатныхъ домахъ, замѣтила не безъ ироніи Палагея Петровна: — чай будутъ разносить на подносѣ, а я разливаю въ задней комнатѣ.

Палагея Петровна почему-то полагала, что въ знатныхъ домахъ наливаютъ всегда чай въ заднихъ комнатахъ.

Прошло еще четверть часа мучительныхъ для хозяевъ ожиданій. Вдругъ въ исходѣ десятаго часа, въ ту минуту, какъ Лидія Ивановна смотрѣла на часы, стоявшіе на каминѣ, раздался изъ передней рѣзкій звонокъ. Она быстро взглянула въ зеркало, поправила свои пукольки, прищурила нѣсколько глаза и, обратившись къ Алексѣю Аѳанасьичу, сдѣлала ему головой значительный знакъ, указывая на переднюю.

Старикъ пошелъ на встрѣчу новоприбывшимъ.

Пруденскій, глубокомысленно поправляя золотые очки, и другіе гости, въ томъ числѣ и я, съ любопытствомъ обратились къ двери, которая вела изъ залы въ переднюю.

Въ этихъ дверяхъ сначала показался господинъ лѣтъ за сорокъ, одѣтый щегольски, съ большими туго накрахмаленными воротничками и съ развязными манерами,— *литературный диллетантъ*, по фамиліи Веретенниковъ, изрѣдка появлявшійся по четвергамъ и болѣе или менѣе уже знакомый всѣмъ намъ.

Онъ принадлежалъ къ тому петербургскому кружку, который немного повыше средняго и гораздо пониже высшаго, потому что двоюродная сестра этого господина была замужемъ за какимъ-то княземъ, двоюроднымъ братомъ одного виднаго и значительнаго лица. Это было извѣстно всѣмъ, кому хоть сколько нибудь былъ извѣстенъ Веретенниковъ, безпрестанно употреблявшій въ разговорѣ такія фразы: *ma cousine princesse N**, *мой зять князь N**, *графъ С* — двоюродный братъ моего зятя князя N**, и такъ далѣе.

Желая чѣмъ-нибудь обратить на себя особенное вниманіе своего кружка, Веретенниковъ вздумалъ пуститься въ литературу, написалъ небольшой разсказъ изъ свѣтской жизни и прочелъ его въ одномъ салонѣ средней руки. Разсказъ былъ найденъ дамами прелестнымъ, и онѣ въ особенности были поражены тѣмъ, что на русскомъ языкѣ можно дѣлать недурные каламбуры: у Веретенникова было нѣсколько довольно удачныхъ. Разсказъ этотъ появился впослѣдствіи въ какомъ-то журналѣ, послѣ чего Веретенниковъ уже вообразилъ, что русская литература безъ него обойдтись никакъ не можетъ, и что деньги такъ и посыплются къ нему. Ободренный этой фантазіей, онъ началъ замышлять романъ, приступилъ къ дѣлу и черезъ нѣсколько времени явился съ началомъ романа къ журналисту съ тѣмъ, чтобы запродать свое произведеніе за какую-то баснословную сумму, замѣтивъ впрочемъ, что эта сумма назначается имъ въ помощь одному бѣдному семейству, а что самъ онъ вовсе не нуждается въ деньгахъ, что ему нѣтъ необходимости жить собственными трудами, и проч. Начало оказалось впрочемъ такъ плохо, что его и даромъ напечатать не было никакой возможности. Съ этихъ поръ диллетантъ нѣсколько охладѣлъ къ литературѣ, не писалъ ничего болѣе, а на вопросы своихъ пріятелей: «Чтожь, братецъ, твой романъ-то? скоро ли онъ будетъ печататься?» отвѣчалъ обыкновенно: «Я, право, не знаю, мнѣ не хочется связываться съ этими журналистами.... я напечатаю его отдѣльно.... у нихъ тамъ свои какія-то партіи.... я хочу какъ можно подальше держать себя отъ *этого міра*. Вѣдь не литераторомъ же сдѣлаться мнѣ въ самомъ дѣлѣ!...»

Знакомство его съ Грибановыми совпадаетъ съ эпохою печатанія его знаменитаго разсказа. Много лѣтъ прошло послѣ того, всѣ, разумѣется, давно забыли о его существованіи, а Ве-

ретенниковъ до сей минуты еще повторяетъ при всякомъ случаѣ: съ *моей поньета, моя поньеть*.... и проч.

Литераторы не любятъ Веретенникова; потому что передъ ними онъ корчитъ свѣтскаго человѣка и все толкуетъ о своихъ пріятеляхъ князьяхъ, графахъ и баронахъ; а свѣтская молодежь смѣется надъ нимъ, потому что въ кругу ея онъ корчитъ человѣка ученаго.

— Имѣю честь представить.... Баронъ Щелкаловъ! сказалъ Веретенниковъ хозяину дома, указавъ на господина, слѣдовавшаго за нимъ, поправивъ свои воротнички и выставивъ одну ножку въ лакированномъ сапогѣ впередъ....

Щелкалову казалось лѣтъ подъ тридцать. Онъ былъ высокаго роста и недуренъ собой: черные и волнистые густые волосы, черные довольно выразительные глаза, небольшой немного приподнятый кверху носъ и въ глазу стеклышко, съ которымъ какъ будто бы онъ родился. Одѣтъ онъ былъ съ тою щегольскою небрежностью, къ которой тщетно стремятся нѣкоторые франты всю жизнь и такъ и умираютъ, не достигая ея; сложенъ былъ очень недурно, но держался странно, какъ будто бы всѣ члены его ослабли, завяли или развинтились: голова, казалось, едва держалась на плечахъ, руки болтались, опущенныя, спина была нѣсколько сгорблена. Съ перваго раза можно, пожалуй, было принять его за больного, но стоило только попристальнѣе взглянуть на него, чтобы совершенно разубѣдиться въ этомъ. Смуглое лицо его выражало, напротивъ, цвѣтущее здоровье и несомнѣнную силу. Человѣкъ простой призадумался бы при этомъ странномъ явленіи, а для человѣка свѣтскаго, оно не казалось нисколько страннымъ и объяснялось очень легко и просто довольно страннымъ словомъ — *шикъ* (du chic), вошедшимъ у насъ въ послѣднее время въ большое употребленіе. Въ самомъ дѣлѣ, эта слабость, завялость или развинченность, какъ хотите, была не болѣе, какъ *шикъ*.

Веретенниковъ сіялъ отъ удовольствія, представляя барона Щелкалова. Во глубинѣ своей онъ благоговѣлъ передъ Щелкаловымъ и смотрѣлъ на него какъ низшій на высшаго, потому что Щелкаловъ посѣщалъ такіе дома, которые были недосягаемы для Веретенникова, и говорилъ свободно, зѣвая, заложивъ пальцы за жилетъ съ такими дамами, при одной мысли о которыхъ у Веретенникова захватывало дыханіе; но свое благого-

вѣніе, свою внутреннюю подчиненность передъ Щелкаловымъ онъ скрывалъ усильно: смертельно боялся, чтобы какой нибудь наблюдательный глазъ не подмѣтилъ ее, и поэтому обращался съ нимъ какъ-то неестественно фамильярно.

Хозяинъ дома крѣпко пожалъ руку Веретенникова и протянулъ ее къ барону, не безъ чувства. Баронъ слегка и разсѣянно пожалъ ее и началъ смотрѣть на стѣны въ свое стеклышко.

— Милости просимъ, пожалуйте въ гостиную, говорилъ старикъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ: — сдѣлайте одолженіе.

— Что это? спросилъ Щелкаловъ, не слушая приглашеній старика и остановя свое стеклышко на картинѣ, изображавшей какую-то дѣтскую головку. — Копія съ Грёза, что ли?

— Вѣрно съ Грёза́! воскликнулъ обрадованный старикъ. — Я всегда это говорилъ. Вѣдь прекрасная вещь, не правда ли?

Онъ растрогался и началъ смотрѣть на картину слезящими глазами.

— Это съ Грёза̀. Недурная копія, продолжалъ Щелкаловъ съ видомъ знатока, закидывая руку за жилетъ и слегка искрививъ въ сторону нижнюю губу, какъ бы желая зѣвнуть. — Вы охотникъ до картинъ?... Заходите когда нибудь ко мнѣ. У меня есть настоящій Грёзъ... Ты знаешь, Веретенниковъ, князь Чамбаровъ мнѣ давалъ за женскую головку три тысячи рублей, но я ее не отдамъ и за десять.

Лидія Ивановна, выглядывавшая изъ дверей гостиной, слѣдила съ любопытствомъ за движеніями гостя и прислушивалась къ его рѣчамъ, стараясь, впрочемъ, скрыть это отъ другихъ гостей и казаться совершенно равнодушной.

— У моего пріятеля есть настоящій портретъ Грёза̀, писанный имъ самимъ... Удивительный портретъ... Ты знаешь, Веретенниковъ, у Лёвушки?

Проговоривъ это, какъ будто бы кто нибудь заставлялъ говорить его насильно, Щелкаловъ, лѣниво передвигая ноги, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и очутился въ самыхъ дверяхъ гостиной.

Веретенниковъ юркнулъ впередъ и представилъ его Лидіи Ивановнѣ.

Щелкаловъ, не выпуская изъ глазъ стеклышка, слегка наклонилъ голову въ отвѣтъ на ея французское привѣтствіе.

— Вотъ, баронъ, моя дочь, сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ : — а вотъ и сынъ, вы съ нимъ, кажется, ужь знакомы; милости прошу садиться ; и старикъ подставилъ ему кресла. — Теперь пора бы и чайку, продолжалъ онъ, взглянувъ на Лидію Ивановну.

Лидія Ивановна бросила косвенный взглядъ на Алексѣя Аѳанасьича и чуть-чуть пожала плечами, какъ бы желая сказать этимъ: «да когда же вы будете умѣть себя вести при чужихъ, какъ слѣдуетъ?»

Между тѣмъ Щелкаловъ протянулъ руку сыну и заговорилъ, не обращаясь, впрочемъ, ни къ кому и все посматривая на потолокъ въ свое стеклышко, хотя потолокъ не представлялъ ничего особеннаго.

— Какже, мы старые знакомые... Ну что, батюшка, не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?... У васъ славный стихъ!

Стеклышко барона съ потолка перешло на хозяевъ и потомъ на гостей... Онъ началъ всѣхъ насъ разсматривать съ такою беззастѣнчивостію, съ какою обыкновенно разсматриваютъ неодушевленные предметы. Въ это время Веретенниковъ заливался, какъ соловей: разсказывалъ анекдоты, цитировалъ извѣстныя рукописныя эпиграммы и вообще блисталъ любезностію и свѣтскостью. Зашла между прочимъ рѣчь о странностяхъ покойнаго Крылова, Лидія Ивановна ловко этимъ воспользовалась, обратилась къ барону съ пріятнѣйшею улыбкою и сказала по французски:

— Я слышала, баронъ, что вы также занимаетесь поэзіей?

— Да, такъ иногда, отъ нечего дѣлать, отвѣчалъ баронъ по русски. — У меня есть маленькая способность писать стихи, вашъ сынъ находитъ тоже.

Щелкаловъ точно писалъ стихи въ альбомы разнымъ дамамъ и былъ, говорятъ, совершенно убѣжденъ, что ему стоило только небольшое усиліе, маленькій трудъ для того, чтобы стать на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Этимъ отчасти объяснялось внезапное появленіе его въ литературномъ и артистическомъ семействѣ Грибановыхъ.

— Я надѣюсь, баронъ, что вы будете такъ добры, прочтете намъ что-нибудь, продолжала Лидія Ивановна, заигравъ глазами, какъ во время оно, и устремляя ихъ на Щелкалова.

— Пожалуй, произнесъ небрежно Щелкаловъ; не смотря на нее и закинувъ голову назадъ, продолжалъ, какъ будто бы про-себя: — У меня много стиховъ.... что бы такое вамъ прочесть?... постойте... постойте...

— Прочти, братецъ, возразилъ Веретенниковъ: — послѣдніе твои стихи въ альбомѣ графини Воротынцевой.... *c'est charmant!*

— Да, какъ бишь они начинаются?... У меня такая плохая память...

Я вамъ скажу, я вамъ скажу...

— О, нѣтъ, не такъ, перебилъ Веретенниковъ: — ты врешь.

«Сказать, графиня, что вы милы....

— Ахъ, да, да, да!

Сказать, графиня, что вы милы,
Что вами *нашъ* гордится кругъ;
Что вы какъ солнце; что свѣтилы
Всѣ остальные меркнутъ вдругъ,
Поглощены огнемъ и свѣтомъ
Чудесной вашей красоты;
Что ароматомъ вы и цвѣтомъ
Затмили лучшіе цвѣты, —
Цвѣтокъ роскошный и прелестный!
Но это всѣмъ давно извѣстно.
Нѣтъ! лучше это позабыть
И съ безмятежностью чинной
Любовью кроткой и невинной,
Любовью братской васъ любить!

Продекломировавъ эти стихи съ торжественностію, Щелкаловъ обвелъ взоромъ все собраніе съ такимъ самодовольствіемъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Вѣдь вотъ вы здѣсь вѣрно все литераторы, ну, а попробуйте написать такъ тонко и ловко.»

— Ахъ, какъ это граціозно! воскликнула Лидія Ивановна, обращаясь ко всѣмъ намъ.

Иванъ Алексѣичъ смотрѣлъ въ глаза Щелкалову во время декламаціи съ большою пріятностью, покачивая въ тактъ головою, что не помѣшало ему однако же замѣтить сосѣду шопотомъ:

— Пошлые стишонки.... И вѣдь вотъ чѣмъ забавны эти господа: напишутъ какой нибудь мадригальчикъ, думаютъ, что сдѣлали дѣло, и счастливы.

Всѣ мы за исключеніемъ Веретенникова и дамъ, присутствовавшихъ тутъ, раздѣляли, кажется, о стихахъ Щелкалова мнѣніе, сообщенное намъ на ушко Иваномъ Алексѣичемъ. Всѣ мы съ нѣкоторымъ внутреннимъ негодованіемъ и отчасти даже съ злобою думали, смотря на него: «Вотъ пустѣйшій-то господинъ!» но если Щелкаловъ обращался во время разговора къ кому нибудь изъ насъ, онъ встрѣчалъ и привѣтливый отвѣтъ и привлекательную улыбку... Признаться, мы нѣсколько завидовали его смѣлости. Мы, которые были чуть не съ дѣтства знакомы въ домѣ, чувствовали себя несовсѣмъ свободными съ Надеждой Алексѣевной и даже иногда не находили предмета для разговора съ нею; а онъ, въ первый разъ въ жизни видѣвшій ее, уже сидѣлъ возлѣ нея, наклонясь къ самому ея плечу, принявъ живописно небрежную позу и такъ свободно разговаривалъ, какъ будто бы вѣкъ былъ знакомъ съ нею, такъ смѣло и дерзко глядѣлъ на нее, что бѣдная дѣвушка должна была даже вспыхивать и потуплять глаза.

— У васъ, говорятъ, очень пріятный голосъ. Правда это? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, отвѣчала Наденька: — я пою дурно.

— О! Будто?... Ну спойте что-нибудь, я вамъ скажу правду.

— Низачто.

— Вы капризничаете. А вотъ я пожалуюсь на васъ папенькѣ, или тетенькѣ... Это вѣдь ваша тетенька? Что! вы, я думаю, боитесь ее?... хотите, я буду вамъ акомпанировать?

И Щелкаловъ подошелъ къ ройялю, взялъ нѣсколько аккордовъ, самъ что-то такое промурлыкалъ и между тѣмъ смотрѣлъ на Наденьку, какъ бы вызывая ее.

Лидія Ивановна начала упрашивать барона, чтобы онъ спѣлъ, говоря, что она очень много наслышана объ его удивительномъ голосѣ;. Алексѣй Аѳанасьичъ присоединилъ къ этому свою просьбу.

— Пожалуй, но съ условіемъ, возразилъ Щелкаловъ, обратясь къ старику: — чтобы потомъ намъ спѣла что-нибудь ваша дочь... Иначе я не пою.

— Слышишь, Наденька? сказалъ старикъ, обращаясь къ ней съ улыбкою...

— Я надѣюсь, Nadine, что ты исполнишь просьбу барона? прибавила Лидія Ивановна.

Наденька была въ замѣшательствѣ и молчала.

— Она будетъ пѣть, я вамъ даю за нее слово, произнесла Лидія Ивановна.

— Ну, въ такомъ случаѣ, хорошо... Видите ли я не такъ капризенъ какъ вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ, и пробѣжавъ руками по клавишамъ, запѣлъ:

Я видѣлъ дѣву на скалѣ...

У Щелкалова былъ не столько пріятный, сколько сильный голосъ — и пѣлъ онъ не безъ эффектовъ.

Какъ водится раздался громъ рукоплесканій, когда онъ кончилъ, и даже Пруденскій, все время искоса смотрѣвшій на него въ свои очки, воскликнулъ: «Превосходно!» и замѣтилъ мнѣ шопотомъ: «Хотя пустой человѣкъ, но несомнѣнно обладающій свѣтскими талантами....» и при этомъ глубокомысленно поправилъ свои золотые очки.

Наденька пропѣла какой-то романсикъ дрожащимъ голосомъ, Щелкаловъ перевертывалъ ноты и говорилъ ей вполголоса одобрительнымъ тономъ: «Bravo! Bravo! Charmant!... только посмѣлѣе!» А молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, стоялъ какъ убитый, прислонившись къ печкѣ, и отъ времени до времени бросалъ сердитые взгляды на Щелкалова. Другой романсъ Наденька спѣла уже гораздо лучше. Щелкаловъ торжественно объявилъ, что у нея голосъ превосходный, чистѣйшій *soprano* и что ему не достаетъ только методы и обработки... Въ заключеніе онъ спѣлъ съ ней дуэтъ, не помню, изъ какой-то итальянской оперы и сказалъ, пристально взглянувъ на нее въ свое стеклышко, взявъ ее руку и крѣпко пожавъ ее:

— Право, очень недурно!...

Наденька вспыхнула и хотѣла было отдернуть руку, но уже было поздно.

— Учитесь, продолжалъ Щелкаловъ: — у васъ отличныя музыкальныя способности. Хотите взять меня въ учители? прибавилъ онъ, улыбаясь и нимало не обращая вниманія на ея замѣшательство.

Лидія Ивановна была въ восторгѣ отъ барона; онъ былъ героемъ этого вечера; Веретенниковъ его наперстникомъ, а всѣ мы остальные — статистами.

Этотъ вечеръ живо врѣзался мнѣ въ память со всѣми мелкими подробностями. У меня какъ теперь передъ глазами Макаръ, единственный лакей Грибановыхъ, — рослый, неуклюжій, нечистый, всегда ходившій въ длинномъ сюртукѣ и съ голыми руками, — вдругъ появившійся во фракѣ, въ нитяныхъ перчаткахъ, съ серебрянымъ подносомъ и съ особенною торжественностью на лицѣ, прямо направлявшій шаги свои мимо дамъ къ Щелкалову, и невиданный до тѣхъ поръ въ домѣ казачекъ также въ нитяныхъ огромнѣйшихъ перчаткахъ, слѣдовавшій за Макаромъ съ другимъ подносомъ, усыпаннымъ различными хитрыми сухариками, крендельками и печеньями. Я никогда не забуду удивленія Макара, когда Щелкаловъ отказался отъ чая, и его вопросительныхъ взглядовъ, переходившихъ отъ барона къ Лидіи Ивановнѣ и обратно; трехъ безмолвныхъ барышень, сидѣвшихъ рядомъ и какъ двѣ капли воды похожихъ одна на другую, переглядывавшихся между собою при каждомъ словѣ и движеніи Щелкалова, и четвертую постарше первыхъ трехъ, пребойкую особу съ двойнымъ золотымъ лорнетомъ на цѣпочкѣ, съ взбитыми спереди и закинутыми назадъ волосами, которая послѣ *Дѣвы на скалѣ*, пропѣтой Щелкаловымъ, шепнула первымъ тремъ, такъ что я могъ ясно слышать: «Ахъ, mesdames, просто чудо, душка!...»

Послѣ музыки, Щелкаловъ, разлегшись въ креслахъ, началъ что-то разсказывать, и всѣ слушали его, затаивъ дыханіе; потомъ онъ всталъ, разсѣянно подошелъ опять къ ройялю, заигралъ польку и вдругъ остановился, не кончивъ ея, сталъ посреди залы, осмотрѣлъ барышень въ свое стеклышко съ ногъ до головы и сказалъ:

— А что изъ васъ кто нибудь полькируетъ?

Всѣ мы были поражены этимъ неожиданнымъ вопросомъ, особенно тономъ, съ которымъ онъ былъ предложенъ, а Пруденскій, поправивъ свои очки, замѣтилъ:

— Это уже, кажется, переходитъ за ту черту, которая раздѣляетъ свѣтскость отъ наглости... И при этомъ прибавилъ съ иронической улыбкою: — Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ.

Даже восхищенные Щелкаловымъ барышни, по видимому, нѣсколько оскорбились этимъ вопросомъ, и бойкая барышня, съ двойнымъ лорнетомъ, ловко играя имъ, замѣтила по-французски, нѣсколько прищуривъ глаза и не обращаясь къ барону:

— Да чтожь за новость танцовать польку? (Хотя полька надобно замѣтить, была точно въ то время еще новостью.)

— А вы танцуете? спросилъ Щелкаловъ, обратясь къ ней.

Барышня засмѣялась громко и не безъ аффектаціи обвела взоромъ все собраніе, какъ бы желая обратить вниманіе на свою смѣлость, и сказала очень рѣзкимъ тономъ:

— Ну, да. Что же изъ этого?

— Ничего особеннаго, возразилъ Щелкаловъ: — кромѣ того, что въ такомъ случаѣ я желалъ бы сдѣлать съ вами одинъ туръ.

И онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій обвилъ одною рукою станъ барышни и, повернувъ голову назадъ, спросилъ:

— Ктожь будетъ играть?

— Nadine, съиграй ты! воскликнула Лидія Ивановна.

Наденька сѣла за рояль. Всѣ отодвинули свои стулья къ стѣнѣ. Раздались звуки польки, и Щелкаловъ, не выбрасывая изъ глаза стеклышко, началъ извиваться по комнатѣ съ своею дамою. Это продолжалось довольно долго, потомъ онъ нѣсколько разъ перевернулъ ее и почти бросилъ на стулъ.

— Съ вами полькировать очень ловко, сказалъ онъ: — послѣ графини Высоцкой вы полькируете лучше всѣхъ, съ кѣмъ я танцовалъ.

Бойкая барышня замерла отъ восторга при этомъ замѣчаніи. Она подошла къ своимъ безмолвнымъ и робкимъ подругамъ и что-то шепнула имъ, закативъ сначала зрачки глазъ подъ лобъ отъ умиленія, и потомъ, нахмуривъ брови, и съ презрительной гримасой кивнула головой въ нашу сторону.

Я угадалъ этотъ шопотъ.

Барышня шептала:

«Отъ него (т. е. отъ барона) можно съума сойдти, это не то, что эти ваши неуклюжіе-то ученые (т. е. мы).»

Часу въ первомъ въ исходѣ, въ то время, когда уже въ залѣ накрывали на столъ и Палагея Петровна бѣгала въ попыхахъ за кулисами, бранясь съ Макаромъ и подирая за уши казачка,

Щелкаловъ взялся было за шляпу. У Лидіи Ивановны выступилъ холодный потъ отъ ужаса.

— Баронъ, что это вы, куда вы? воскликнула она. — Сейчасъ подадутъ ужинъ... Не угодно ли вамъ будетъ чего-нибудь закусить, такъ, за просто, по домашнему?

— Я никогда не ужинаю, отвѣчалъ баронъ: — и къ тому же, что-то нехорошо себя чувствую... да и пора ужь.

Баронъ взглянулъ на часы и зѣвнулъ.

— Я прошу васъ, останьтесь, баронъ, продолжала Лидія Ивановна: — можетъ быть, вамъ придетъ аппетитъ, и вы чего-нибудь скушаете. Mr. Веретенниковъ, я васъ низачто не пущу.

И Лидія Ивановна съ любезностью отняла у него шляпу.

— Попросите барона, чтобы онъ остался, прибавила она самымъ сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ.

— Послушай, сказалъ Веретенниковъ барону, отведя его нѣсколько въ сторону: — въ самомъ дѣлѣ останься, неловко... Они вѣдь для тебя, я думаю, состряпали неслыханный ужинъ, разорились!... Ты если не хочешь ѣсть, то хоть посмотри на него. Все же имъ будетъ легче... Зачѣмъ этихъ бѣдныхъ людей приводить въ отчаяніе?... Останься...

— Ты думаешь? возразилъ Щелкаловъ, зѣвая: — ну, пожалуй.

И онъ бросилъ свою шляпу, къ несказанному удовольствію Лидіи Ивановны.

— А знаете, произнесъ Пруденскій, обращаясь къ сидѣвшимъ возлѣ него, въ томъ числѣ и ко мнѣ, и понюхивая табакъ съ разстановкой и глубокомысленно, потому что Пруденскій дѣлалъ все, даже и нюхалъ табакъ, глубокомысленно: — знаете, что нѣтъ худа безъ добра. Пословицы всегда вѣрны, это практическіе выводы народной жизни. Если бы здѣсь не было сегодня этого ловкаго, свѣтскаго фата, мы не имѣли бы такого ужина, который насъ ожидаетъ. Я предвижу, что это будетъ нѣчто въ родѣ фестенчика.

Ужинъ былъ дѣйствительно не обыкновенный: четыре блюда подъ различными, весьма хитрыми украшеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя представляли видъ бастіоновъ, а другія походили на готическія башни; нога ветчины была завернута въ султанъ, искусно вырѣзанный изъ цвѣтной бумаги, а желе было

иллюминовано стеариновымъ огаркомъ, вставленнымъ внутрь его дрожащихъ стѣнокъ. Поваръ обнаружилъ, если не поварской, то по крайней мѣрѣ значительный архитектурный талантъ. Первое почетное мѣсто по правую руку отъ Лидіи Ивановны приготовлено было для барона, Лидія Ивановна указала ему рукой на это мѣсто, приглашая его сѣсть; но онъ искусно отдѣлался отъ этого, посадивъ вмѣсто себя Веретенникова, а самъ сѣлъ между Наденькой и смѣлой барышней съ двойнымъ лорнетомъ. Онъ не ѣлъ почти ничего и даже не снималъ салфетки съ своего прибора, къ великому огорченію Лидіи Ивановны, которая безпрестанно обращалась къ нему.

— Отвѣдайте этого, баронъ; вотъ это блюдо самое легкое, выкушайте вотъ этого вина, и прочее.

Но баронъ не слушалъ этихъ любезныхъ приглашеній; онъ что-то такое нашептывалъ въ это время своимъ сосѣдкамъ, изъ которыхъ одна все краснѣла, а другая все фыркала отъ смѣха. Несмотря на это Лидія Ивановна безпрестанно мигала Алексѣю Аѳанасьичу, чтобы тотъ наливалъ вино барону. Всѣ рюмки и стаканы, стоявшіе передъ Щелкаловымъ, уже были полны, и Алексѣй Аѳанасьичъ принужденъ былъ наливать ему въ стаканы барышень.

— Что это за батарея? вдругъ воскликнулъ Щелкаловъ, улыбаясь и взглянувъ въ свое стеклышко на стоявшіе передъ нимъ стаканы и рюмки, наполненные разноцвѣтнымъ виномъ: — это все мнѣ?... и вы полагаете, что я все это выпью?

— Отвѣдайте вотъ хоть красненькаго, отличный лафитецъ, отвѣчалъ добродушно Алексѣй Аѳанасьичъ: — тончайшее винцо!

И какъ бы соблазняя барона, старикъ отпилъ изъ своего стакана, чмокая губами.

Щелкаловъ поднесъ свой стаканъ ко рту и только помочилъ губы... За то Пруденскій, не угощаемый ни кѣмъ особенно, ѣлъ и пилъ съ величайшимъ аппетитомъ, придерживаясь изъ винъ въ особенности мадеры.

«Это вино здоровое, укрѣпляющее, полезное для желудка — замѣчалъ онъ — способствующее пищеваренію», хотя укрѣплять Пруденскаго и способствовать пищеваренію его желудка было совершенно излишне, потому что этотъ желудокъ могъ переваривать камни.

Къ концу ужина Лидія Ивановна значительно взглянула на Макара; Макаръ утвердительно кивнулъ ей головой въ отвѣтъ и явился черезъ минуту съ бутылкой, обернутой въ салфетку. Ему было настрого приказано отъ Лидіи Ивановны откупорить бутылку безъ шума, но Макаръ не выдержалъ искушенія: пробка выстрѣлила и взлетѣла къ потолку съ такимъ эффектомъ, что всѣ гости, не исключая даже Пруденскаго, вздрогнули, а Лидія Ивановна помертвѣла, бросивъ глубоко значительный взглядъ на Алексѣя Аѳанасьича и пожавъ плечами.

Щелкаловъ чокнулся своимъ бокаломъ съ бокаломъ Наденьки, а молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, сидѣвшій напротивъ и слѣдившій за малѣйшимъ ея движеніемъ, безпрестанно измѣнялся въ лицѣ отъ внутренней тревоги. Онъ видѣлъ, что Наденька перестала дичиться Щелкалова, что она свободно и непринужденно разговариваетъ съ нимъ, что его общество даже пріятно ей. Онъ видѣлъ, что Щелкаловъ особенно ухаживаетъ за Наденькой; но онъ не видѣлъ того, что въ добавленіе всего этого, видѣлъ я, хладнокровный наблюдатель: досады, выражавшейся на лицѣ смѣлой барышни съ двойнымъ лорнетомъ, оттого, что Щелкаловъ болѣе оказывалъ вниманія Наденькѣ, нежели ей, и тѣхъ ироническихъ взглядовъ, которые барышня иногда бросала на Наденьку.

Послѣ ужина Щелкаловъ, съ шляпой въ рукѣ, вдругъ сказалъ, обращаясь къ Наденькѣ:

— Ахъ, да! я вамъ говорилъ давича о романсѣ, который я положилъ на музыку. Хотите имѣть понятіе о моемъ музыкальномъ дарованіи?

И не дожидая отвѣта, снялъ перчатку, бросилъ шляпу, сѣлъ къ рояли, остановился на минуту, задумался и запѣлъ:

Любилъ твой голосъ кроткій, нѣжный,
Задумчивый, туманный взглядъ,
Твой локонъ, вившійся небрежно,
И твой обдуманный нарядъ,
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ я слушать твои рѣчи,
Твои движенья подмѣчать,
Смотрѣть на станъ твой и на плечи
И взглядъ твой пламенный встрѣчать...
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ, когда въ разгарѣ бала,
По скользкимъ лаковымъ поламъ,
Ты, увлеченная, летала,
Взглядъ посылая гордый намъ...
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ, когда въ уединеньи,
Въ таинственный полночи часъ,
Ты говорила мнѣ въ смятеньи: —
«Скажи, кто счастливѣе насъ?»
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Всегда, вездѣ — и въ залѣ шумной,
Въ каретѣ, въ ложѣ, на конѣ
И на яву и въ сладкомъ снѣ,
Любовью страстной и безумной
Тебя любилъ, тебя любилъ!

При послѣднемъ повтореніи: *тебя любилъ!* голосъ Щелкалова обратился въ какой-то неистовый крикъ и вопль, который однако произвелъ невообразимое впечатлѣніе на слушателей.

— Bravo! bravo! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Ravissant! шепнула бойкая барышня съ лорнетомъ.

— Bravissimo! прибавилъ многозначительно Пруденскій. — И въ словахъ много страсти. Позвольте, это ваши собственныя слова? сказалъ онъ, обратясь къ Щелкалову.

Щелкаловъ не замѣтилъ этого вопроса.

— Этотъ романсъ, произнесъ онъ какъ будто про себя: — напоминаетъ мнѣ очень многое!

И онъ провелъ рукою по лицу, всталъ со стула, схватилъ шляпу, съ нетерпѣливымъ волненіемъ началъ натягивать перчатку, разорвалъ ее и бросилъ, взглянулъ на часы, проговорилъ себѣ подъ носъ: «Пора!», раскланялся Лидіи Ивановнѣ, пожалъ руку Наденькѣ и, кивнувъ остальнымъ головою, обратился къ Веретенникову:

— Ѣдемъ... Ты вѣдь меня везешь въ своемъ экипажѣ?

— Я надѣюсь, баронъ, что это не въ послѣдній разъ, сдѣлайте одолженіе, мы всегда рады, раздавалось вслѣдъ за нимъ.

Алексѣй Аѳанасьичъ, проводивъ почетныхъ гостей, возвратился изъ передней, неся въ рукѣ галстухъ и дыша какъ будто свободнѣе. Намъ всѣмъ также стало полегче.

Наступила минута молчанія.

— Вотъ нападаютъ на свѣтскихъ людей, произнесла наконецъ Лидія Ивановна въ раздумьи: — а нельзя не сознаться, что въ нихъ много ума и талантовъ!

— Да, это правда, возразилъ Алексѣй Аѳанасьичъ: — только все таки эти господа хороши изрѣдка.

— Это почему? спросила Лидія Ивановна недовольнымъ голосомъ.

— Потому, матушка, что хорошенькаго понемножку, отвѣчалъ онъ, улыбнувшись.

ГЛАВА III.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ БАРОНА ЩЕЛКАЛОВА, ИЗЪ КОТОРАГО НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ МОЖЕТЪ ДОГАДАТЬСЯ, ЧТО ТАКОЕ ПОДРАЗУМѢВАЕТСЯ ПОДЪ СЛОВОМЪ — ХЛЫЩЪ.

У меня есть знакомый—человѣкъ очень богатый, свѣтскій и умный. Въ свѣтѣ его не любятъ, и говорятъ, что у него злой языкъ, но свѣтъ за нимъ ухаживаетъ именно потому, что онъ богатъ и золъ. Свѣтъ его боится. Имѣетъ ли онъ злой языкъ дѣйствительно,—это еще вопросъ: онъ видитъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, владѣетъ большимъ юморомъ и высказываетъ свое мнѣніе обо всемъ и обо всѣхъ прямо, не входя ни въ какія соображенія и разсчеты.

Черезъ нѣсколько времени, послѣ знаменитаго вечера у Грибановыхъ, я встрѣтился у него съ барономъ Щелкаловымъ. Это было утромъ.

Щелкаловъ лежалъ, развалясь въ креслахъ, съ сигарой въ зубахъ и съ стеклышкомъ въ глазу. Хозяинъ дома назвалъ насъ другъ другу по имени.

Баронъ слегка приподнялся, сдѣлалъ движеніе головою и потомъ снова упалъ въ кресло и началъ меня разсматривать въ свое стеклышко съ ногъ до головы.

— Я, кажется, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ недавно, сказалъ я.

Онъ сначала вопросительно и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, потомъ сказалъ сквозь зубы:

— Очень можетъ быть... гдѣ же это?

— У Грибановыхъ, продолжалъ я.

Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто припоминаетъ, *что это такое* Грибановы.

— Ахъ, да, проговорилъ онъ черезъ минуту:—я точно былъ тамъ.

Въ этотъ разъ Щелкаловъ показался мнѣ проще. Онъ ломался несравненно менѣе; все, что говорилъ, говорилъ неглупо, но хотя разговоръ былъ общій, онъ рѣдко обращался ко мнѣ, и то всякій разъ какъ будто нехотя.

Въ третій разъ я почти нечаянно натолкнулся на него въ театрѣ, въ тѣснотѣ, во время антракта и поклонился. Онъ едва кивнулъ мнѣ въ отвѣтъ головой, потомъ взглянулъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ спросить:

«Что ты за человѣкъ и какимъ образомъ я могу быть знакомъ съ тобой? и зачѣмъ ты безпокоишь меня?»

Послѣ этого я часто встрѣчался съ нимъ въ театрѣ, на улицѣ, у нашего общаго знакомаго, но я уже не кланялся ему и не говорилъ съ нимъ. Онъ также не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія.

Такъ прошло мѣсяца два. Въ одинъ вечеръ, въ фойе Большаго театра, кто-то положилъ мнѣ руку на плечо. Я обернулся и увидѣлъ передъ собою Щелкалова.

— Ну что, какъ вы поживаете? Мы давно не видались... Вы любите музыку?

И прежде нежели я успѣлъ удивиться, онъ продѣлъ свою руку въ мою, потащилъ меня за собою по заламъ и началъ разсказывать мнѣ о частной жизни примадонны, которая производила тогда фуроръ въ Петербургѣ, объ ея умѣ, образованіи, о его дружбѣ съ нею, о томъ, какъ она цѣнитъ его музыкальныя познанія и какъ слушается его замѣчаній. Надобно замѣтить, что это было при самомъ началѣ антракта, когда въ залахъ почти еще не было никого. Вдругъ въ самомъ жару его разсказа появился въ концѣ залы какой-то молодой человѣкъ въ мундирѣ съ аксельбантами. Щелкаловъ, увидѣвъ его, остановился на полсловѣ, бросилъ мою руку, какъ будто испуганный чѣмъ-то, и пошелъ къ нему на встрѣчу, дѣлая привѣтливые знаки рукою.

Онъ прошелся съ нимъ раза два по залѣ, и когда молодой человѣкъ съ аксельбантами оставилъ его, Щелкаловъ, остановив-

шись среди залы, обозрѣлъ ее кругомъ въ свое стеклышко, опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ужасно душно... пить хочется... у васъ есть мелочь, дайте мнѣ... я забылъ.

Я молча подалъ барону четвертакъ, и онъ направилъ шаги къ буфету.

Такое поведеніе барона Щелкалова казалось мнѣ въ то время по молодости и неопытности необъяснимымъ. Я мало тогда видалъ такого рода господъ, и его личность казалась мнѣ оригинальною. Впослѣдствіи я коротко познакомился съ этою личностью, въ разныхъ экземплярахъ.

Вотъ кое-какія свѣдѣнія, собранныя мною отъ разныхъ лицъ о Щелкаловѣ, перемѣшанныя съ тѣмъ, что я самъ видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

Какимъ образомъ, когда и почему къ фамиліи Щелкаловыхъ присоединено баронское титло, этого я не знаю; дѣло въ томъ, что его дѣдушка нажилъ вдругъ огромное состояніе какъ-то не совсѣмъ хорошо, потому что, говорятъ, большія богатства вдругъ никогда не наживаютъ правдой; но это говорятъ тѣ, у которыхъ ничего нѣтъ. Отецъ Щелкалова прожилъ почти все, что нажилъ дѣдъ. Отецъ задавалъ неслыханные обѣды и ужины, съ персиками, сливами, земляниками и клубниками середи зимы, въ лѣсу изъ померанцевыхъ деревьевъ; миѳологическія празднества, о которыхъ до сихъ поръ разсказываютъ старики молодому поколѣнію, какъ о седьмомъ чудѣ, прибавляя со вздохомъ: «Нѣтъ, ужь нынче такъ жить не умѣютъ! куда!» Щелкаловъ былъ счастливъ мыслію, что ни одна изъ извѣстностей и знаменитостей того времени не миновала его порога, что даже самъ князь N., не удостоившій посѣщать ни кого въ теченіе по крайней мѣрѣ тридцати лѣтъ, изволилъ посѣтить одинъ изъ его праздниковъ, ко всеобщему изумленію, и уѣзжая приложилъ руку къ губамъ, сказавъ ему:

— Прекрасно, очень хорошо; ты человѣкъ со вкусомъ.

При чемъ у Щелкалова, говорятъ, брызнули слезы изъ глазъ... Въ городѣ въ теченіе по крайней мѣрѣ мѣсяца только и разговоровъ было, что о праздникѣ барона Щелкалова, на которомъ присутствовалъ самъ князь N., да о словахъ, сказанныхъ барону княземъ N. Баронъ послѣ этого началъ пользоваться еще

большимъ уваженіемъ: на него стали слаще глядѣть, ему стали крѣпче жать руку и говорили, значительно покачивая головою:

— Съ нимъ, батюшка, шутить нечего. Къ нему ѣздитъ самъ князь N.!

Баронъ до конца жизни съ умиленіемъ разсказывалъ объ этомъ необыкновенномъ событіи. Еле движущійся отъ паралича, въ долгахъ, полузабытый всѣми, старикъ повторялъ со вздохомъ:

— Ну, по крайней мѣрѣ пожилъ! самъ князь N. удостоилъ однажды мой праздникъ!

Единственный сынъ барона Щелкалова воспитанъ былъ, разумѣется, въ баловствѣ и роскоши. Изъ кружевовъ и изъ блондъ онъ ужь въ колыбели смотрѣлъ гордо. Съ четырехъ лѣтъ начали ему втолковывать нянюшки, мамушки, проживалки и дядьки, что отецъ его лицо необыкновенно важное, что къ нему ѣздитъ самъ князь N., что у нихъ несмѣтное богатство, что онъ единственный наслѣдникъ, и прочее и прочее... Его предполагали воспитывать не иначе, какъ за границей; по крайней мѣрѣ баронесса-мать непремѣнно требовала этого. За границу поѣхали, но по прошествіи трехъ лѣтъ должны были воротиться въ отечество, потому что дѣла барона пришли въ совершенное разстройство. Въ это время малюткѣ было лѣтъ десять. Щелкаловы продолжали жить хотя не съ прежнею роскошью, но еще довольно открыто. Между тѣмъ имѣніе за имѣніемъ продавалось.

Десяти-лѣтній наслѣдникъ этихъ незамѣтно исчезавшихъ богатствъ былъ очень хорошенькій мальчикъ. Ему всякій день завивали волосы пуклями, которые спускались до плечъ; водили его въ шелку, въ батистѣ, въ бархатѣ, въ перьяхъ и въ соболяхъ, по Невскому проспекту, гдѣ онъ производилъ большой эффектъ. Онъ обнаруживалъ притомъ значительные таланты: болталъ на нѣсколькихъ языкахъ, прекрасно танцовалъ и на дѣтскихъ балахъ производилъ фуроръ: влюблялся, волочился и во всемъ очень искусно передразнивалъ большихъ. Родители и посторонніе были отъ него въ восторгѣ.

Лѣтъ шестнадцати онъ поступилъ въ высшее учебное заведеніе; это было послѣ смерти его матери, которая, говорятъ, не могла перенести разстройство состоянія. Товарищи не полюбили барона, потому что онъ не умѣлъ обращаться ровно: то поддѣлы-

вался къ нимъ неизвѣстно для чего, то вдругъ начиналъ важничать и принималъ гордыя позы. Средства у него въ это время были небольшія, но онъ всегда терся около тѣхъ, которые побогаче и позначительнѣе, и началъ прибѣгать къ займамъ у мелкихъ ростовщиковъ, за огромные проценты. Окончивъ воспитаніе, онъ появился въ свѣтѣ и былъ замѣченъ. Нашли, что онъ воспитанъ недурно. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ свободно на нѣсколькихъ языкахъ, а по французски какъ французъ, игралъ на фортепьяно и пѣлъ, сочинялъ русскіе и французскіе стишки, отличался во всѣхъ *спортахъ*: ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ, плавалъ; былъ вообще очень смѣлъ и развязенъ, умѣлъ одѣваться съ *шикомъ* и безъ гроша въ карманѣ казаться на видъ богачемъ. Всѣ эти достоинства и молодежь, которою онъ былъ окруженъ, доставили ему сначала кредитъ, который онъ первое время послѣ смерти отца нѣсколько поддерживалъ продажею пятисотъ заложенныхъ душъ изъ восьми-сотъ, доставшихся ему.

Эта продажа дала ему еще возможность блеснуть въ Петербургѣ на короткое время — орловскими рысаками, англійской кобылой, гамбсовскими мебелями, своимъ стариннымъ серебромъ, лакеемъ въ ливреѣ съ гербами и въ плюшевыхъ красныхъ панталонахъ съ штиблетами — всѣмъ, чѣмъ обыкновенно блестятъ такого рода господа.

Онъ носился по Невскому на рысакахъ, которые бросали молніи изъ-подъ копытъ, заставляя разѣвать рты пѣшеходовъ; подпрыгивалъ на англійской кобылѣ какъ истый спортсманъ; игралъ на вечерахъ и въ клубѣ въ карты по *большой*, съ людьми значительными или съ извѣстными игроками, и велъ жизнь такого рода до тѣхъ поръ, покуда средства его почти совсѣмъ истощились. Тогда онъ началъ закладывать вещи.

Заложивъ свое старинное серебро и кубки, баронъ въ первый разъ встревожился, но его прежде всего обезпокоило то, что въ столовой опустѣли этажерки; онъ долго думалъ, чѣмъ бы установить ихъ, и отправился наконецъ къ Нигри, купилъ дюжину японскихъ тарелокъ, севрское блюдо и нѣсколько китайскихъ куколъ на деньги, отложенныя для уплаты какого-то долга. На минуту позабавивъ себя этими игрушками и полюбовавшись эффектомъ, которое они производили на этажеркахъ, Щелкаловъ повѣсилъ голову и призадумался о своемъ положеніи. Онъ думалъ доволь-

но долго, потомъ вскочилъ со стула, махнулъ рукой и сказалъ самому себѣ:

— Э! да впрочемъ, чтожь такое? все какъ нибудь обойдется. Люди съ такими связями и съ такимъ именемъ, какъ у меня, не погибаютъ!

Несмотря однако на эту счастливую мысль, онъ рѣшился вести жизнь поразсчетливѣе и поумѣреннѣе, поддерживая, разумѣется, на сколько можно свое достоинство, то есть тѣ аксесуары, безъ которыхъ нельзя же существовать *порядочному человѣку.* Онъ далъ себѣ слово не играть въ карты и опредѣлилъ въ головѣ очень благоразумно не только вообще свой бюджетъ, но даже и свои дневныя издержки. Баронъ не держалъ у себя стола и почти постоянно обѣдалъ у Леграна, который тогда только-что появился. Осуществленіе своихъ экономическихъ плановъ онъ рѣшился тотчасъ же начать съ Леграна, и отправился обѣдать съ намѣреніемъ спросить обыкновенный обѣдъ съ полу-бутылкой столоваго вина.

Войдя въ первую комнату, баронъ пріостановился на минуту; не снимая шляпы, кивнулъ небрежно хозяину ресторана и, съ своимъ стеклышкомъ въ глазу, медленно и раскачиваясь направилъ шаги свои въ слѣдующую комнату, гдѣ обыкновенно обѣдалъ. Въ этой комнатѣ, какъ нарочно, сидѣли два господина, да еще знакомые ему. При видѣ ихъ экономическіе планы барона разлетѣлись мгновенно какъ дымъ. Щелкаловъ почувствовалъ неудержимое желаніе, во что бы то ни стало, блеснуть передъ этими господами и озадачить ихъ. Онъ прикинулся, будто бы не узнаетъ ихъ и, остановясь посреди комнаты и не снимая шляпы, сталъ разсматривать ихъ въ свое стеклышко; потомъ промычалъ длинное *Аа!*, сбросилъ съ себя пальто и, все-таки еще не снимая шляпы, подсѣлъ къ ихъ столу.

— Я могу обѣдать за этимъ столомъ? произнесъ онъ небрежно и потягиваясь.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчали знакомые.

Человѣкъ поднесъ ему карту, но онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ ее и закричалъ:

— Позвать Леграна. Что ты мнѣ суешь карту... развѣ ты не знаешь, что я никогда не обѣдаю по этой глупой картѣ?

Легранъ явился передъ барономъ съ несовсѣмъ, впрочемъ, довольной физіономіей.

— Ну что у васъ есть сегодня? спросилъ его Щелкаловъ по французски.

Легранъ началъ ему пересчитывать различныя блюда. Онъ слушалъ его разсѣянно, дѣлая повременамъ гримасы, а между тѣмъ глубокомысленно обдумывалъ обѣдъ. Это продолжалось по крайней мѣрѣ минутъ десять. Наконецъ, изобрѣтя обѣдъ идеальной тонкости, онъ велѣлъ подать лафитъ рублей въ восемь, поставить на ледъ бутылку шампанскаго, закричалъ на людей:

— Что съ вами? вы сегодня, какъ сумасшедшіе... Развѣ вы не знаете, что я не пью изъ этого стекла? Принести тонкое стекло.

И завернувъ рукава своего сюртука, изъ-за котораго выглядывало тончайшее бѣлье, съ драгоцѣнными запанками, принялся кушать.

Встрѣча съ знакомыми обошлась ему рублей въ двадцать.... Когда послѣ ликера ему подали счетъ, онъ вынулъ изъ кармана своихъ панталонъ пукъ смятыхъ ассигнацій, бросилъ на столъ сторублевую бумажку и, наливая бокалы знакомымъ, сказалъ:

— Я здѣсь всегда плачу чистыми деньгами... Эти счеты преопасная вещь... Мнѣ разъ подали счетъ и приписали рублей пятьсотъ лишнихъ.

Когда барону принесли сдачи, онъ далъ человѣку цѣлковый на водку.

Потомъ, увидѣвъ другихъ знакомыхъ, болѣе пріятныхъ, т. е. болѣе значительныхъ, тѣхъ, которыхъ баронъ, обыкновенно, называлъ уменьшительными именами, онъ отправился въ ихъ компанію, спросилъ еще бутылки двѣ шампанскаго, приказалъ эти уже записать на счетъ, потомъ заѣхалъ на минутку, по дорогѣ въ театръ, къ одному изъ нихъ, сѣлъ играть въ карты, и остался до глубокой ночи: проигрывалъ, бѣсился, проклиналъ свою слабость и продолжалъ играть, въ надеждѣ отыграться, забывъ всѣ свои благоразумные планы, оперу и все на свѣтѣ.

У Щелкалова были еще тогда абонированныя кресла во второмъ ряду. Я особенно любилъ его въ театрѣ. Онъ никогда не входилъ въ театральную залу прежде половины перваго акта. Съ своимъ вѣчнымъ стеклышкомъ, всегда во фракѣ, а иногда въ бѣломъ галстухѣ въ такіе вечера, когда были большіе балы,—

онъ идетъ бывало тихо, нѣсколько раскачиваясь и посматриваетъ безпечно кругомъ на ложи и на кресла въ свое стеклышко. Дорогою поклонится какой нибудь великолѣпной дамѣ, дружески кивнетъ головой въ пухъ разряженной m-lle Камилль, улыбнется съ едва замѣтной гримасой также въ пухъ разряженной Дарьѣ Александровнѣ, скажетъ пріятелю, сидящему въ креслахъ, довольно громко, такъ чтобы всѣ слышали: «А ты сегодня на балѣ? Ѣдемъ отсюда вмѣстѣ....» И, довольный произведеннымъ имъ эффектомъ, разляжется въ кресла. Во время спектакля онъ еще непремѣнно начнетъ разговоръ знаками съ m-lle Камиль или съ Дарьей Александровной, такъ чтобы это всѣ замѣтили и всѣ видѣли его отношенія къ этимъ дамамъ. Щелкаловъ въ каждую данную минуту рисовался и усиливался обращать вниманіе на свой туалетъ, на свою походку, на свою прическу, на всего себя. У него было разсчитано на эффектъ каждое движеніе, каждое слово, каждый взглядъ; онъ какъ будто безпрестанно боялся, чтобы его хоть на мгновеніе не смѣшали со всѣми и, казалось, говорилъ толпѣ: «Между мною и вами нѣтъ ничего общаго. Не подходите ко мнѣ близко, не прикасайтесь до меня; но если хотите, любуйтесь мною издали!» Онъ въ то же время добивался изъ всѣхъ силъ, чтобы казаться совершенно равнодушнымъ ко всему, и нѣсколько утомленнымъ жизнію, боялся обнаружить какое нибудь внутреннее движеніе или чему-нибудь удивиться... но увы! никакъ не могъ постоянно выдерживать такой роли и, сознавая это, мучительно завидовалъ одному тупому господину, который, вслѣдствіе неусыпнаго стремленія къ хорошему тону, достигъ наконецъ до того, что превратился въ совершенную куклу, въ автомата, едва удостоивавшаго своимъ взглядомъ людей и природу, едва говорившаго, едва слушавшаго, недоступнаго ни къ какимъ человѣческимъ движеніямъ и ощущеніямъ и не позволившаго бы себѣ, изъ уваженія къ хорошему тону, моргнуть лишній разъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ міръ вдругъ разрушался кругомъ его.

Щелкаловъ понималъ всю нелѣпость этого господина, весь его комизмъ, всю смѣшную сторону такъ называемаго хорошаго тона. Онъ очень остроумно смѣялся надъ свѣтомъ, надъ его обыкновеніями и приличіями, даже изрѣдка надъ самимъ собою и, между тѣмъ, боялся на шагъ отступить отъ этихъ условій, и безпрекословно подчинялся имъ: запутывался, раз-

зорялся, лгалъ, обманывалъ, и все изъ одной мысли не быть смѣшнымъ въ глазахъ этого свѣта, надъ которымъ самъ смѣялся. Благоразумныя намѣренія его вести жизнь поскромнѣе и поумѣреннѣе, заняться какимъ нибудь дѣломъ, служить, откладывались со дня на день. Ни одинъ изъ его опытовъ не удавался. Одинъ разъ онъ болѣе мѣсяца занимался службой очень усердно.... это замѣтили и ему поручили какое то дѣло, но какъ нарочно въ это самое время m-lle Камилль потребовала, сама не зная зачѣмъ, чтобъ онъ каждое утро непремѣнно являлся къ ней... Щелкаловъ бросилъ дѣло, и ѣздилъ къ ней каждое утро, самъ не зная зачѣмъ, хотя всѣмъ и каждому говорилъ, что эта Камилла до того надоѣла ему, что онъ не знаетъ, куда отъ нея дѣваться. По мѣрѣ того какъ обстоятельства его дѣлались хуже и стѣснительнѣе, его манеры и тонъ становились важнѣе и нестерпимѣе. Они доходили даже до нѣкотораго цинизма и наглости, подъ которыми баронъ хотѣлъ скрыть свои плохія обстоятельства. Онъ продалъ своихъ лошадей и экипажи, говоря одному, что хочетъ ѣхать въ чужіе краи, другому, что ѣдетъ въ свои деревни, третьему, что ему досталось имѣніе отъ какого-то небывалаго родственника и онъ отправляется за полученіемъ этого имѣнія. Онъ путался на каждомъ шагу и занималъ уже безъ всякой застѣнчивости и совѣсти у кого ни попало, по большей части у молодыхъ и богатыхъ людей, только-что вышедшихъ изъ-за школьной скамейки. Онъ промѣнялъ общество своихъ сверстниковъ, которые начинали смотрѣть на него не совсѣмъ привѣтливо, на ватагу шумной молодежи, которая приняла его съ распростертыми объятіями и передъ которой онъ хвасталъ и ломался немилосердо, не прибѣгая даже къ хитростямъ, для закрытія этого хвастовства. Онъ пріобрѣлъ между ними значительный авторитетъ, потому что представилъ ихъ ко всѣмъ возможнымъ Камилламъ и Дарьямъ Александровнамъ, гдѣ былъ какъ дома. Подъ тридцать лѣтъ сдѣлался для этихъ господъ театраломъ и не пропускалъ ни одного балета, неразлучно обѣдалъ и ужиналъ съ ними въ ресторанахъ и для укрѣпленія своего авторитета даже пилъ вмѣстѣ съ ними, хотя не чувствовалъ никогда къ вину ни малѣйшаго расположенія.

Иногда, во время обѣда или ужина, онъ вдругъ обращался къ пріятелямъ:

— Господа, нѣтъ ли у кого нибудь изъ васъ денегъ? Я позабылъ свой бумажникъ.

Пріятели никакъ не могли подозрѣвать, чтобы барону было нужно и чтобы онъ былъ способенъ прибѣгать къ такимъ опошлившимся и устарѣлымъ продѣлкамъ, и наивно спрашивали:

— Сколько тебѣ нужно?

— Разумѣется, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Давайте сколько у васъ есть, отвѣчалъ Щелкаловъ. — Мнѣ не хочется заѣзжать домой, а я вамъ послѣ скажу, на что мнѣ нужны деньги.

Всѣ бумажники вынимались и всякій наперерывъ спѣшилъ удовлетворить его желаніе. Щелкаловъ безъ церемоніи забиралъ деньги, съ величайшимъ презрѣніемъ и небрежностію кладя ихъ въ карманъ, какъ будто какую нибудь дрянь, вовсе безполезную ему.

— Я сейчасъ съѣзжу только на минутку, говорилъ онъ: — а вы подождите меня здѣсь.

— Нѣтъ, не ѣзди.... Останься.... послѣ.... раздавалось со всѣхъ сторонъ.

И баронъ оставался, не возвращая, однако, взятыхъ имъ денегъ.

Потомъ мѣсяца два или три послѣ этого, онъ все повторялъ имъ отъ времени до времени:

— Господа, я вамъ что-то долженъ, кажется?... сколько? пожалуйста напомните мнѣ когда нибудь у меня....

Сколько разъ бывало, это ужь я видѣлъ и слышалъ самъ, онъ въ маскарадахъ, не находя своей обычной компаніи, безъ гроша и безъ кредита, только съ однимъ аппетитомъ, шляется на верху тамъ, гдѣ ужинаютъ, съ своимъ стеклышкомъ и высматриваетъ въ него знакомыхъ, тѣхъ, которые позастѣнчивѣе. Высмотритъ такихъ и подойдетъ къ ихъ столу.

— Что, господа, произнесетъ онъ съ необыкновенною важностію и еще искривитъ нѣсколько ротъ для улыбки: — кто изъ васъ хочетъ меня угостить ужиномъ? а?...

— Очень рады, баронъ, садитесь, отвѣтятъ ему нѣсколько застѣнчивыхъ голосовъ.

— Вѣдь я вамъ обойдусь дорого, господа, я предупреждаю... прибавитъ онъ съ обязательной и пріятной улыбкой, разсаживаясь важно, выбирая блюда по картѣ и морщась, какъ будто

дѣлая одолженіе позволеніемъ себя угощать. А начавъ ѣсть, непремѣнно еще замѣтитъ: — какая гадость! здѣсь нельзя ужинать.... и чортъ знаетъ, что за вино!...

Въ общихъ обѣдахъ или пикникахъ Щелкаловъ участвовалъ постоянно, требовалъ еще обыкновенно увеличенія цѣны, а когда дѣло приближалось къ разсчету, уѣзжалъ, говоря, что чувствуетъ себя несовсѣмъ здоровымъ, или обращаясь небрежно къ кому нибудь изъ присутствующихъ, говорилъ:

— Ѳедя, или Саша, или Коля (кто случится), заплати за меня. Я отдамъ послѣ.

Новички, робкіе и неопытные, были всегда у барона на запасѣ.

Однажды онъ поймалъ одного изъ такихъ въ корридорѣ при разъѣздѣ изъ театра. Новичекъ, переставъ быть новичкомъ, самъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ.

— Саша, сказалъ онъ ему: — ты куда ѣдешь?

— Да я, право, не знаю, отвѣчалъ новичекъ.

У барона постоянно былъ прекрасный аппетитъ. Онъ не ѣлъ изъ важности только у такихъ людей, какъ Грибановы.

— Поѣдемъ ужинать къ Леграну. Хочешь?

— Да мнѣ что-то ѣсть не хочется, сказалъ Саша.

— Вздоръ, братецъ, еще захочется, возразилъ Щелкаловъ увѣрительно: — я тебѣ дамъ самый тонкій ужинъ (и онъ приложилъ пальцы къ губамъ), чудо какой! ты увидишь. Ѣдемъ.

Молодые люди сговорчивы. Саша подумалъ съ минуту и отвѣчалъ:

— Ну, пожалуй.

— У тебя есть здѣсь экипажъ?

— Есть.

— Ну такъ ѣдемъ вмѣстѣ.

Щелкаловъ сѣлъ съ Сашей въ его коляску и приказалъ кучеру ѣхать къ Леграну.

Баронъ заказалъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпный ужинъ: съ устрицами, съ трюфелями, съ замороженнымъ шампанскимъ, поилъ Сашу, разсказывалъ ему анекдоты, не умолкалъ ни на минуту и все становился любезнѣе и остроумнѣе. Былъ ужь часъ третій въ исходѣ. Сашѣ захотѣлось спать.

— Подай счетъ, что слѣдуетъ съ меня? сказалъ онъ лакею, полагая, что баронъ, пригласившій его, не допуститъ его платить, но Щелкаловъ молчалъ.

Счетъ былъ принесенъ. Сашѣ слѣдовало отдать за себя рублей около двѣнадцати. Саша взглянулъ на счетъ, отдалъ его лакею и сказалъ, чтобъ этотъ ужинъ записали, потому что у него нѣтъ съ собой денегъ.

А баронъ все разсказывалъ какое-то презабавное происшествіе и вдругъ остановился въ ту минуту, когда Саша возвращалъ счетъ лакею, сказавъ очень спокойно:

— Вели и мой ужинъ записать на свой счетъ. Мы съ тобою послѣ сочтемся.

И тотчасъ же продолжалъ прерванный разсказъ, какъ ни въ чемъ не бывало....

Тотъ, кто не зналъ Щелкалова коротко, а видалъ его только въ обществахъ издали и слышалъ его разсужденія, ни за что не повѣрилъ бы всѣмъ этимъ фактамъ: столько ненависти, столько жолчи, столько презрѣнія обнаруживалъ онъ, когда рѣчь шла о какомъ нибудь низкомъ поступкѣ.

Какъ понималъ онъ назначеніе человѣка и дворянина, какъ клеймилъ недостойныхъ потомковъ знаменитыхъ родовъ, какъ превосходно разсуждалъ о томъ, въ какой чистотѣ и неприкосновенности должно хранить имя, переданное намъ отъ предковъ! и прочее, и прочее.

Въ это время я уже довольно хорошо зналъ его, но, не смотря на это, онъ приводилъ меня иногда въ недоумѣніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о моихъ знакомствахъ съ различными господами, которыхъ онъ звалъ, какъ я уже замѣтилъ, уменьшительными именами, Щелкаловъ совершенно перемѣнился со мною, сдѣлался очень любезенъ и простъ. Разъ какъ-то я его встрѣтилъ на Невскомъ.

— Куда вы? пойдемте вмѣстѣ, сказалъ онъ, продѣвая свою руку въ мою.

Расхаживая довольно долго рука объ руку, мы разговаривали о разныхъ предметахъ. Я не разъ сомнѣвался въ его умѣ, но въ этотъ разъ долженъ былъ сознаться, что мои сомнѣнія были несправедливы, и что онъ точно уменъ; что у него только слово и дѣло были не только въ постоянномъ разладѣ, но даже не имѣли ничего общаго между собою. Баронъ остроумно и очень

ядовито преслѣдовалъ иногда въ другихъ то, чего самъ въ себѣ не видѣлъ или не умѣлъ видѣть и въ чемъ самого его можно было поймать на каждомъ шагу.

На встрѣчу намъ попался какой-то господинъ, полный, высокій, съ правильными чертами лица, съ орлинымъ носомъ, съ важною поступью, съ самодовольной улыбкой, по видимому, одинъ изъ самыхъ гордыхъ и недоступныхъ на видъ. Онъ сдѣлалъ Щелкалову на воздухѣ какіе-то знаки рукою и чуть чуть пошевельнулъ головою, слегка улыбнувшись.

Щелкаловъ спросилъ у меня, знаю ли я этого господина? Я сказалъ, что нѣтъ.

— Какъ, неужели? возразилъ онъ, и лицо его все подернулось ироніей. — Это, батюшка, лицо замѣчательное.... у насъ въ свѣтѣ, въ нашемъ муравейникѣ.... Это такой-то (онъ назвалъ мнѣ его имя со всѣми принадлежащими къ нему украшеніями), видите ли.... первое — *бельомъ*, второе — богатъ, третье — глупъ и скученъ, и такъ же неизмѣримо богатъ, какъ неизмѣримо глупъ и скученъ, — совершенно въ равной степени. Отъ важности и довольства самимъ собою онъ какъ будто нейдетъ по землѣ, а плыветъ по воздуху. Онъ очень хитеръ на различныя изобрѣтенія; онъ долго занимался теоріей поклоновъ и дошелъ въ этомъ до высочайшей тонкости, надо сознаться. Онъ кланяется съ удивительнымъ разнообразіемъ, смотря по степени важности и значенія человѣка въ свѣтѣ. Въ Китаѣ онъ былъ бы великимъ человѣкомъ. Ему бы надо родиться въ Пекинѣ, а не въ Петербургѣ. Самымъ значительнымъ кланяется онъ наклоня голову въ поясъ и потомъ медленно приподнимая ее и смотря имъ прямо въ глаза съ выраженіемъ въ зрачкѣ умиленія, смѣшаннаго съ безграничною преданностью; передъ менѣе значительными онъ наклоняетъ голову до ложечки, а на лицѣ у него въ это время изображается улыбка, выражающая глубочайшее почтеніе; равнымъ себѣ онъ только трясетъ головою, пріятно улыбается и въ то же время прикладываетъ руку къ губамъ; для низшихъ и малозначительныхъ у него тысячи оттѣнковъ въ поклонѣ: инымъ онъ кланяется, прикасаясь рукою къ полямъ шляпы и сохраняя строгую важность на физіономіи; другимъ только до половины приподнимая руку; а при встрѣчѣ съ самыми послѣдними, съ самыми маленькими, по его мнѣнію, онъ только дѣлаетъ видъ, что желаетъ пошевельнуть руку для поднесенія ее къ шляпѣ. У него, вопро-

чемъ, еще больше этихъ подраздѣленій; я вамъ говорю только о самыхъ характеристическихъ. Мнѣ онъ поклонился какъ человѣку, котораго онъ знаетъ съ дѣтства, съ которымъ встрѣчается въ свѣтѣ — это выражается у него болтаньемъ руки на воздухѣ и легкой улыбкой. Хитрый вѣдь господинъ!... Не правда ли?

Произнеся это, баронъ вдругъ поднялъ голову и началъ смотрѣть на вывѣски.

— Зайдемте вотъ въ этотъ магазинъ на одну минуту, сказалъ онъ мнѣ, оставивъ мою руку и поднимаясь на ступеньки.

Я пошелъ за нимъ.

Простота Щелкалова и его умъ внезапно оставили его у порога магазина. Передо мною очутился уже совсѣмъ другой человѣкъ, или, вѣрнѣе, передо мною опять былъ настоящій баронъ, не имѣвшій ничего общаго съ тѣмъ человѣкомъ, который разговаривалъ со мною за минуту передъ тѣмъ.

Онъ началъ съ того, что толкнулъ дверь магазина ногою, такъ-что она съ силой хлопнула о прилавокъ и чуть не разбила стекла ящика, за которымъ хранились вещи.

— Пару перчатокъ... мой номеръ! закричалъ онъ по французски и, засунувъ руку за жилетъ, началъ зѣвать принужденно и вслухъ, небрежно разсматривая разныя вещи въ свое стеклышко.

— Какого цвѣта перчатки, господинъ баронъ? спросилъ магазинщикъ.

— Соломеннаго.... а вѣдь это недурно! пробормоталъ онъ, обращаясь ко мнѣ и ткнувъ своей палкой какую-то черепаховую шкатулку съ бронзой. — Сколько стоитъ?

— Сто рублей серебромъ, господинъ баронъ, отвѣчалъ магазинщикъ.

— Это дорого.... Ну чтожь перчатки?

— Вотъ, господинъ баронъ!

И магазинщикъ подалъ ему перчатки, завернутыя въ бумажку.

Баронъ взялъ ихъ, положилъ къ себѣ въ карманъ, проговорилъ: «на счетъ», опять зѣвнулъ въ слухъ и, едва передвигая ноги, какъ-то еще особенно шаркая ногами, направился къ выходу, потомъ остановился, полуобернулся и сказалъ магазинщику, провожавшему его:

— На дняхъ.... я зайду.... меня просили.... Я у васъ куплю рублей на пятьсотъ.

И съ этими словами вышелъ, захлопнувъ дверью и чуть не прихлопнувъ еще меня.

Послѣ этихъ зѣваній, кривляній, ломаній и фразъ, — я чуть было опять не усомнился въ его умѣ....

Когда баронъ пересталъ абонироваться на оперу, онъ сдѣлался въ театрѣ еще замѣтнѣе. Онъ не пропускалъ ни одного представленія, хотя ужь потомъ никогда не покупалъ креселъ. Онъ зналъ почти всѣ абонированныя кресла первыхъ рядовъ, потому что они всѣ принадлежали его знакомымъ; зналъ, кто изъ нихъ пріѣзжаетъ въ какое время, и по этому разсчету садился на чье нибудь кресло, а при появленіи его владѣтеля пересаживался на другое и, такимъ образомъ переходя съ мѣста на мѣсто, наконецъ, успокоивался на какомъ нибудь пустомъ, никѣмъ не занятомъ креслѣ, потому что въ оперѣ въ первыхъ рядахъ бываетъ такихъ много. Если же театръ былъ полонъ, то онъ взойдетъ обыкновенно въ партеръ, обведетъ стеклышкомъ ложи; знакомыхъ окажется, разумѣется, довольно, и онъ въ продолженіе спектакля кочуетъ изъ ложи въ ложу.

Я сталъ ходить къ Щелкалову именно въ то время, когда у него уже не было ни креселъ въ театрѣ, ни лошадей на конюшнѣ, ни экипажей въ сараѣ, хотя одинъ изъ лакеевъ его все еще красовался въ красныхъ плюшевыхъ штанахъ и въ гербовой ливреѣ, которая, впрочемъ, была ужь значительно поношена. Квартира его въ это время заключалась только въ трехъ небольшихъ пріемныхъ комнатахъ, въ которыхъ, впрочемъ, отъ мебели не было проходу. Тутъ была и мебель работы лучшихъ мастеровъ, за которую еще не были заплочены деньги, хотя матерія, ее покрывавшая, давно изтрепалась и изпачкалась, и старинная сборная мебель, до которой баронъ былъ большой охотникъ, купленная имъ на чистыя деньги въ разныхъ лавочкахъ на толкучемъ, и старинныя бронзы, и фарфоры, и ковры, и драпри у дверей и оконъ; но на всемъ этомъ былъ печальный колоритъ, все это прикрывалъ густой слой пыли и копоти, все казалось отцвѣтшимъ и полинялымъ.

Однажды я зашелъ къ нему. Ливрейный лакей, по обыкновенію, побѣжалъ докладывать. Баронъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу въ китайскомъ шелковомъ халатѣ съ цвѣтами и птицами

и въ туфляхъ съ загнутыми носками. Онъ, шлепая туфлями, лѣниво передвигалъ ноги.

— Очень радъ, сказалъ онъ, взявъ меня за руку и пожавъ ее. — Извините, что я принимаю васъ въ такомъ костюмѣ (и баронъ распахнулъ свой халатъ и засмѣялся). Пойдемте ко мнѣ, въ мой кабинетъ: тамъ мы можемъ усѣсться покойнѣе.

(Это было мѣсяцевъ черезъ пять послѣ вечера у Грибановыхъ).

Онъ усадилъ меня въ покойное кресло, сѣлъ противъ меня и распахнулъ грудь, вѣроятно для того, чтобы обратить мое вниманіе на свое превосходное бѣлье; онъ ничего не дѣлалъ безъ намѣренія.

— Вы курите? спросилъ онъ меня.

Я кивнулъ утвердительно головою.

— Что, сигары или турецкій табакъ?

— Сигары, отвѣчалъ я.

— И прекрасно дѣлаете, возразилъ Щелкаловъ: — съ хорошей сигарой ни что въ свѣтѣ не сравнится, я вамъ дамъ отличнѣйшую. Они, правда, дороги, мнѣ обошлись рублей по двадцати за сотню; но вѣдь все хорошее, къ сожалѣнію, дорого!

Баронъ позвонилъ и, когда человѣкъ явился, онъ приказалъ ему придвинуть старинную шкатулку съ перламутровыми инкрюстаціями, въ которой лежало нѣсколько сигаръ.

— Вещь не дурная, замѣтьте, сказалъ онъ мнѣ, указывая на шкатулку. — Этотъ ящикъ подаренъ моему отцу княземъ N. и достался ему отъ его бабушки графини Анны Петровны. Историческая вещь!

Баронъ открылъ ящикъ, вынулъ сигару, придвинулъ ко мнѣ свѣчку, и началъ разсказывать мнѣ о пирахъ и празднествахъ своего отца, о князѣ N., который ѣздилъ къ нему одному, былъ съ нимъ очень друженъ, и прочее, и прочее. Разсказъ его показался мнѣ очень интереснымъ, но впослѣдствіи онъ повторялся при мнѣ неоднократно и, какъ я замѣтилъ, съ различными прибавленіями и украшеніями, что заставило меня нѣсколько усомниться въ его исторической достовѣрности.

— У меня есть много любопытныхъ данныхъ, прибавилъ Щелкаловъ въ заключеніе, подойдя къ шкафу, открывъ дверцы и указавъ на какія-то бумаги, перевязанныя веревкой: — за-

писки моего дѣда, отца, переписка его съ княземъ.... Я когда нибудь на досугѣ примусь за этотъ хламъ, изъ всего этого можно составить интересную статью.... Ну а что, сигары хороши?

— Отличные, отвѣчалъ я.

Они въ самомъ дѣлѣ были таковы. Онъ самъ закурилъ пахитоску, выпустилъ тонкую струю дыма и вдругъ предложилъ мнѣ вопросъ совершенно неожиданный:

— А что, вы часто бываете у нашихъ *общихъ* знакомыхъ... у Грибановыхъ?

До этой минуты онъ не только ни слова не говорилъ о нихъ, даже, казалось, избѣгалъ и напоминанія.

— Бываю довольно часто, отвѣчалъ я: — они люди очень добрые.

— Да, кажется, возразилъ Щелкаловъ: — хотя надо признаться, что немного смѣшные, вѣдь правда? И барыня мнѣ эта не совсѣмъ нравится... Тетка, что ли? Она ужь очень чувствительна и все говоритъ на французскомъ діалектѣ... Разумѣется, на скверномъ... Впрочемъ, у всѣхъ такого рода барынь слабость къ французскому діалекту.

Щелкаловъ помолчалъ съ минуту.

— А дочка... она вѣдь миленькая, кажется?

— Очень, отвѣчалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ?... И у нея такъ себѣ есть голосокъ для домашняго обихода... Да что про нее можно говорить? Вы не влюблены въ нее?...

— Нисколько, продолжайте смѣло.

— Да-съ... ну такъ, а скажите пожалуйста, можно за нею эдакъ.... приволокнуться?

— То есть какъ, *эдакъ?* Это семейство, очень честное и почтенное.

— О, да я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь! воскликнулъ Щелкаловъ: — я разумѣю волочиться самымъ невиннымъ образомъ... А то, пожалуй еще, эти тетеньки и папеньки, они будутъ косо смотрѣть на это, а? Вѣдь я мало знаю эти буржуазные нравы.

— Очень можетъ быть, сказалъ я, хотя подумалъ, что тетенька была бы отъ этого въ совершенномъ восторгѣ,

— Развѣ приволокнуться мнѣ, на старости лѣтъ! проговорилъ онъ черезъ минуту, зѣвнувъ и потянувшись: — потому что *это* ужь все надоѣло мнѣ.

Съ этимъ словомъ Щелкаловъ придвинулъ къ себѣ китайское блюдо, стоявшее на столѣ у него подъ рукою, и тотчасъ же оттолкнулъ его. На этомъ блюдѣ была груда разноцвѣтныхъ записочекъ и писемъ: кружевныхъ, съ бордюрчиками, съ вензелями, съ именами, съ гербами, и прочее. До этой минуты я не обратилъ на него вниманія.

— А что это такое? спросилъ я ужь нарочно, очень хорошо понимая, къ чему идетъ дѣло.

— Это? возразилъ онъ съ принужденной улыбкой: — различныя мои воспоминанія, глупости, billets-doux; это матеріалы для моей біографіи, если я когда нибудь и за что-нибудь удостоюсь ея. Здѣсь есть, впрочемъ, много любопытнаго. Я иногда роюсь въ этихъ воспоминаніяхъ не безъ удовольствія... Лучше имѣть хоть какія нибудь воспоминанія, чѣмъ ничего; не правда ли?

— Я думаю.

Баронъ опять придвинулъ блюдо къ себѣ и началъ перебирать записки, не упуская случая подсовывать мнѣ подъ носъ, какъ будто нечаянно тѣ, на которыхъ красовались гербы и короны. Двѣ или три записки на французскомъ языкѣ безъ запятыхъ и точекъ онъ тутъ же бросилъ въ каминъ, показавъ мнѣ предварительно первыя строки.

Въ этихъ запискахъ Щелкалова называли: *mon petit Sacha*, и вслѣдъ затѣмъ рѣчь начиналась о деньгахъ.

Онъ удивлялся, какъ эти безграмотныя записки очутились тутъ и спросилъ меня:

— Вы знаете отъ кого это?

— Нѣтъ.

— Отъ Камиллы. Вы вѣрно имѣете объ ней понятіе. Мы съ ней старинные друзья. Очень добрая особа и славно сложена.

Я слышалъ, что Щелкаловъ съ этой Камиллой имѣлъ какую-то непріятную исторію, что онъ взялъ у нея бриллiанты для того, чтобы отвезти ихъ въ починку, заложилъ ихъ и проигралъ эти деньги, что-то въ родѣ этого; что она вездѣ объ этомъ кричала, но потомъ примирилась съ нимъ, потому что онъ не только выкупилъ эти бриллiанты и возвратилъ ихъ ей, но

еще въ добавокъ поднесъ ей какой-то браслетъ довольно значительной цѣны.

— А вотъ письмо, сказалъ Щелкаловъ, выбравъ одно изъ груды и подавая его мнѣ: — прочтите, это стоитъ того.

Письмо это было написано самымъ изящнымъ французскимъ языкомъ и почеркомъ и было проникнуто самою безумною страстію. Мнѣ показалось, что оно было выписано цѣликомъ изъ какого-то дюмасовскаго романа.

— Ну что? каково? возразилъ онъ, когда я возвратилъ ему письмо: — и если бы вы знали, чтó это была за женщина! Я не стоилъ ее, не зналъ ей цѣны. Мнѣ всякій разъ становится досадно и больно за себя...

И онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Я вамъ скажу только одно, что въ этой женщинѣ было все — и красота, и умъ, и поэзія; отъ выраженія глаза ея можно было съума сойдти; за нею волочились всѣ, все было безумно влюблено въ нее... Я, знаете, рѣдко могу чѣмъ-нибудь увлечься; но, говоря объ ней, вспоминая объ ней, вы видите, я не могу быть равнодушнымъ.

Щелкаловъ точно представлялъ видъ человѣка взволнованнаго.

— Вы ее не знали, продолжалъ онъ: — вамъ могу я показать это, не компрометируя ея памяти.

Онъ отворилъ столъ, вынулъ изъ стола коробку, а изъ коробки медальонъ и подалъ его мнѣ.

Въ этомъ медальонѣ былъ вдѣланъ портретъ женщины красоты почти идеальной; по крайней мѣрѣ мнѣ не случалось встрѣчать такихъ женщинъ.

— Не правда ли, хороша? спросилъ Щелкаловъ.

— Даже невѣроятно, отвѣчалъ я.

— Именно невѣроятно... c'est le mot! Да, она была во всѣхъ отношеніяхъ *не вѣроятна!*

Онъ взялъ отъ меня медальонъ, посмотрѣлъ на него, спряталъ въ столъ и задумался.

— А не правда ли? сказалъ онъ черезъ минуту: — мы живемъ глупою, изломанною, исковерканною жизнію?

— Да, это правда, отвѣчалъ я.

— Эге! вскрикнулъ вдругъ Щелкаловъ, взглянувъ на часы. — Да ужь половина втораго... Я въ это время всегда завтракаю. Не хотите ли вмѣстѣ со мною?

Я отвѣчалъ, что никогда не завтракаю, но баронъ позвонилъ, не обративъ вниманія на мой отвѣтъ.

— Дайте намъ чего-нибудь позавтракать, сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ минуту на серебряномъ подносѣ принесенъ былъ едва початой страсбургскій пирогъ, различныя холодныя закуски на китайскихъ тарелкахъ и двѣ бутылки: одна съ лафитомъ, другая съ мадерой, также немного початыя.

Нашъ общій знакомый, господинъ съ злымъ языкомъ, увѣрялъ меня, что эти закуски, этотъ пирогъ и вина — все это театральное; что это не болѣе, какъ пуфъ, выставка серебрянаго подноса и китайскихъ тарелокъ, для поддержанія кредита.

Я самъ, впрочемъ, не могъ убѣдиться въ этомъ, потому что ни къ чему не прикасался, а баронъ тоже едва ковырнулъ только страсбургскій пирогъ и выпилъ менѣе полрюмки мадеры.

Когда я уходилъ, онъ сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, соберемся когда нибудь къ Грибановымъ... а?

— Пожалуй, отвѣчалъ я: — но они скоро переѣзжаютъ на дачу.

— Право? а куда?

— Къ выборгской заставѣ.

— А-а! это кстати, а я буду жить на Черной рѣчкѣ. Это недалеко. Я люблю ходить и хожу очень много... Я буду заходить къ нимъ. Я надѣюсь, что мы будемъ тамъ видѣться.

И онъ пожалъ мою руку.

Но еще до переѣзда его на дачу мнѣ было суждено сойдтись съ нимъ у нашего пріятеля, господина съ злымъ языкомъ.

Господинъ съ злымъ языкомъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ очень извѣстномъ намъ обоимъ промотавшемся лицѣ, которое имѣло привычку занимать деньги, бросаясь на колѣни и повторяя: «Семейство, дѣти, казенныя деньги затратилъ... Завтра ревизія... я погибъ!» Эта штука дѣйствовала на нѣкоторыхъ, и это лицо выползывало себѣ довольно значительныя суммы, на которыя потомъ задавало тону и блестѣло между своими пріятелями, соря деньгами.

Во время этого разсказа явился Щелкаловъ.

По шуму, съ которымъ онъ вошелъ, по его болѣе чѣмъ когда либо неприступнымъ замашкамъ, по его веселости — онъ напѣвалъ какую-то бравурную арію — надобно было предполагать, что онъ перехватилъ значительныя деньги у какого нибудь богатаго новичка.

Онъ разлегся въ кресло, посвистывая; началъ выбивать пыль изъ панталонъ своей палочкой и прислушиваться къ нашему разговору.

— А-а! да я знаю, о комъ идетъ рѣчь, перебилъ онъ. — Вотъ шутъ-то!...

— Такихъ шутовъ много, замѣтилъ нашъ пріятель.

— Да и то правда, возразилъ безпечно Щелкаловъ. — Ахъ, господа, продолжалъ онъ: — вы любители артистическихъ вещей и знатоки. Я вамъ покажу вещицу съ большимъ вкусомъ.

Говоря это, онъ вытаскивалъ что-то изъ кармана своего пальто. Вытащивъ сафьянную коробочку, онъ открылъ ее, вынулъ изъ нея какую-то небольшую игрушку и показалъ намъ. Это была печать съ его гербомъ, ручка которой изображала фигуру превосходно вычеканенную изъ серебра.

— Не правда ли, артистически сдѣлано? прибавилъ онъ. — Какая тонкая работа! а? Точно Бенвенуто-Челлини!

— Хорошо, очень хорошо! сказалъ хозяинъ дома, разсмотрѣвъ печатку и отдавая ее Щелкалову. — Ба! да это еще что у тебя за новое украшеніе?

Онъ взялъ его руку и началъ разсматривать кольца, въ большомъ количествѣ украшавшія одинъ изъ его пальцевъ.

— Тутъ только одно новое, сказалъ Щелкаловъ и указалъ на отличнѣйшую жемчужину, обдѣланную въ золотѣ.

— Недурная вещь! а признайся, мой милый, вѣдь ты соришь деньгами въ родѣ того господина, о которомъ мы сейчасъ говорили?

— Какой вздоръ! воскликнулъ Щелкаловъ, сдѣлавъ гримасу и пожавъ плечами. — Чтожь тутъ общаго? Хорошо сравненіе!... Очень любезенъ, продолжалъ, онъ обратясь ко мнѣ и смѣясь: — ставитъ меня на одну доску съ эдакимъ бариномъ!

— А чтожь? онъ бросалъ деньги на однѣ глупости, ты бросаешь на другія. Оба вы занимаете. Или, можетъ быть, ты по-

лучилъ наслѣдство? Въ самомъ дѣлѣ откуда у тебя всѣ эти драгоцѣнности?

Щелкаловъ сдѣлалъ гримасу.

— Какое наслѣдство? что ты бредишь? что съ тобой сегодня?... Во первыхъ, эти вещи мнѣ подарены, а во вторыхъ, если бы я и купилъ ихъ, то это такая дрянь, такая бездѣлица, для пріобрѣтенія которой не нужно, кажется, получать наслѣдства.

— Ахъ, да я и забылъ, замѣтилъ съ улыбкою пріятель: — что ты необыкновенно счастливъ на женщинъ и что это все онѣ дарятъ тебѣ сувениры.

Разговоръ принималъ для Щелкалова направленіе нѣсколько щекотливое, и онъ вдругъ прервалъ его:

— Ну, полно вздоръ говорить... скажите-ка, господа, лучше, гдѣ вы завтра обѣдаете? вы не дали никому слова?

— Зачѣмъ тебѣ это? спросилъ хозяинъ дома.

— Затѣмъ, отвѣчалъ онъ : — что я зову васъ обоихъ передъ переѣздомъ на дачу отобѣдать со мной завтра , въ какомъ нибудь кабакѣ... Я васъ угощаю , разумѣется... Будетъ еще человѣка два, вамъ знакомыхъ.

— Нѣтъ, сказалъ хозяинъ дома рѣшительно: — я не буду, это вздоръ.

— Почему вздоръ! Что такое?...

— Разумѣется, вздоръ , потому что ты деньги эти можешь употребить съ большею пользою, — напримѣръ... уплатить ими какой нибудь долгъ.

Баронъ весь вспыхнулъ.

— Я не прошу тебя входить въ мои дѣла и распоряжаться ими, я съумѣю это сдѣлать и безъ тебя. Если же тебѣ нужны деньги , которыя я у тебя взялъ , ты могъ бы сказать это прямо, не прибѣгая къ наставленіямъ и къ морали, которую я нетерплю... Вотъ твои деньги.

Онъ вытащилъ пачку ассигнацій изъ кармана панталонъ, смялъ ихъ въ рукѣ и гордо бросилъ на столъ.

— Мнѣ деньги эти теперь вовсе не нужны , а тебѣ они, вѣроятно, пригодятся; возьми ихъ назадъ и успокойся. Человѣку хорошаго тона ни въ какомъ случаѣ неприлично такъ выходить изъ себя.

— Но... началъ было баронъ мрачно.

И вдругъ остановился, захохоталъ громко и принужденно, схватилъ своего пріятеля за плечи и сквозь этотъ натянутый смѣхъ произнесъ, глядя на него пристально:

— Чудакъ! и ты думалъ, что я въ самомъ дѣлѣ сержусь? ты принялъ это серьёзно?

— Нѣтъ! Я знаю, что ты бросилъ эти деньги для того только, чтобы показать намъ, что у тебя есть деньги. Я вѣдь тебя вижу насквозь, любезный!

— Что же удивительнаго?... и не одного меня, надѣюсь? возразилъ Щелкаловъ, улыбаясь принужденно. — Ты, братъ, видишь всѣхъ насквозь...

Онъ обратился ко мнѣ и продолжалъ какимъ-то торжественнымъ тономъ, указывая на нашего пріятеля:

— Да, батюшка, передъ нимъ всѣ мы мальчишки! Онъ имѣетъ полное право читать намъ мораль, потому что онъ смотритъ на жизнь просто и здраво; онъ не зараженъ этими предразсудками, которые уродуютъ всѣхъ насъ; онъ не спутанъ ими, какъ мы... Вы знаете, что онъ всѣмъ намъ высказываетъ въ глаза прежестокія истины; онъ къ намъ безпощаденъ... Это бичь нашихъ слабостей, нашъ Ювеналъ.

— Эхъ, господа! перебилъ его хозяинъ дома: — Ювеналъ слишкомъ великъ для васъ, а вы слишкомъ мелки для него. Какіе вамъ Ювеналы! вы не стоите не только сатиры, даже мелкихъ эпиграмъ; васъ и эпиграмой нельзя прихлопнуть, потому что вы плоски! Вотъ хоть напримѣръ ты — у тебя сердце доброе, ты малый неглупый...

Баронъ иронически улыбнулся и поклонился.

— Я вѣдь говорю тебѣ теперь не шутя... ну на что ты похожъ, въ самомъ дѣлѣ, что ты изъ себя сдѣлалъ? Въ тебѣ вѣдь нѣтъ ни одного движенія, ни одного взгляда, ни одного слова искренняго и истиннаго; ты весь исковерканъ и изломанъ и наружно, и внутренно. Никакому порядочному человѣку въ голову не придетъ, чтобы подъ этой пошлой маской, которую ты носишь съ такимъ самодовольствіемъ, могли скрываться умъ, чувство или хоть что-нибудь человѣческое... А въ тебѣ еще есть слабые остатки и того и другого, но до нихъ добраться трудно.

Щелкаловъ, слушая это, ходилъ по комнатѣ, безпрестанно мѣняясь въ лицѣ. Слова эти на него подѣйствовали. Онъ былъ

взволнованъ, и волненіе это было непритворно, потому что онъ вдругъ сдѣлался простъ и натураленъ.

— Я тебѣ скажу, началъ онъ, все продолжая ходить, голосомъ, въ которомъ не слышалось уже ни одной фальшивой ноты, и какъ бы забывъ о моемъ присутствіи. — Я тебѣ скажу болѣе: чортъ знаетъ, я иногда самъ въ себѣ не могу ни дочего добраться.... такая внутренняя путаница во мнѣ. Чтожь съ этимъ дѣлать?... Во мнѣ было, ей Богу, много-порядочнаго, но воспитаніе и жизнь все, все изуродовали.

— Да, не ломайся хоть передъ нами, возразилъ господинъ съ злымъ языкомъ. — Мы, продолжалъ онъ: — знаемъ всѣ эти штуки наизустъ. Хочешь, я тебѣ передамъ ихъ.

И онъ такъ мастерски очеркнулъ передъ Щелкаловымъ жизнь его и ему подобныхъ, что мнѣ даже стало жаль барона. Онъ высказывалъ ему такія горькія и ядовитыя истины, что мнѣ становилось неловко при этой дружеской бесѣдѣ. Я развернулъ какую-то книгу и уткнулъ въ нее носъ, однако не могъ удержаться, чтобы изъ-подъ книги не взглядывать на Щелкалова. Мнѣ показалось, что у него навертывались на глазахъ слезы.

— Ну, чтожь? все это правда, горькая правда! произнесъ онъ, когда тотъ кончилъ. — Слабость моего характера возмутительна... Я, братецъ, проклинаю себя за его ничтожность... Ну, вѣришь ли, прибавилъ онъ послѣ минуты молчанія уже въ самомъ дѣлѣ со слезами на глазахъ (я это видѣлъ ясно): — Вѣришь ли, что я иногда бываю противенъ самому себѣ?

— Очень вѣрю, отвѣчалъ безпощадный пріятель.

Щелкаловъ опять началъ ходить по комнатѣ въ большой тревогѣ, не видя никого и ничего передъ собою и вдругъ почти наткнулся на меня, такъ-что я долженъ былъ отодвинуться. Лицо его какъ-то странно передернулось, когда его глаза встрѣтились съ моими, и онъ въ то же мгновеніе принялъ великолѣпную позу и произнесъ, лѣниво разтягивая слова, какъ будто у него вдругъ языкъ распухъ или что-нибудь мѣшало ему говорить:

— Что, батюшка, каково? а-а? Не правда ли, мнѣ задали порядочную баню? О, да вѣдь онъ ужасенъ! (Щелкаловъ указалъ головой на нашего пріятеля.) А вѣдь это время отъ времени, знаете, полезно.... а? Правда?... я къ нему иногда хожу какъ къ доктору; иногда самъ прошу, чтобы онъ хоро-

шенько меня отдѣлалъ. Я чувствую, что это мнѣ нужно. И не меня одного, онъ вѣдь всѣхъ насъ такъ обработываетъ!

Щелкаловъ дѣлалъ надъ собой явное усиліе, чтобы смѣяться, и былъ дѣйствительно жалокъ въ эту минуту.

— Однако, мнѣ пора, проговорилъ онъ, взглянувъ на часы.— Я послѣ этой бани долженъ еще немного отдохнуть, а потомъ мнѣ надо сдѣлать кое-какіе визиты... А чтожь, завтрашній обѣдъ? мнѣ не позволяется васъ угощать? а?... Ну такъ въ такомъ случаѣ ты, что ли, меня угощаешь?...

Онъ взялся за шляпу.

— Деньги-то свои возьми, сказалъ ему хозяинъ дома, улыбаясь и указывая на пачку смятыхъ ассигнацій, брошенныхъ на столѣ.

— Ахъ, да!

Щелкаловъ взялъ преспокойно эту пачку, засунулъ ее въ карманъ, надѣлъ шляпу, пожалъ намъ руки и вышелъ, мурлыча ту же арію, съ которой онъ вошелъ.

— Каковъ!... сказалъ господинъ съ злымъ языкомъ, обращаясь ко мнѣ и смѣясь: — а вѣдь могъ бы быть порядочнымъ человѣкомъ, еслибъ его взять въ хорошія руки, лѣтъ десять тому назадъ, теперь конечно поздно, онъ ужь никуда не годится.... и навѣрно кончитъ плохо....

— Вы его, однакожь жестоко отдѣлали! замѣтилъ я.

— Да,что! ему это ни почемъ, съ него все какъ съ гуся вода; онъ сначала какъ будто тронулся немножко, а потомъ опять сталъ кобениться,—вы замѣтили это?... Я его знаю съ дѣтства,человѣкъ онъ въ самомъ дѣлѣ неглупый, но отъ пошлости и пустоты жизни у него ужь начинаютъ тупѣть и слабѣть умственныя способности и, что всего хуже, стираться чувство чести. Онъ теперь не можетъ сосредоточить свои мысли ни на чемъ, ни надъ чѣмъ не въ состояніи задуматься серьёзно — на какую нибудь четверть часа.... Рысакъ, кольцо, старая саксонская или китайская кукла, Дарья Александровна, мгновенно изгоняютъ изъ его головы всякую мысль. Сердце у него также доброе, но что въ этомъ сердцѣ?... Съ нимъ часто бываетъ такъ, что у него одинъ цѣлковый въ карманѣ, встрѣтится нищій — и онъ отдастъ ему этотъ послѣдній цѣлковый... мнѣ это случилось видѣть неразъ, и отдастъ именно по влеченію сердца.... развѣ съ небольшою примѣсью другого ощущенія, никогда не оставляющаго его — желанія по-

казать, что ему деньги нипочемъ. А иногда у него набитъ карманъ деньгами вотъ какъ сегодня — занятыми, но это правда рѣдко, и онъ не дастъ гривенника человѣку, умирающему съ голоду; у него все случайно, все зависитъ отъ минуты. Передо мной онъ не скрываетъ своихъ плохихъ дѣлъ и на дняхъ меня ужасно разсмѣшилъ: говоритъ, что непремѣнно займется дѣломъ... какимъ бы вы думали? вы не угадаете ни за что... будетъ писать статьи для журналовъ, у него, видите ли, много историческихъ матеріаловъ, напечатаетъ свои стихи, и за все это получитъ довольно значительныя деньги! И онъ въ самомъ дѣлѣ отъ души вѣритъ всякой чепухѣ, которая взбредетъ ему въ голову въ ту минуту, когда онъ ее произноситъ. Такія признанія онъ дѣлаетъ, впрочемъ, только мнѣ одному. Онъ пришелъ бы въ отчаяніе, если бы кто нибудь другой узналъ, что ему приходится трудомъ добывать деньги. Ему за трудъ получить деньги стыдно, а обмануть кого нибудь, занять и не отдать — ничего. Онъ жалокъ, но вѣдь жалка и среда, которая вырабатываетъ такого рода господъ!... Согласитесь?...

Я согласился, потому что нельзя же было этому противорѣчить.

ГЛАВА IV,

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ ПРЕЛЕСТЬ ДАЧНОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ, ДАЧНАЯ ПРИРОДА И ДАЧНЫЯ ПРЕПРОВОЖДЕНІЯ ВРЕМЕНИ И УВЕСЕЛЕНІЯ.

Семейство Грибановыхъ переѣхало на дачу въ концѣ мая... Кстати о петербургскихъ дачахъ. Вотъ какъ характеризуетъ эти дачи одинъ мой пріятель въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ сочиненій.... Этотъ отрывокъ я беру *съ его дозволенія*. У насъ, впрочемъ, бывали примѣры, что пріятельскія сочиненія брали безъ дозволенія и, измѣнивъ нѣсколько словъ, подписывали подъ ними свое имя en toute lettre... Такъ поступали, впрочемъ, только *литературные хлыщи*, потому что хлыщи есть вездѣ, даже и въ литературѣ... Но обратимся къ дачамъ и къ отрывку моего пріятеля. Вотъ какъ онъ изображаетъ петербургскія дачи:

«.... Большая проѣзжая дорога, надъ которой поднимается бѣловатое облако пыли, разносимое вѣтромъ то направо, то налѣво. Это во время засухи, а во время дождей непроходимая грязь. По сторонамъ этой дороги деревянные домики съ зубцами и башенками: подражаніе готическимъ средневѣковымъ зàмкамъ, болѣе, впрочемъ, похожіе на высокіе пироги изъ миндальнаго тѣста. Домики эти имѣютъ также сходство съ балаганами, которые въ Петербургѣ строятся на Адмиралтейской площади, а въ Москвѣ подъ Новинскимъ, тѣмъ болѣе, что они сколочены также изъ досокъ и барочнаго лѣса. Передъ ними полисаднички, обнесенные рѣшетками и заборами. Въ каждомъ полисадничкѣ тощая березка или липка съ засохшей вершинкой, кусты какой нибудь зелени, прижженные солнцемъ и напудренные пылью, и цвѣтничекъ также съ напудренными цвѣтами, не издающими ни малѣйшаго аромата. Сзади небольшой прудъ, подернутый плѣсенью и всегда плоское поле съ мохомъ и кочками, то есть болото. Полисадникъ возлѣ полисадника, балаганъ возлѣ балагана, почти стѣна объ стѣну, или, правильнѣе, доска объ доску, такъ-что если, напримѣръ, въ одномъ балаганѣ вдова полковница Харитоньева чихнетъ отъ пыли или отъ сырости, изъ другого балагана коллежскій совѣтникъ Гриценко, жаждущій семейнаго счастія, непремѣнно на это чиханье пожелаетъ ей громко здоровья... Часовъ въ восемь вечера все это плоское пространство покрывается болотными испареніями, бѣловатымъ туманомъ, изъ котораго только торчатъ зубцы и башенки. Когда луна поднимется изъ этихъ испареній и освѣтитъ это пространство, оно издали покажется моремъ, а башенки мачтами барокъ, и если полковница Харитоньева въ пріятномъ сообществѣ коллежскаго совѣтника Гриценко неосторожно засидится на своемъ балконѣ при этомъ лунномъ освѣщеніи, то ея пышно накрахмаленный кисейный капотъ превратится непремѣнно въ мокрую тряпку...

«Но не всѣ петербургскія дачи построены на болотистыхъ пространствахъ, и тотъ, кто полагаетъ, что кругомъ Петербурга нѣтъ ничего кромѣ воды и болота, находится въ совершенномъ заблужденіи. Близь Петербурга есть и возвышенности, и на этихъ возвышенностяхъ торчатъ также миндальныя башенки. Въ какую бы, впрочемъ, сторону не выѣхать за черту Петербурга — башенки будутъ преслѣдовать повсюду. Петербург-

скій житель не можетъ никакъ лѣтомъ обойдтись безъ башенокъ, въ которыхъ вѣтеръ продуваетъ его насквозь, а дождь сквозь щели крышъ льетъ ему на голову. Любители сухого воздуха отыскали себѣ близь самаго города сухой оазисъ, гдѣ нѣтъ ни капли воды; гдѣ только песокъ и сосны — сосны и песокъ; гдѣ нога тонетъ по колѣно въ пескѣ или скользитъ на сосновыхъ иглахъ, или спотыкается на сосновыхъ шишкахъ; гдѣ нѣтъ ни одного сочнаго, свѣжаго и свѣтлаго листка, и гдѣ природа вся колется какъ ежъ своими темными иглами, да еще въ добавокъ украшенными гирляндами паутины... и здѣсь рядкомъ тѣ же башенки и зубчики, и тѣ же палисадники, выходящіе на пыльныя улицы, но отъ этой пыли ужь не чихаешь... это не шоссейная пыль, превращенная въ мелкій порошокъ и ядовитая, какъ табакъ,— это массивная и густая пыль, тяжело висящая въ воздухѣ, отъ которой можно задохнуться... Въ палисадникахъ кромѣ сосны попадается иногда только-что пересаженная откуда-то рябина, липа или березка, тонкія и робкія, на которыя мрачно ощетинившаяся сосна, кажется, смотритъ враждебно, какъ на незаконно попавшихъ въ ея исключительное владѣніе, въ это царство песку, гдѣ она разростается и плодится самовластно.

«На этихъ-то пескахъ или на этихъ болотахъ проводятъ петербургскіе жители три мѣсяца въ своихъ миндальныхъ башенкахъ, выглядывая на природу по большей части изъ теплыхъ салоповъ и ваточныхъ пальто. Но когда петербургская природа улыбается, когда солнце освѣтитъ эти башенки, все дачное народонаселеніе высыпаетъ на поля и на улицы наслаждаться природой.

«Барыни и барышни, затянутые и закованные въ корсеты, въ накрахмаленныхъ юбкахъ, въ кисеяхъ и въ батистахъ, въ прозрачныхъ шляпкахъ, подъ зонтиками и вуалями, чинно гуляютъ по пыльному шоссе, по песку или по мху и кочкамъ, едва передвигая свои ножки, затянутыя для красоты въ узкія ботинки, въ сопровожденіи штатскихъ или военныхъ кавалеровъ, и наслаждаются природой, называя холмикъ — горою, прудъ, вырытый для поливки цвѣтовъ — озеромъ, группу деревъ — лѣсомъ, четыре дерева — рощею, и такъ далѣе. Иногда вдругъ барышнѣ вздумается побѣгать, на вольномъ воздухѣ, что весьма натурально... Она взглянетъ на маменьку и побѣжитъ, а

кавалеръ, военный или штатскій, сейчасъ за нею — догонять ее. Онъ, разумѣется, тотчасъ же поймаетъ ее за талію, потому что она бѣжать не можетъ; барышня вскрикнетъ или взвизгнетъ: «ахъ!» и, запыхавшись и разкраснѣвшись, возвратится къ своей компаніи, которая встрѣтитъ ее веселымъ смѣхомъ. Пройдя такимъ образомъ извѣстное пространство, компанія повертываетъ домой. Барышни и барыни, возвратясь съ прогулки, стряхаютъ и смываютъ съ себя пыль, вытираются и притираются и возвращаются на балконъ или на террасу очаровывать своихъ кавалеровъ, которые любезничаютъ и курятъ, курятъ и любезничаютъ... Зимой не дозволяется курить при дамахъ: это для мужчинъ также одно изъ дачныхъ наслажденій — барыни, барышни и папироски вмѣстѣ....

«За готическимъ домикомъ изъ барочнаго лѣса бываетъ иногда садикъ шаговъ во сто длины и шаговъ пятьдесятъ ширины. Семейство пьетъ чай или обѣдаетъ въ этомъ садикѣ на свѣжемъ воздухѣ, хотя свѣжій воздухъ пахнетъ конюшней, гнилью и еще чѣмъ-то болѣе непріятнымъ, потому что съ одной стороны къ садику прилегаетъ зданіе конюшенъ, а съ другой какія-то развалившіяся домашнія строенія. Верстахъ въ полуторахъ бываетъ обыкновенно какой нибудь большой садъ съ паркомъ, съ прудами, гдѣ водятся караси; съ бесѣдками, стѣны которыхъ исписаны различными остроумными русскими и нѣмецкими надписями карандашемъ, мѣломъ и углемъ и изрѣзаны ножемъ; съ памятниками, съ мостиками; съ парнасами и съ другими барскими затѣями. Это — любимое мѣсто для прогулокъ окрестныхъ дачныхъ обитателей, и у каждой дачной барышни и барыни есть непремѣнно любимое мѣсто въ этомъ саду: скамейка, съ которой видъ на поле, или уединенная бесѣдка въ тѣни акацій и липъ, драгоцѣнныя ей по какимъ нибудь воспоминаніямъ... Здѣсь на скамейкѣ, на деревѣ или на колоннѣ, украдкой ото всѣхъ, барышня вырѣзала начальную букву имени *его*, иногда годъ, число и мѣсяцъ, незабвенный для нея мѣсяцъ и еще болѣе незабвенное число. Здѣсь есть горка, съ которой обыкновенно любуются закатомъ солнца; аллея, въ которой гуляютъ при лунѣ, — и на горкахъ, въ аллеяхъ, въ бесѣдкахъ, — вездѣ звуки нѣмецкаго языка, неизбѣжнаго на всѣхъ лѣтнихъ публичныхъ гуляньяхъ.

«На петербургскихъ дачахъ,—гдѣ бы ни были эти дачи, въ болотѣ или на пескѣ, на высохшей рѣчкѣ, черезъ которую куры переходятъ въ бродъ, или у моря за 40 верстъ отъ города, гдѣ дачная жизнь принимаетъ широкіе размѣры, гдѣ вѣетъ уже запахомъ полей, гдѣ въ лѣсахъ, рощахъ и паркахъ встрѣчаются столѣтнія деревья,— на одно русское семейство непремѣнно десять нѣмецкихъ. Самый бѣдный нѣмецъ не можетъ обойдтись безъ дачи; лѣтомъ его такъ и тянетъ *in's Grüne*. Гдѣ есть только подозрѣніе природы, слабый намекъ на зелень, какія нибудь три избушки и одна береза, одну изъ этихъ избушекъ нѣмецъ непремѣнно превратитъ въ дачу: оклеитъ ее дешевенькими обоями, привѣситъ къ окнамъ кисейныя занавѣсочки, поставитъ на подоконники ерань и лимонъ, который посадила въ замуравленный горшокъ сама его Шарлотта; передъ окномъ избы выкопаетъ клумбочку, насадитъ бархатцовъ и ноготочковъ... и устроитъ свое маленькое хозяйство такъ аккуратно и такъ уютно, какъ будто лѣто должно продолжаться вѣчность. Тогда какъ иной русскій и съ деньгами найметъ себѣ огромную и дорогую дачу, да и живетъ цѣлое лѣто настежь, на распашку, какъ ни попало, безъ занавѣсокъ, безъ шторъ, въ крайнемъ случаѣ защищаясь отъ солнца салфеткой, которую прикрѣпитъ къ окну чѣмъ ни попало, хоть вилкой, если вилка попадется подъ руку. «Что — думаетъ онъ — стоитъ ли устраиваться: вѣдь лѣто-то коротко. Не увидишь какъ и пройдетъ. Авось проживемъ какъ нибудь и такъ.»

«Именины или рожденья на дачахъ празднуются обыкновенно съ большимъ шумомъ и блескомъ, особенно нѣмцами: въ эти торжественные семейные дни балконы убираются гирляндами цвѣтовъ, а вечеромъ вся дача освѣщается разноцвѣтными фонариками; знакомые привозятъ иногда съ собой сюрпризы въ видѣ карманныхъ фейерверковъ. Эти же знакомые лазятъ по лѣстницамъ и развѣшиваютъ цвѣтные фонари, подъ главнымъ надзоромъ какого нибудь друга дома Адама Карлыча, и когда все готово, выводятъ хозяина и именинницу-хозяйку, полюбоваться этими сюрпризами, которые повторяются лѣтъ двадцать сряду. Тогда начинаются крики «браво!»; кричатъ гости, дѣти, младенцы, все кричитъ и радуется, и вдругъ изъ этой толпы раздастся одинъ какой нибудь голосъ: «качать Адама Карлыча!» Другіе голоса подхватятъ: «качать, качать

его!» Смущенный Адамъ Карлычъ обращается въ бѣгство, его преслѣдуютъ, его ловятъ, его догоняютъ, его наконецъ качаютъ, при усилившемся крикѣ и смѣхѣ, а за полисадникомъ на улицѣ тоже хохотня и пискъ. Тамъ толпы любопытныхъ съ окрестныхъ дачъ: горничныя, лакеи, кухарки, кучера, поваренки и разная челядь.

«Такъ веселятся на петербургскихъ дачахъ средней руки, но около Петербурга есть другого рода дачи — съ цѣльными стеклами до пола, съ террасами, съ галлереями, съ балконами, уставленными деревьями и цвѣтами, съ удивительными фонарями; съ садами, которые представляютъ видъ салоновъ, гдѣ дорожки усыпаны краснымъ пескомъ, а травка подкошена и подчищена, гдѣ вмѣсто заборовъ подстриженный кустарникъ, красивѣе ширмъ, гдѣ мраморныя вазы, ванны и бассейны, гдѣ не только нельзя лечь на траву, но не рѣшишься даже плюнуть на дорожку, гдѣ просто ходить опасно по дорожкамъ, потому что на этомъ красномъ пескѣ, красиво и искусно подметенномъ, нѣтъ ни одного слѣда человѣческаго. Хозяинъ и хозяйка этой великолѣпной обстановки, этой изящной декораціи, называющейся дачею, много что раза два въ лѣто пройдутся по этому саду. Они ходятъ мало, они природой любуются свысока, изъ своихъ экипажей, съ сѣдла своей верховыхъ англійскихъ лошадей, или съ своихъ великолѣпныхъ балконовъ и террассъ...»

Мой пріятель, какъ замѣтилъ уже, вѣроятно, читатель, смотритъ на петербургскія дачи съ юмористической и нѣсколько фельетонной точки зрѣнія. Я этой точки зрѣнія не люблю, смотрю на дачи очень серьёзно и нахожу, что онѣ составляютъ существенную потребность въ жизни петербургскаго жителя; но дѣло не въ томъ. Дача, которую нанимали Грибановы, одна изъ ближайшихъ дачъ за выборгской заставой, по дорогѣ, ведущей къ Парголову, была построена безъ особенныхъ затѣй. На ней не торчали миндальныя башенки и не было видно ни одного зубчика: это былъ просто домикъ съ мезониномъ, съ обыкновенной крышей и съ крылечкомъ, выходившимъ въ палисадникъ. Такая простота нѣсколько смущала Лидію Ивановну, которая, смотря на этотъ домъ, обыкновенно говорила: «Что это за постройка! это совсѣмъ непохоже на дачу, точно какъ будто домъ въ уѣздномъ городѣ... никакой архитектуры!» За то ей чрезвычайно нравилась дача, которая была почти напротивъ

нихъ, принадлежавшая какому-то золотопромышленнику, въ которой дѣйствительно готизмъ доведенъ былъ до невѣроятнаго. Къ дому приклеены были семь небольшихъ башенокъ и восьмая большая, съ часами, у которыхъ бой былъ съ музыкой.... Кромѣ того вся она была изукрашена зубчиками и фестончиками, а кругомъ ея были вырыты рвы и черезъ нихъ устроены подъемные мостики. Садъ, окружавшій ее на маломъ пространствѣ, представлялъ множество разнообразнѣйшихъ и затѣйливѣйшихъ выдумокъ: фонтанчики, гроты съ пустынниками, пруды съ островками, паромы и прочее. Лидія Ивановна говорила, что этотъ садъ и дача — маленькій эрмитажъ, но не Алексѣй Аѳанасьичъ, не Иванъ Алексѣичъ не раздѣляли въ этомъ случаѣ ея мнѣнія. Алексѣй Аѳанасьичъ называлъ эту дачу вербной игрушкой, а Иванъ Алексѣичъ приходилъ отъ нея даже въ негодованіе:

— Такъ искажать, говорилъ онъ съ важностію: — и обезображивать природу, и превращать архитектурное искусство въ кандитерское издѣліе — непозволительно.

По поводу этой дачи возникали даже въ этомъ образцовомъ семействѣ споры, доходившіе иногда до размолвокъ.

— Кажется, болѣе меня ужь никто не любитъ природы, замѣчала Лидія Ивановна: — но я восхищаюсь равно и природой, и искусствомъ, и дикимъ мѣстоположеніемъ, и обдѣланною и украшенною мѣстностію. Все хорошо въ своемъ родѣ.

— Помилуйте, какое тутъ искусство! возражалъ Иванъ Алексѣичъ: — это не искусство, а оскорбленіе искусства, пародія на искусство. Рыцарскіе замки изъ барочныхъ досокъ, раскрашенные и вымазанные сусальнымъ золотомъ!...

— Ну, стало быть, я ничего не понимаю, перебивала Лидія Ивановна: — стало быть я не умѣю цѣнить искусства?

Алексѣй Аѳанасьичъ приходилъ при этомъ въ безпокойство и вступался въ разговоръ.

— Нѣтъ, не то, матушка, говорилъ онъ самымъ мягкимъ и примирительнымъ голосомъ: — вы очень хорошо понимаете искусство, Иванъ это знаетъ; но у васъ есть страстишка къ игрушкамъ, это вамъ и нравится какъ игрушка.

— Какія игрушки! что за *страстишка!* какія у васъ выраженія! вскрикивала Лидія Ивановна: — развѣ я ребенокъ, чтобы мнѣ нравились игрушки? и прочее.

Но когда раздражительность Лидіи Ивановны стихала, когда она успокоивалась и принималась лѣпить свои цвѣточки, а Иванъ Алексѣичъ принимался декламировать ей свое новое стихотвореніе и когда потомъ они принимались восхищаться другъ другомъ: Иванъ Алексѣичъ — восковымъ цвѣткомъ своей тетки, а Лидія Ивановна — стихотвореніемъ своего племянника, тогда Алексѣй Аѳанасьичъ чувствовалъ то внутреннее умиленіе, отъ котораго на глазахъ у него, обыкновенно, проступали слезы.

Все семейство, постоянно восхищавшееся природой, предавалось вполнѣ и съ увлеченіемъ различнымъ дачнымъ наслажденіямъ. Алексѣй Аѳанасьичъ всѣ свободныя свои минуты проводилъ въ окружныхъ лѣсахъ, отыскивая грибы, и для грибовъ забывалъ даже свои силуэтики. Сынъ, какъ поэтъ, бродилъ со стихомъ и риѳмой на устахъ по окрестнымъ полямъ и рощамъ. Лидія Ивановна занималась уже болѣе настоящими, нежели восковыми цвѣтами. Она устроила нѣсколько клумбъ въ своемъ полисадникѣ, сама посадила цвѣты, ухаживала за ними, поливала ихъ — и *изучала,* по ея собственному выраженію. Наденька, обыкновенно, помогала ей въ этомъ занятіи; а Палагея Петровна все собирала васильки во ржи: наберетъ цѣлую охапку васильковъ и начнетъ, бывало, плесть изъ нихъ вѣнки, сплететъ вѣнокъ и украситъ имъ соломенную шляпку Лидіи Ивановны, которая непремѣнно замѣтитъ ей, съ пріятной улыбкой:

— Merci, милая, но только, право, мнѣ это не по лѣтамъ.

А Палагея Петровна поцалуетъ ее въ плечо и примолвитъ:

— И, полноте. Что это вы? Какія еще ваши лѣта?

Когда Алексѣй Аѳанасьичъ возвращался изъ лѣса, и когда походъ его былъ удаченъ, онъ сзывалъ всѣхъ домашнихъ, улыбался и потиралъ руки, а вслѣдъ за нимъ приносили обыкновенно корзину съ грибами.

— Посмотрите, говорилъ онъ, тая отъ умиленія: — какіе березовики-то... молоденькіе, бѣленькіе... а подъосиновичекъ-то! каковъ?... а бѣлый-то грибочекъ, посмотрите, Палагея Петровна, какой махонькій..: Вотъ эти вы велите изжарить, да со сметаной... Чудное будетъ блюдо!... А эти вотъ отобрать да посолить.

И когда на столѣ являлась сковорода съ его грибами, плававшими въ сметанѣ, Алексѣй Аѳанасьичъ, смакуя самъ, обращался поочередно ко всѣмъ:

— Каковы грибки-то! ужь это, я надѣюсь, получше этихъ модныхъ-то трюфелей... шляпка къ шляпкѣ на подборъ. На этакіе березовички невсегда удастся напасть!

И при этомъ слеза ужь непремѣнно навернется у него на глазахъ.

На дачѣ Алексѣй Аѳанасьичъ становился обыкновенно еще болѣе мягкосердеченъ и чувствителенъ. Это должно было, конечно, приписать дѣйствію природы. Когда я бывало пріѣду къ нимъ на дачу, онъ встрѣтитъ меня первый, обниметъ, разцалуетъ...

— Ну, очень радъ, очень радъ, непремѣнно скажетъ онъ: — и прекрасно сдѣлали, что пріѣхали. Что въ городѣ-то задыхаться отъ пыли и жара! Видите, какое здѣсь раздолье, какой воздухъ!... а погода-то какая стоитъ — чудо!... посмотрите на небо, ни одного облачка... Да вы бы къ намъ на нѣсколько дней, погостили бы у насъ, мы вмѣстѣ съ вами пошли бы за грибками... и прочее.

Потомъ онъ также непремѣнно прибавитъ:

— Какой цвѣтничекъ развела Лидія Ивановна, посмотрите, вѣдь это просто прелесть. Не правда ли?...

Покажетъ на высокую и кудрявую ольху, которая росла у нихъ за домомъ, хотя я ужь двадцать разъ видѣлъ ее, и воскликнетъ:

— Какая здѣсь растительность-то, необыкновенная! гдѣ вы подъ Петербургомъ найдете такое дерево? Да вѣдь здѣсь и воздухъ какой!... Нигдѣ въ окрестностяхъ нѣтъ такого воздуха!... Повѣрьте мнѣ... это я и на себѣ чувствую, да вотъ Лидія Ивановна и дѣти находятъ то же.

Если польетъ дождь, Алексѣй Аѳанасьичъ и отъ дождя приходитъ въ восхищеніе.

— Какъ хорошо, говоритъ: — теперь цвѣточкамъ-то и зелени! Они обмоются, освѣжатся.

Старикъ всегда и всѣмъ былъ доволенъ; его только немного смущали и тяготили церемонныя знакомства, и когда Щелкаловъ въ первый разъ появился у нихъ на дачѣ, ни кѣмъ нежданный, въ расплохъ, Алексѣй Аѳанасьичъ, лежавшій въ эту мину-

ту на травѣ подъ деревомъ, безъ галстуха и въ туфляхъ, наморщился, почесалъ затылокъ и произнесъ въ полголоса:

— Ахъ! зачѣмъ это его принесло нелегкое!

Потомъ онъ улыбнулся и обратился ко мнѣ, приподнимаясь неохотно.

— Что, батюшка! дѣлать нечего, видно придется натягивать сапоги и галстухъ.

Дамы, сидѣвшія на крылечкѣ, первыя увидали Щелкалова, вскрикнули и бросились въ домъ, для того, вѣроятно, чтобы принарядиться. Я остался одинъ въ полисадникѣ и пошелъ навстрѣчу нечаянному гостю.

Онъ стоялъ у калитки, посматривая кругомъ въ свое стеклышко.

— А, здравствуйте! закричалъ онъ, отталкивая ногой калитку. — Да у кого вы здѣсь? Тутъ, что ли, живутъ Грибановы? Я ихъ ищу.

— Тутъ, отвѣчалъ я.

— Вотъ это очень кстати, что я васъ нахожу здѣсь... Однакожь, это довольно далеко. Я, любезнѣйшій, пѣшкомъ съ своей дачи!... а? порядочное путешествіе!... Что васъ давно не видать нигдѣ?

Говоря это, баронъ вошелъ въ палисадникъ, осмотрѣлъ все кругомъ въ свое стеклышко, бросился на скамейку, стоявшую на срединѣ дорожки отъ калитки палисадника до крылечка дома и, чертя на пескѣ тросточкой, сказалъ:

— Ну-съ, а гдѣ же хозяева?

— Они дома. Мы подождемъ ихъ тутъ; они сейчасъ придутъ.

Я боялся Щелкалова пустить въ домъ, гдѣ должна была, по моимъ догадкамъ, происходить страшная суматоха.

— А что, вы знаете толкъ въ англійскихъ лошадяхъ? вдругъ спросилъ меня Щелкаловъ, приподнявъ немного голову и потомъ снова опустивъ ее и продолжая чертить на пескѣ.

— Ни малѣйшаго, отвѣчалъ я.

— Неужто?

Баронъ опять приподнялъ голову и взглянулъ на меня, улыбнувшись, съ выраженіемъ сожалѣнія. Я зналъ, что, по мнѣнію его, первымъ признакомъ *порядочнаго* человѣка, *настоящаго*

джентльмена, была страсть къ лошадямъ и къ охотѣ, къ этимъ двумъ важнѣйшимъ отраслямъ *спорта*, — единственная, впрочемъ, страсть, допускавшаяся джентльмену. Говоря объ лошадяхъ и объ охотѣ, джентльменъ могъ даже выходить изъ себя. Онъ непремѣнно обязанъ былъ быть, или по крайней мѣрѣ прикидываться лошадинымъ знатокомъ, и знать наизусть всѣхъ лошадей извѣстной породы, внесенныхъ въ знаменитую *Stud-Book*. Я не разъ слышалъ барона, краснорѣчиво развивавшаго цѣлыя теоріи о лошадяхъ, выученныя имъ наизусть изъ *Bel's Life*, англійскаго спортсменскаго журнала. И хотя вопросъ Щелкалова, несмотря на его неожиданность, не удивилъ меня, потому что онъ часто предлагалъ вопросы еще неожиданнѣе и еще страннѣе, я однако спросилъ его:

— Съ какой точки зрѣнія васъ можетъ интересовать, знаю ли я толкъ въ лошадяхъ или нѣтъ?

— Такъ, отвѣчалъ онъ: — если бы вы знали въ нихъ толкъ, я показалъ бы вамъ удивительную англійскую лошадь, которую я теперь торгую, — породистую лошадь, кровную... чудо лошадь! Немного дороговько просятъ; впрочемъ, я думаю, придется раззориться.

Разговоръ объ лошади, ни мало не интересовавшій меня, къ моему счастію, прекратился появленіемъ Лидіи Ивановны и Наденьки, а вслѣдъ за ними и Алексѣя Аѳанасьича въ сапогахъ и въ галстухѣ. Увидавъ ихъ, Щелкаловъ лѣниво приподнялся со скамейки, небрежно поклонился дамамъ, сказалъ Алексѣю Аѳанасьичу: «Здравствуйте», и протянулъ ему два пальца.

— А знаете, какъ я къ вамъ сюда явился? угадайте?...

Всѣ молчали, не зная, что на это отвѣчать.

— Пѣшкомъ съ, продолжалъ баронъ, смѣясь: — съ своей дачи. Это по крайней мѣрѣ верстъ пять.... какъ вамъ это нравится, а?

И Щелкаловъ посмотрѣлъ на всѣхъ, какъ бы ожидая знаковъ удивленія.

— Неужели? воскликнула Лидія Ивановна первая: — возможно ли это?

Она была точно поражена этимъ. По ея мнѣнію, ноги такой особы могли только прикасаться къ паркету, или къ обдѣланнымъ дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ.

— Вы устали, баронъ? продолжала Лидія Ивановна съ безпокойствомъ: — пожалуйста, садитесь. Да, скажите,что это за фантазія пришла вамъ — пѣшкомъ?

Щелкаловъ засмѣялся.

— Я могу отвѣчать вамъ на это: *у всякаго барона своя фантазія.* Мнѣ такъ вздумалось; я хотѣлъ сдѣлать опытъ; но, я думаю, въ другой разъ я не повторю этого... Ну, что, какъ *наша* музыка? прибавилъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

Наденька вспыхнула и улыбнулась. Въ этой улыбкѣ было видно, что ей очень пріятно вниманіе Щелкалова.

— Лѣтомъ я совершенно свободенъ, я буду заѣзжать къ вамъ часто, и мы будемъ съ вами заниматься музыкой. Хотите?

Наденька покраснѣла еще больше и отвѣчала на это только пріятнымъ наклоненіемъ головы.

— Музыка и природа, хоть съ иглами, а все-таки природа! замѣтилъ Щелкаловъ, указывая на сосну, торчавшую передъ крыльцомъ. — Лѣтомъ нѣтъ другихъ развлеченій... А гдѣ вашъ сынъ?

Баронъ при послѣднихъ словахъ покачнулъ голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ Алексѣй Аѳанасьичъ.

— Да Богъ его знаетъ, отвѣчалъ старикъ: — онъ иногда пропадаетъ по цѣлымъ днямъ. Вѣдь онъ артистъ, поэтъ, бродитъ себѣ по полямъ, по лѣсамъ; говоритъ, будто бы лѣтомъ онъ всегда живетъ растительною жизнію; да это не правда, тутъ-то у него и зараждаются различные поэтическіе планы... Я подозрѣваю, что онъ теперь пишетъ какую-то большую вещь; отъ насъ это онъ еще держитъ въ секретѣ. Вывѣдайте-ка его, баронъ, когда вы увидитесь съ нимъ. Онъ вамъ проговорится.

Старикъ оживился, говоря это. Голосъ его уже дребезжалъ, и слеза блестѣла на рѣсницѣ.

Баронъ остался довольно долго, любезничалъ съ Наденькой, акомпанировалъ ей и пѣлъ вмѣстѣ съ нею. Палагея Петровна разливала, разумѣется, чай въ задней комнатѣ, а Макаръ, въ нитяныхъ перчаткахъ, разносилъ его на серебряномъ подносѣ. Часовъ въ двѣнадцать, среди общаго разговора, Щелкаловъ обратился ко мнѣ:

— А что, у васъ здѣсь есть какая нибудь колымага? вы меня довезете?

— Пожалуй, отвѣчалъ я.

Дорогой Щелкаловъ больше дремалъ. Когда ужь мы подъѣхали къ его дачѣ, онъ зѣвнулъ, потянулся и сказалъ:

— А, право, эта дѣвочка премиленькая! а?... Какіе у нея глаза и какъ она сложена славно! Если бы дать ей манеры, воспитать въ хорошемъ домѣ, она навѣрно произвела бы эффектъ въ свѣтѣ? Не правда ли?

Я не счелъ нужнымъ что-нибудь отвѣчать на это, да къ тому же въ эту минуту мы подъѣхали къ дачѣ, и Щелкаловъ закричалъ моему кучеру:

— Стой!

Выскочилъ изъ коляски, сдѣлавъ мнѣ привѣтливый знакъ рукою, и сказалъ, кивнувъ головой:

— Благодарствуйте....

Послѣ этого я не былъ мѣсяца полтора у Грибановыхъ. Съ Щелкаловымъ въ это время я также нигдѣ не видѣлся. Разъ на какомъ-то загородномъ гуляньѣ я встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, влюбленнымъ въ Наденьку.

— Ну, что, какъ поживаютъ Грибановы? спросилъ я его.

— Я не знаю, отвѣчалъ онъ сухо.

— Какъ! вы не знаете? Полноте, а Надежда-то Алексѣевна? возразилъ я.

— Чтожь мнѣ такое Надежда Алексѣевна?

— Какъ что? вѣдь вы влюблены въ нее? И она въ васъ. Полноте, не скрывайтесь. Я вѣдь все знаю.

— Плохо же вы знаете! отвѣчалъ молодой человѣкъ съ раздраженіемъ: — влюблена она не въ меня, да мнѣ и не нужно ея любви... Она съума сходитъ отъ этого франта, отъ этого свѣтскаго господина... какъ бишь его? Ну, отъ этого барона, который, кажется, приволакивается за нею не шутя.

— Будто? да развѣ онъ часто бываетъ у нихъ?

— Чуть не всякій день. Вы можете постоянно найдти его тамъ. Ужь онъ сдѣлался тамъ совсѣмъ домашнимъ человѣкомъ: Палагея Петровна и чай разливаетъ при немъ, даже иногда дѣло обходится и безъ серебрянаго подноса, и Макаръ ужь начинаетъ появляться безъ перчатокъ, какъ бывало при васъ, запро-

сто. Лидія Ивановна, натурально, въ восторгѣ, что такой аристократъ сдѣлался у нихъ въ домѣ своимъ, и у нея только и на языкѣ, что баронъ: баронъ сдѣлалъ то-то, баронъ сказалъ то-то, баронъ купилъ то-то, а этотъ баронъ лжетъ передъ ними и ломается. Даже и этотъ добрый Алексѣй Аѳанасьичъ доволенъ, кажется, обществомъ барона; ему позволяется теперь снимать галстухъ въ его присутствіи, и старикъ разсказываетъ о немъ уже со слезами на глазахъ отъ умиленія.

— Не можетъ быть! воскликнулъ я.

— Я васъ могу увѣрить, продолжалъ молодой человѣкъ, одушевляясь. — И этотъ баронъ еще привозитъ съ собою своего друга, этого противнаго господина Веретенникова, который ему необходимъ, потому что онъ занимаетъ Лидію Ивановну и Алексѣя Аѳанасьича въ то время, какъ тотъ занимаетъ Надежду Алексѣевну...

— Полноте, вамъ это все такъ кажется? возразилъ я.

— Нѣтъ, не кажется, а все это такъ есть... спросите хоть у Пруденскаго. Но всѣхъ противнѣе это ужь, конечно, Иванъ Алексѣичъ. Онъ очень хорошо видитъ, что тотъ волочится за его сестрою, очень хорошо знаетъ, что это волокитство ни къ чему не поведетъ, что баронъ вѣдь не женится же на ней; а способствуетъ еще ихъ сближенію, льститъ ему, а намъ всѣмъ ругаетъ его, говоритъ, что онъ всѣхъ этихъ свѣтскихъ людей презираетъ... И знаете ли, изъ-за чего это онъ льститъ барону и потакаетъ своей сестрѣ? Какъ бы вы думали? Изъ-за того, что тотъ выслушиваетъ его стихи, восхищается ими, кричитъ о нихъ, обѣщаетъ ему устроить чтеніе въ какомъ-то аристократическомъ домѣ, познакомилъ его съ какимъ-то княземъ. Иванъ Алексѣичъ такъ и разтаялъ отъ всего этого, а намъ не хочетъ, разумѣется, показать этого и говоритъ, что онъ все это дѣлаетъ не для себя, а единственно для того только, чтобы заинтересовать арисократическій кругъ русской литературой. Комедія да и только!

— Вотъ какъ! а я этого ничего не зналъ. Я ужь у Грибановыхъ не былъ гораздо больше мѣсяца.

— Я тоже не былъ у нихъ дней десять, перебилъ молодой человѣкъ: — да тамъ просто противно бывать теперь, и они оба — и баронъ, и Веретенниковъ, смотрятъ на насъ свысока, едва го-

ворятъ, едва удостоиваютъ взгляда. Пруденскій все навязывается къ нимъ съ своими разговорами, а они чуть не отворачиваются отъ него. Охота же ему! Я не понимаю этихъ людей, а еще все толкуютъ о чувствѣ собственнаго достоинства и о томъ, что никому не позволятъ себѣ наступить на ногу, ни передъ кѣмъ не уронятъ себя!

Я на другой же день отправился къ Грибановымъ. Мнѣ, признаюсь, любопытно было повѣрить все это собственными глазами.

Я пріѣхалъ къ нимъ на дачу часовъ въ восемь. Это было уже въ августѣ мѣсяцѣ; солнце садилось. Вечеръ былъ ясный, съ небольшимъ холодкомъ. Я нашелъ все общество въ гостиной. Лидія Ивановна сидѣла на диванѣ передъ круглымъ столомъ, на которомъ стояла уже зажженная карсельская лампа, потому что въ комнатѣ было темно отъ деревьевъ. Лидія Ивановна находилась, по видимому, очень въ пріятномъ расположеніи, и одѣта была очень пестро и нарядно. На Алексѣѣ Аѳанасьичѣ былъ галстухъ и сапоги. Лицо его было все подернуто умиленіемъ, а глаза слезой; значитъ, онъ былъ совершенно доволенъ собой и окружающими. Иванъ Алексѣичъ просто сіялъ и какъ-то все сладко улыбался. Постороннихъ было четверо: Веретенниковъ, Пруденскій, влюбленный въ Наденьку молодой человѣкъ и бойкая барышня. Послѣ обыкновенныхъ любезностей: — Что вы подѣлываете? — Какъ давно васъ не видно. — Вы насъ забыли... и тому подобнаго, я сѣлъ и, осмотрясь кругомъ, спросилъ:

— А что, Надежда Алексѣевна? Здорова ли она?

— Слава Богу, покорно васъ благодарю, отвѣчала Лидія Ивановна: — она поѣхала кататься съ барономъ, въ его англійскомъ экипажѣ; они, я думаю, скоро вернутся. Какой прелестный экипажъ у барона! Вы не видали этого экипажа? Совершенно какъ игрушка... И какая лошадь! Удивляться, впрочемъ, нечего, у барона столько вкуса!

Во время этихъ восклицаній влюбленный молодой человѣкъ, разговаривая съ бойкой барышней, все посматривалъ на Лидію Ивановну, иронически улыбаясь.

— Да! другого такого экипажа нѣтъ въ Петербургѣ, замѣтилъ Веретенниковъ, и потомъ обратился ко мнѣ, поправляя свои воротнички: — А я вчера былъ у графа Петра Николаича...

Какъ онъ, батюшка, перемѣнился, исхудалъ — ужасъ!... однако, теперь ему, слава Богу, гораздо лучше.

Кто такой былъ этотъ графъ Петръ Николаичъ и почему Веретенниковъ полагалъ, что его здоровье можетъ интересовать меня, я рѣшительно не зналъ, но спросилъ:

— Чѣмъ же онъ былъ боленъ?

— Какъ, развѣ вы не слыхали? Страшное воспаленіе въ горлѣ. Онъ не могъ ничего глотать, его жизнь была въ опасности. Съ мѣсяцъ тому назадъ, мы были вмѣстѣ на дачѣ у графини Вѣры Васильевны. Вечеръ былъ неслыханно хорошъ. Графиня вздумала кататься на лодкѣ, а ужь графъ чувствовалъ себя не очень хорошо. Я ему и говорю: «Петруша, ты, братецъ, не ѣзди, ты можешь простудиться, все-таки сыро... особенно на водѣ...»

Веретенниковъ, кажется, хотѣлъ пуститься въ длинную исторію. Я предупредилъ его:

— Да о комъ это вы говорите? Кто же это такой графъ Петръ Николаичъ?...

— Графъ Красногорскій! возразилъ Веретенниковъ: — двоюродный братъ моего зятя князя Петра... да развѣ вы его не знаете?... Pardon! а мнѣ казалось, что я васъ встрѣчалъ у него...

И онъ отъ меня обратился къ Лидіи Ивановнѣ и продолжалъ ей досказывать, вѣроятно, прерванный моимъ приходомъ разсказъ, который такъ и кишилъ аристократическими именами.

Я подошелъ къ Алексѣю Аѳанасьичу.

— Сколько времени носу не показываешь! какже не стыдно! сказалъ онъ мнѣ съ упрекомъ.

Алексѣй Аѳанасьичъ мнѣ и другимъ своимъ короткимъ знакомымъ говорилъ иногда *ты*, когда ужь былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа.

— А мы, братецъ, продолжалъ онъ: — превесело проводимъ время; у насъ всякій день кто нибудь изъ добрыхъ пріятелей.

Алексѣй Аѳанасьичъ всталъ, взялъ меня за руку и вывелъ на крыльцо.

— Ты знаешь, началъ онъ: — баронъ-то вѣдь почти своимъ человѣкомъ сдѣлался у насъ, какъ ты, ей Богу... И вѣдь онъ

прекрасный и предобрый человѣкъ, простой такой! Это онъ съ виду только кажется такимъ гордымъ; ну, да въ ихъ кругу у нихъ у всѣхъ такія манеры, а я тебѣ говорю, что онъ прерадушный, пребезподобный человѣкъ! какъ онъ смѣшитъ насъ! Мастеръ разсказывать... въ немъ бездна юмора, это совершенно справедливо замѣчаетъ Иванъ.

Не трудно было догадаться, что мнѣніе о Щелкаловѣ было внушено отцу сыномъ.

— Ахъ, я братецъ, главнаго-то тебѣ не сообщилъ! (Старикъ вдругъ весь встрепенулся.) Ты не знаешь новость объ Иванѣ-то?

— Нѣтъ, что такое?

— Вѣдь онъ читалъ свое сочиненіе на вечерѣ у княгини Воротынской! Вѣдь нарочно для него былъ устроенъ литературный вечеръ! Вся знать была, рѣшительно вся! Эффектъ былъ такой произведенъ, что и разсказать нельзя. Всѣ были въ восторгѣ, жали ему руки, не вѣрили, чтобы на русскомъ языкѣ можно было такъ хорошо писать стихи... Княгиня-то умнѣйшая дама и съ величайшимъ вкусомъ. Иванъ говоритъ, что это просто замѣчательнѣйшая женщина, что ея салонъ напоминаетъ историческіе салоны, о которыхъ дошли до насъ извѣстія... вотъ, какъ напримѣръ, Рамбулье, что ли? Иванъ такъ обласканъ княгинею, она такъ полюбила его!...

У старика закапали слезы.

— Ты вѣдь знаешь Ивана, онъ съ характеромъ, онъ достоинства своего не уронитъ ни передъ кѣмъ—нѣтъ! Заискивать ни въ комъ не станетъ; онъ гордъ; онъ нисколько не увлекается этимъ, и теперь говоритъ, что ни за что не поѣхалъ бы въ большой свѣтъ, даже къ такой женщинѣ, какъ княгиня, если бы не предвидѣлъ отъ этого пользы для русской литературы... Это онъ приноситъ жертву литературѣ. И точно, надобно теперь сближать, братецъ, общество съ литературой, объ этомъ должно заботиться прежде всего... это главное.

Алексѣй Аѳанасьичъ разгорячился, говоря это, и размахивалъ руками. Мнѣ было нѣсколько и смѣшно, и тяжело слушать эти нашептанныя ему фразы, значеніе которыхъ онъ едва ли могъ ясно растолковать себѣ.

— Баронъ говоритъ, продолжалъ старикъ все со слезами на глазахъ: — что Иванъ всѣмъ очень понравился, нашли, что онъ, кромѣ таланта, чрезвычайно благовоспитанный молодой человѣкъ, умѣетъ держать себя въ обществѣ... Ну, слава Богу! это меня радуетъ, наши старанія о немъ были по крайней мѣрѣ не даромъ. Да это все, впрочемъ, вздоръ, главное-то талантъ, это ужь отъ Бога! А какой талантъ-то! Что онъ написалъ третьяго дня! Онъ прочтетъ тебѣ... Лучше этого ничего еще онъ не писывалъ, по моему мнѣнію; такъ вотъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, какъ слушаешь... Ходитъ да бродитъ по полямъ да по лѣсамъ, да вотъ и выходитъ этакое стихотвореніе!... Княгиня-то живетъ на дачѣ, онъ былъ у нея тамъ. Какіе, говоритъ, у нея бананы, цвѣты, бронзы! роскошь неслыханная! Знаешь ли, сколько у нея дохода-то? Около милліона! Намъ съ тобой хоть бы десятую долю этого и тѣмъ были бы довольны! Ей Богу такъ.

И старикъ сквозь слезы залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ, ударивъ меня по плечу.

Когда я возвратился въ гостиную, Лидія Ивановна встрѣтила меня вопросомъ:

— А вы слышали, какой успѣхъ имѣлъ нашъ Иванъ Алексѣичъ въ большемъ свѣтѣ?

Иванъ Алексѣичъ какъ бы съ упрекомъ посмотрѣлъ на тетушку и, наклонясь ко мнѣ и взглянувъ на Пруденскаго, сказалъ въ полголоса съ своею вкрадчивою и сладкою улыбкою:

— Всѣ похвалы и восторги этихъ господъ я, право, сейчасъ промѣняю на одно умное и дѣльное замѣчаніе добраго пріятеля, потому что эти великолѣпные господа не понимаютъ и не могутъ понимать и цѣнить искусства, такъ какъ мы простые люди понимаемъ его и цѣнимъ.

— «Dixi!» произнесъ Пруденскій, поправивъ свои золотыя очки.

Скоро послѣ этого Щелкаловъ и Наденька возвратились съ прогулки. Въ Наденькѣ я нашелъ большую перемѣну: мнѣ показалось, что она похорошѣла, и что въ ея лицѣ было гораздо болѣе живости и одушевленія. Щелкаловъ не измѣнился ни на волосъ. Онъ вошелъ въ комнату, напѣвая, бросился на стулъ, положилъ нога на ногу, такъ-что носокъ его сапога кос-

нулся края круглаго стола, за которымъ сидѣла Лидія Ивановна, осмотрѣлся въ свое стеклышко, увидѣлъ меня, промычалъ свое длинное — А-а-а! и протянулъ мнѣ руку черезъ голову, а я думалъ, пожимая его руку: откуда это у тебя, любезный другъ, снова англійскіе-то экипажи и лошади? но впослѣдствіи оказалось, что все это не принадлежало Щелкалову, а было взято имъ у пріятеля, и что Щелкаловъ бросалъ пыль въ глаза, какъ и всегда, на чужой счетъ.

— Ваша Надежда Алексѣвна, началъ Щелкаловъ: — большая трусиха; она боится, если лошадь побѣжитъ рысью; а моя *Бьютти* смирна какъ ягненокъ и выѣзжена такъ, что ею можетъ управлять не только такой взрослый и пожилой человѣкъ, какъ я (баронъ улыбнулся), но восьмилѣтній ребенокъ; къ тому же Надежда Алексѣвна увѣряетъ, что у нея голова кружится, потому что она не привыкла сидѣть на высотѣ.

Щелкаловъ обернулся къ Наденькѣ и посмотрѣлъ на нее насмѣшливо.

— Конечно! возразила, улыбаясь, Наденька: — вы не повѣрите, ma tante, какъ это страшно сидѣть такъ высоко!

Я замѣтилъ во первыхъ, что Наденька кокетничала съ Щелкаловымъ и, во вторыхъ, что дѣйствительно присутствіе его ни мало уже не стѣсняло остальныхъ членовъ семейства. Щелкаловъ за чаемъ даже съ высока подтрунивалъ надъ Палагеей Петровной, какъ надъ извѣстнымъ уже ему лицомъ; а Палагея Петровна безъ малѣйшей застѣнчивости, какъ знакомаго, угощала его кренделями и сухарями, да и Макаръ поглядывалъ уже на него очень фамильярно, почти какъ на всѣхъ насъ.

За чаемъ Щелкаловъ вдругъ шуточнымъ тономъ произнесъ, обращаясь къ намъ:

— Знаете, мнѣ вдругъ пришла въ голову блестящая мысль! Ее надо будетъ осуществить непремѣнно, а осуществленіе ея будетъ зависѣть отъ всѣхъ васъ, милостивые государи и милостивыя государыни!

Всѣ посмотрѣли на него, а Лидія Ивановна прибавила:

— Говорите, говорите, баронъ; вы мастеръ на выдумки. Мы заранѣе согласны подчиниться вашей фантазіи.

Когда Щелкаловъ заговорилъ, мнѣ показалось, что Наденька вспыхнула.

— Да-съ.... ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Надобно, какъ можно, разнообразить *лѣтнія* удовольствія. Противъ этого, я надѣюсь, вы спорить не будете?...

— Нисколько, произнесъ съ сладкой улыбкой Иванъ Алексѣичъ.

— *Тѣмъ болѣе,* замѣтилъ Щелкаловъ: — *что уже теперь осень.*

Пруденскій и Иванъ Алексѣичъ захохотали этой остротѣ.

— Я предлагаю устроить пикникъ, продолжалъ Щелкаловъ: — чтобы съ утра цѣлый день провести im Grünen. Мѣсто для этого пикника назначается превосходное — *Дубовая Роща*, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ: тамъ парки, сады, цѣлые лѣса, озера, отличная поляна и, наконецъ, весь домъ, если хотите, къ вашимъ услугамъ, потому что его хозяинъ мой другъ.

— И мой! перебилъ Веретенниковъ.

— А управляющій знаетъ меня чуть не съ дѣтства, продолжалъ Щелкаловъ. — Мы тамъ охотимся всякую осень; къ тому же это недалеко отсюда.... не болѣе пятнадцати верстъ, кажется. Ну-съ, какъ вы объ этомъ думаете?

Мысль эта въ самомъ дѣлѣ, кажется, улыбнулась всѣмъ, потому что всѣ въ одинъ голосъ воскликнули — прекрасно! исключая молодого человѣка, влюбленнаго въ Наденьку, который при этомъ предложеніи поблѣднѣлъ, такъ-что бойкая барышня начала махать ему въ лицо вѣеромъ, сложеннымъ изъ бумаги, и засмѣявшись, сказала довольно громко:

— Что съ вами? вамъ дурно?

Щелкаловъ, не обращая вниманія на эти эпизоды, продолжалъ:

— Итакъ, вамъ эта мысль нравится, судя по вашему одобрительному восклицанію? Теперь остается дѣло за назначеніемъ дня и за устройствомъ всего. Устройство я беру на себя, и обѣщаю вамъ, господа, что будетъ все устроено недурно.

— Можно ли въ этомъ сомнѣваться! воскликнула Лидія Ивановна.

— Ай-да баронъ! Ей Богу, молодецъ! воскликнулъ добродушно Алексѣй Аѳанасьичъ и потеръ себѣ руки отъ удовольствія, прибавивъ: — а тамъ въ лѣску я еще поохочусь за грибками!

— Назначайте же день, сказалъ Щелкаловъ.

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, возразилъ Пруденскій: — вы теперь, баронъ, какъ гомеровъ Девкалидъ и про васъ можно сказать:

«Такъ говорилъ онъ; и всѣ, устремившися съ духомъ единымъ,
Стали кругомъ Девкалида, щиты къ раменамъ преклонивши...»

Цитата пропала даромъ, потому что Щелкаловъ даже зрачкомъ глазъ не повелъ въ ту сторону, гдѣ былъ Пруденскій.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ: во вторникъ, въ среду, четвергъ, когда хотите.

— Въ четвергъ? сказала Лидія Ивановна, обращаясь ко всѣмъ намъ. — Угодно вамъ?

Мы всѣ, кромѣ влюбленнаго молодого человѣка, изъявили согласіе наклоненіемъ головъ.

— Прекрасно! Теперь обратимся къ существенному — къ деньгамъ. Это не касается до дамъ, господа, это ужь наше дѣло. Охотниковъ изъ вашихъ знакомыхъ вѣрно наберется довольно. Я полагаю, двадцать рублей съ человѣка будетъ достаточно. Какъ ты думаешь, Веретенниковъ?

— Я думаю, довольно.

— За двадцать рублей я васъ такъ накормлю и напою, что, надѣюсь, вы скажете мнѣ спасибо. Я пошлю къ управляющему наканунѣ моего повара, вина, фрукты и прочее. Ну, подавай-ка деньги, Веретенниковъ, — я начинаю съ тебя.

Веретенниковъ досталъ двадцать рублей и подалъ ихъ Щелкалову. Щелкаловъ разложилъ ихъ на столѣ, пригладилъ рукою и посмотрѣлъ на насъ.

— Вы согласны? Вы изъ *нашихъ?* спросилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

— Да, отвѣчалъ я, подавая ему деньги.

Пруденскій, услыхавъ о цѣнѣ, наморщился въ первую минуту, однако отошелъ въ сторону, вынулъ деньги, отсчиталъ двадцать рублей, помуслилъ палецъ и потеревъ имъ одну депозитку, которая ему показалась потолще другихъ, полагая, не склеилисъ ли какъ нибудь двѣ, и потомъ, снова пересчитавъ, подалъ деньги Щелкалову.

— Камни для фундамента уже есть, замѣтилъ Щелкаловъ, продолжая складывать депозитки одна на другую и потомъ разглаживая ихъ рукою.

— А ты-то, братецъ? что же? сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ влюбленному молодому человѣку: — если у тебя нѣтъ съ собой денегъ, хочешь, я за тебя отдамъ?

— Нѣтъ, я не поѣду, я не расположенъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ сухо, замѣтивъ радость на лицѣ Наденьки, что все такъ скоро устроилось.

— Вздоръ, теперь поздно, вѣдь ты не протестовалъ противъ этого, когда говорили.

— Ѳедоръ Васильичъ? отчего же? сладко произнесъ Иванъ Алексѣичъ, гладя по плечу молодого человѣка: — зачѣмъ же отставать отъ друзей?

Бойкая барышня взглянула на молодого человѣка такъ нѣжно, какъ бы умоляла его согласиться. Онъ нѣсколько минутъ колебался и, наконецъ, согласился.

— На сколько же можно разсчитывать? спросилъ Щелкаловъ: — это мнѣ нужно знать заранѣе. Насъ здѣсь семь человѣкъ.

— Еще за пять, я вамъ смѣло отвѣчаю, сказала Лидія Ивановна. — Мы, знаете, кого можемъ пригласить между прочимъ? (Лидія Ивановна обратилась къ Алексѣю Аѳанасьичу). Астрабатова? Не правда ли?

— Почему же нѣтъ? Онъ еще возьметъ съ собой гитару, и безподобно!

— Семь и пять — двѣнадцать, продолжалъ Щелкаловъ: — ну чтожь, и довольно; а коли найдете еще кого нибудь, тѣмъ лучше. Итакъ, дѣло въ шляпѣ. Щелкаловъ сунулъ деньги въ карманъ и прибавилъ, оборотившись къ намъ: — разумѣется, господа, каждый въ своемъ экипажѣ... собираются здѣсь.... въ четвергъ ровно въ одиннадцать часовъ.... такъ ли? не рано ли?

Щелкаловъ посмотрѣлъ на Лидію Ивановну.

— О нѣтъ, баронъ! даже можно еще раньше, отвѣчала она.

— Только во всякомъ случаѣ не позже одиннадцати, прибавилъ онъ.

Мы всѣ согласились на это ...

— Посмотрите, какая прелесть — луна-то, луна-то! вскрикнулъ сзади меня Алексѣй Аѳанасьичъ, указывая на луну, которая глядѣла въ окно сквозь вѣтви сосны: — пойдемте, господа, на крылечко.

И онъ всѣхъ насъ вытащилъ на крыльцо, за исключеніемъ Щелкалова и Веретенникова, которые остались съ дамами.

— А знаете ли что, Иванъ Алексѣичъ, сказалъ Пруденскій въ то время, какъ Алексѣй Аѳанасьичъ восхищался луной: — мысль пикника безъ сомнѣнія прекрасна, это не подлежитъ спору; но цѣна дороговата, какъ хотите! Эти господа привыкли швырять деньгами, такъ имъ двадцать рублей ни почемъ, а нашему брату, воля ваша, это чувствительно.

— Правда, правда, подтвердилъ Иванъ Алексѣичъ, почесывая въ затылкѣ и поморщиваясь, но потомъ, сладко улыбнувшись, прибавилъ: — ну ужь куда, впрочемъ, не шло! вы не будете послѣ жалѣть объ этихъ деньгахъ. Вы посмотрите, какъ это все будетъ устроено; повѣрьте, баронъ на это мастеръ.

— Предполагать должно, но вѣдь и то сказать двадцать рублей съ брата! вѣдь на эти деньги развѣ только-что какой нибудь амброзіи или птичьяго молока не достанешь!

— Вы увидите, что этотъ пикникъ не удастся, сказалъ мнѣ молодой человѣкъ, влюбленный въ Наденьку: — всѣ будутъ жеманированы, согласія не будетъ ни малѣйшаго; эти господа, по обыкновенію, станутъ ломаться; повѣрьте, эти вещи хороши только между своими, между очень близкими.

Молодой человѣкъ былъ не въ духѣ. Мы вмѣстѣ съ нимъ раньше всѣхъ отправились домой, тихонько отъ хозяевъ дома.

— Ну, что, сказалъ онъ въ волненіи, когда мы сѣли въ дрожки: — вы теперь собственными глазами убѣдились въ справедливости моихъ словъ?

— Да, почти, отвѣчалъ я.

— И какъ вамъ это нравится! отпускаютъ дѣвочку одну съ этимъ господиномъ? Ну, скажите, прилично ли это?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ я.

— А когда гуляютъ, такъ онъ всегда уйдетъ съ ней впередъ или отстанетъ отъ всѣхъ, и никто какъ будто не замѣчаетъ этого. Ольга Ивановна — вотъ эта барышня, что у нихъ гоститъ — говорила мнѣ, что Надежда Алексѣевна только и бредитъ этимъ барономъ....

Молодой человѣкъ, незамѣтно увлекаясь, признался мнѣ дорогою, что Надежда Алексѣевна ему точно очень нравилась, что и она, по видимому, была расположена къ нему и что онъ даже имѣлъ намѣреніе просить ея руки.

— Теперь я вижу, прибавилъ онъ въ заключеніе своихъ признаній: — что я сдѣлалъ бы ужаснѣйшую глупость. Она пустая, вѣтреная дѣвушка, которую увлекаетъ только одинъ внѣшній блескъ, которая помѣшана на свѣтскости. Этотъ баронъ подвернулся на мое спасеніе, чтобы открыть мнѣ глаза.

Молодой человѣкъ въ эту минуту былъ еще все влюбленъ въ Наденьку, потому что онъ говорилъ о ней съ раздраженіемъ и горячностью. Я было вступился за нее, но онъ не хотѣлъ ничего слышать.

— Да что, скажите, перебилъ онъ меня: — что *онъ* богатъ, что ли? Вѣдь между этими господами трудно отличить богатаго отъ тароватаго.

— Это правда, отвѣчалъ я: — но у Щелкалова едва ли есть что-нибудь.

— То-то и мнѣ кажется. Вы знаете, что съ мѣсяцъ назадъ тому онъ занялъ у Алексѣя Аѳанасьича двѣ тысячи?

— Кто же вамъ это сказалъ?

— Мнѣ сказала Палагея Петровна, это навѣрно. Алексѣй Аѳанасьичъ воображаетъ, что у него груды золота. И точно, если судить по его манерамъ да по разсказамъ, такъ съ-дуру примешь его пожалуй за милліонера. Но я боюсь, что бѣдный Алексѣй Аѳанасьичъ не только капитала, да и процентовъ-то не увидитъ!...

— Не мудрено, возразилъ я.

На другой день я обѣдалъ въ ресторанѣ. Въ одной со мною комнатѣ сидѣли два господина — военный и штатскій. Они разговаривали такъ откровенно и громко, какъ будто были одни въ комнатѣ. Рѣчь сначала шла о какомъ-то Колѣ и о Дарьѣ Александровнѣ. Военный находилъ, что Дарья Александровна одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Петербургѣ. Штатскій перебилъ его.

— Нѣтъ, любезный другъ, сказалъ онъ: — я недавно видѣлъ дѣвочку, такъ вотъ дѣвочка! Удивительная, прелесть что такое!

передъ ней твоя Дарья Александровна просто дрянь... Ты знаешь Щелкалова?

— Еще бы! отвѣчалъ военный: — ну такъ чтожь?

— Я его раза два встрѣтилъ по парголовской дорогѣ съ этою госпожею. Прежде я рѣшительно никогда и нигдѣ не видалъ ее. Третьяго дня онъ попадается мнѣ на Невскомъ, я и вцѣпился въ него: «Кто это, братецъ, такая хорошенькая, съ которой я тебя встрѣтилъ?» — «Гдѣ? когда?» Онъ, знаешь, прикинулся, какъ будто не догадался. «На парголовской дорогѣ», я говорю. Тутъ онъ промычалъ «а-а!» остановился на минуту и говоритъ: «Это одна моя знакомая». Я къ нему присталъ, ну и онъ, разумѣется, мнѣ во всемъ признался; но кто она такая и гдѣ онъ скрываетъ ее, это неизвѣстно; ужь какъ я къ нему не приставалъ, онъ ни за что не говоритъ, а чудо что за дѣвочка!

— Каковъ Щелкаловъ-то! воскликнулъ военный.

— Да не глупъ! прибавилъ штатскій.

Дальнѣйшаго разговора я не слышалъ и не желалъ слышать. Въ эту минуту я кончилъ свой обѣдъ и вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА V,

ИЗЪ КОТОРОЙ ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ УСМОТРИТЪ МНОГОЕ, ВО ПЕРВЫХЪ: ЧТО ХЛЫЩИ БЫВАЮТЪ РАЗНЫХЪ РОДОВЪ; ВО ВТОРЫХЪ: ЧТО ВЕЛИКОСВѢТСКІЕ ХЛЫЩИ ВЪ СВОЮ ОЧЕРЕДЬ РОБѢЮТЪ И ИНОГДА ДѢЛАЮТСЯ НЕЛОВКИМИ, И ВЪ ТРЕТЬИХЪ: ЧТО ОНИ РАЗОБЛАЧАЮТСЯ И ОБНАРУЖИВАЮТЪ СЕБЯ ВДРУГЪ, СОВЕРШЕННО НЕОЖИДАННО ДАЖЕ ДЛЯ САМИХЪ СЕБЯ, ПРИ ЧЕМЪ ТАКЖЕ ВПОЛНѢ ОБЪЯСНИТСЯ ЧИТАТЕЛЮ ЗНАЧЕНІЕ НЕ ВСѢМИ УПОТРЕБЛЯЕМАГО, НО ПРІЯТНАГО ДЛЯ СЛУХА СЛОВА ХЛЫЩЪ.

Въ четвергъ ровно въ одинадцать часовъ я уже былъ у Грибановыхъ, и нашелъ тамъ довольно многочисленную компанію. Весь дворъ былъ заставленъ экипажами. Почти всѣ были въ сборѣ за исключеніемъ Щелкалова и Веретенникова. День былъ прекрасный, даже довольно жаркій для осени. На небѣ ни одного облака... Я засталъ мужчинъ и дамъ въ разныхъ комнатахъ: мужчинъ въ залѣ, а дамъ въ гостиной въ ожиданіи минуты отъѣзда.

Въ залѣ ораторствовалъ господинъ небольшаго роста, коренастый и уже непервой молодости, завитой, весь въ перстняхъ и въ цѣпяхъ. Это былъ Астрабатовъ. Я вошелъ тихо и остановился, никѣмъ не замѣченный, потому что все вниманіе въ эту минуту было обращено на Астрабатова.

— Главное — въ душѣ, говорилъ онъ: — остальное все вздоръ и вниманія не стоитъ. Когда вотъ эдакъ, какъ мы, соберемся по душѣ, когда все люди подходящіе, такъ натурально и весело, и ѣсть будешь лучше и пить больше... Вѣдь вотъ хоть бы этотъ старикъ-то...

Астрабатовъ съ хитрою улыбкою направилъ свой указательный палецъ, плоскій, широкій и четвероугольной формы, украшенный перстнемъ съ бриллiантовымъ солитеромъ, на Алексѣя Аѳанасьича.

— Это рѣдчайшій души старикъ, первый сортъ, это человѣкъ со вздохомъ, у него все на чистоту, все на ладони, безъ задоринки; а вѣдь иной эдакъ и вылощенъ съ виду-то комъ-иль-фо, а попробуй погладить, такъ и занозишься — вотъ что́!..

Астрабатовъ повелъ головою кругомъ и вдругъ остановился на мнѣ.

— Вотъ этотъ (онъ пальцемъ указалъ на меня) этотъ тоже подходящій къ намъ.

Я зналъ Астрабатова давно, хотя совсѣмъ не коротко и встрѣчался съ нимъ рѣдко. Онъ говорилъ мнѣ какъ и всѣмъ *ты*, потому что принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые, черезъ полчаса послѣ знакомства съ человѣкомъ, говорятъ уже ему непремѣнно *ты*...

— Здравствуй, душенька, продолжалъ онъ, приближаясь ко мнѣ съ намѣреніемъ заключить меня въ объятія: — то есть разутѣшилъ, что пріѣхалъ, ей Богу! Ну чмокнемся, братецъ.... Сто лѣтъ не видалъ тебя.

И онъ обнялъ меня.

— Чортъ его знаетъ, продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ и ударяя меня по плечу: — самъ не знаю, за что люблю его... Вотъ здѣсь-то у него, правда, горячо, такъ и пышетъ!

И онъ приложилъ свою широкую ладонь къ моему лѣвому боку.

Освободясь отъ Астрабатова, я поздоровался съ хозяевами дома и съ остальными гостями.

— Ну теперь только дѣло за барономъ, замѣтилъ Алексѣй Аѳанасьичъ: — мы всѣ, кажется, въ сборѣ; вѣдь ужь четверть двѣнадцатаго... никакъ не можетъ не опоздать!... А пора бы ужь и въ путь.

Щелкаловъ съ Веретенниковымъ пріѣхали около двѣнадцати.

— Баронъ, сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ, встрѣчая его. — Не стыдно ли, а еще самъ все толковалъ, чтобы собраться ровно къ одинадцати.

— Что такое? развѣ я опоздалъ? развѣ теперь больше одинадцати? возразилъ онъ разсѣянно, важно кивнувъ намъ всѣмъ головою и проходя въ гостиную, гдѣ были дамы.

Астрабатовъ подошелъ ко мнѣ и, указавъ головою на Щелкалова, сказалъ вслѣдъ ему:

— Не узнаетъ! Вишь какъ голову-то загнулъ. Да насъ, братъ, этимъ не удивишь! Мы видали и почище тебя! На плечахъ-то шелкъ, а въ карманѣ щолкъ!... Ахъ, душа моя! продолжалъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо: — чортъ ли въ человѣкѣ, когда у него теплоты нѣтъ. Терпѣть не могу эдакихъ...

Веретенниковъ, пожавъ мнѣ руку и какъ бы не замѣтивъ Астрабатова, стоявшаго возлѣ меня, хотѣлъ отправиться вслѣдъ за Щелкаловымъ въ гостиную. Но Астрабатовъ схватилъ его за фалду сюртука.

— Кудà! сказалъ онъ ему: — нѣтъ, братъ, постой. Что у тебя темная вода въ глазахъ, что ли, что ты не видишь старыхъ знакомыхъ?

Веретенниковъ съ едва замѣтной, но иронической улыбкой измѣрилъ Астрабатова.

— А-а! здравствуй, произнесъ онъ довольно сухо: — ты какъ попалъ сюда?

— Я, братъ, вездѣ, гдѣ хорошіе люди съ теплотой!... Охъ, ужь вы мнѣ бонтоны! Туда же шпильки подпускаютъ, да нѣтъ, вѣдь меня не оцарапаешь, нетаковской! Я этихъ загвоздокъ терпѣть не могу, душа моя; по моему, коли дѣйствуй, такъ дѣйствуй на чистоту.

— Оригиналъ! воскликнулъ Веретенниковъ, обратясь ко мнѣ, поправивъ свои воротнички и принужденно засмѣявшись: — не правда ли?... и съ этимъ словомъ ускользнулъ въ гостиную.

Астрабатовъ проводилъ его глазами, покачалъ головой и произнесъ:

— Положимъ, что оригиналъ, да не накрахмаленная обезьяна, какъ ты!

Онъ скорчилъ гримасу и вздохнулъ, потомъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Пойдемъ, душа моя, туда за ними, посмотримъ на этихъ бонтоновъ-то, какъ они тамъ ломаются передъ барынями и отпускаютъ имъ закорючки на розовомъ маслѣ. Вѣдь чтожь? мы, братецъ, люди несвѣтскіе; надо поучиться у нихъ толочь лоделаванъ въ ступѣ. Мы напрямикъ; коли заговорило здѣсь (Астрабатовъ указалъ на сердце), такъ, не думая долго, бухъ на колѣни... и безъ всякой эдакой реторики: « У меня-де сердце на ладони, сударыня; я человѣкъ со вздохомъ», и мы по опыту знаемъ, душа моя, что это дѣйствуетъ на барынь вѣрнѣе. Какъ ты думаешь?

Онъ прищолкнулъ языкомъ, зажмурилъ правой глазъ, схватилъ меня за руку и потащилъ въ гостиную.

Тамъ Щелкаловъ, лежа въ волтеровскомъ креслѣ, съ розаномъ въ бутоньеркѣ и съ пахитоской въ зубахъ, разсказывалъ что-то дамамъ, которыя окружили его кресло.

Мы застали его на слѣдующихъ словахъ:

— Это была минута ужасная, говорилъ онъ: — лошадь закусила удила и мчала графиню прямо къ рѣкѣ; берегъ этой рѣчки крутой и почти отвѣсной; она была уже не болѣе, какъ шагахъ въ пятидесяти отъ берега, но въ это мгновеніе я пускаю свою лошадь за нею во весь карьеръ, не сознавая ничего, нисколько не думая объ опасности... Передняя нога ея лошади уже висѣла надъ бездной въ ту минуту, какъ я поравнялся съ нею. Я схватилъ графиню одною рукою за талію, перебросилъ ее къ себѣ на сѣдло и въ то же мгновеніе другой рукою съ такой силой осадилъ свою лошадь, что она совсѣмъ грянулась на заднія ноги. Я соскочилъ съ нея и положилъ графиню на землю. Она была, разумѣется, безъ памяти... Ну въ это время къ намъ подоспѣли остальные: мою лошадь схватили, а лошадь графини рухнулась въ рѣку и тутъ же пала, разбившись грудью о камни....

Щелкаловъ, произнеся послѣднее слово, вставилъ въ глазъ свое стеклышко и обозрѣлъ своихъ слушательницъ. Лидія Ивановна; барыня, поводящая глазами и передергивающая плечами,

по имени Аменаида Александровна; бойкая барышня съ двойнымъ золотымъ лорнетомъ; Наденька и другія барыни и барышни — всѣ въ одинъ голосъ невольно ахнули съ послѣднимъ словомъ Щелкалова: такъ поразилъ ихъ его геройскій подвигъ; а Астрабатовъ, наклонясь къ моему уху, шепнулъ:

— Да это онъ, братецъ ты мой, кажется лупитъ чистаганомъ изъ *не люба не слушай*...

— Ахъ ты Малекъ-Адель эдакой! воскликнулъ онъ громко, глядя на Щелкалова, и потомъ продолжалъ, обратясь къ дамамъ: — то есть ухъ! какой тонкости, я вамъ доложу, человѣкъ, по амурному отдѣленію, — бѣда! Слава Богу, десять лѣтъ его знаю, не десять дней...

— Послушай, баронъ (онъ снова поглядѣлъ на Щелкалова), а помнишь ли третьягоднишнюю Лебедянскую сказку? Забылъ, что ли?

Въ голосѣ Астрабатова послышалось внутреннее раздраженіе.

— Тогда безъ Астрабатова не обходился никто... обѣдъ ли, ужинъ ли, или что-нибудь эдакое, подавай сюда Астрабатова! Астрабатова обнимали, качали; Астрабатовъ, моншеръ, душу свою отдавалъ вамъ безъ залога и безъ процентовъ... Астрабатовъ, сдѣлай-то; Астрабатовъ, дай это (онъ указалъ на карманъ); Астрабатовъ, съѣзди туда; Астрабатовъ, спой. Астрабатовъ все дѣлалъ для васъ — и ѣздилъ, и хлопоталъ, и пѣлъ... Какъ заговоритъ бывало тутъ въ лѣвомъ боку, сейчасъ гитару въ руки, щипнулъ два-три аккорда со слезой, да какъ потомъ хватишь эдакъ задушевно, изнутри; такъ, я думаю, ты самъ помнишь,— люди, у которыхъ были нервы изъ везиги — и тѣ, душа моя, рыдали, потому-что хоть методы нѣтъ, да душа есть, а въ душѣ — главное... Астрабатовъ — это всѣмъ извѣстно — въ пять дней пять тысячъ рублей серебромъ просадилъ. Да! вотъ каковъ Астрабатовъ-то!

Онъ вынулъ изъ кармана огромный сафьяный бумажникъ и хлопнулъ по немъ рукою.

— Пять тысячъ, моншеръ, вотъ изъ этого бумажника вынулъ, какъ одну копѣйку, въ пять дней! потомъ, вздохнувъ, прибавилъ: — Въ немъ таки перебывало порядочно деньжонокъ! И нынче, благодаря Бога, водятся... А въ Петербургѣ Астрабатова на улицѣ или въ гостяхъ встрѣчаютъ, не узнаютъ.

Здѣсь Астрабатовъ не нуженъ, потому что здѣсь фаэтоны да бонтоны, здѣсь вытанцовываютъ па-де-дё на столичныхъ деликатностяхъ въ вершокъ ширины; а задушевности, моншеръ, вотъ отсюда-то идущаго, изъ глубины, теплоты-то этой, этого не нужно! Все Фребеліусы да Гамбсы, а о чувствѣ не спрашивай... А въ сущности все это помпадурство, по моему, самое пустое дѣло.

Астрабатовъ пріостановился на минуту, посмотрѣлъ, нѣсколько прищурясь, на дамъ, удивленныхъ его импровизаціею, вынулъ изъ кармана пестрый раздушенный фуляръ, высморкнулся и сказалъ, улыбаясь:

— Pardon, mesdames, я человѣкъ со вздохомъ, люблю попросту, безъ всякихъ эдакихъ закорючекъ, сердечно высказать все, когда закипитъ внутри; а тамъ, знаешь, каждый получай по адресу...

Щелкаловъ въ первую минуту, когда Астрабатовъ заговорилъ, обернулся на этотъ голосъ, взглянулъ на него и потомъ въ продолженіи всей его рѣчи измѣрялъ его съ ногъ до головы въ свое стеклышко съ презрительной улыбкой. Когда же Астрабатовъ кончилъ, баронъ захохоталъ, всталъ съ кресла, протянулъ ему руку, какъ бы удостоивая его особенной чести, и сказалъ, не глядя впрочемъ на него:

— Здравствуй... Ну, что все такой же, какъ всегда?... особенный, свой языкъ, какъ ни укого? оригинально... очень! и потомъ, обратясь къ Лидіи Ивановнѣ, прибавилъ: — большой чудакъ! Не правда ли? А я и не зналъ, что вы съ нимъ знакомы...

Астрабатовъ значительно посмотрѣлъ на него.

— Полно, душенька! эръ-фиксы-то выпускать, произнесъ онъ: — съ старыми-то пріятелями эдакъ не встрѣчаются. Вотъ лучше-ка по душѣ, запросто, безъ закорючекъ, обнимемся и поцалуемся.

Онъ безцеремонно обнялъ Щелкалова и протянулъ къ нему свои губы. Щелкаловъ поморщился, несовсѣмъ охотно позволилъ поцаловать себя и потомъ, отойдя отъ него, сказалъ мнѣ:

— Вотъ, батюшка, типъ-то! Не правда ли? Каковъ молодчикъ?... Но какъ же можно пускать этакого господина въ домъ?...

Вскорѣ послѣ этого экипажи были поданы, и всѣ начали собираться въ путь. Передъ самымъ отъѣздомъ Астрабатовъ схватилъ за руку Ивана Алексѣича, который бѣжалъ къ коляскѣ съ какимъ-то узломъ.

— Постой, душа моя, сказалъ онъ ему: — ты вѣдь меня знаешь, и мы, кажется, понимаемъ другъ друга. Ты поэтъ; а я, братецъ, хоть и не пишу стиховъ, но здѣсь у меня въ груди кипитъ паэзія: и слеза, и вздохъ, и пѣсня — все тутъ! Такъ ли? скажи...

— Еще бы! возразилъ Иванъ Алексѣичъ, крѣпко пожавъ руку Астрабатова съ свойственнымъ ему сладкимъ выраженіемъ: — я знаю, что ты поэтъ въ душѣ; но пора, братецъ, ѣхать; мы и безъ того ужь опоздали... Надо вотъ еще уложить этотъ узелъ...

— Нѣтъ, погоди, братъ, погоди! перебилъ его Астрабатовъ: — тебѣ извѣстно, что я дѣйствую на чистоту, на прямки, *этикеты* только уважаю на бутылкахъ, а церемоній терпѣть не могу; такъ вели-ка ты, душенька, на дорогу-то подать мнѣ бальзамчику, да кусочикъ чернаго хлѣба съ солью. Какъ на бальзамируешь эдакъ слегка желудокъ передъ обѣдомъ, такъ и аппетитъ лучше, и на душѣ покойнѣе да и отъ сырости предохранишь себя. Нельзя безъ этого. Вѣдь въ воздухѣ нынче эпидеміи такъ и хлещутъ!

Астрабатовъ выпилъ двѣ большія рюмки водки, крякнулъ, закусилъ чернымъ хлѣбомъ и произнесъ:

— Ну вотъ теперь хоть на край свѣта!

Въ это время происходила страшная суматоха. Дамы въ шляпкахъ и бурнусахъ толпились на крыльцѣ и на дорожкѣ палисадника, которая вела къ калиткѣ; мужчины — одни кричали своихъ кучеровъ, другіе отыскивали свои пальто и шляпы; Макаръ, въ ливреѣ травянаго цвѣта съ галунами, о чемъ-то очень хлопоталъ и суетился съ необыкновенно серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ; горничныя совались безъ толку изъ угла въ уголъ....

Коляска Щелкалова, запряженная четвернёю въ рядъ, которою управлялъ кучеръ страшной толщины съ огромною крашеною бородою, подъѣхала первая къ калиткѣ. Щелкаловъ предложилъ садиться Лидіи Ивановнѣ и Наденькѣ и сѣлъ напротивъ нихъ самъ съ Веретенниковымъ. Его ливрейный лакей въ красныхъ плюшевыхъ штанахъ ловко захлопнулъ

дверцы коляски, оттолкнулъ Макара, который подсунулся было ему подъ руку, вскочилъ на козлы, гордо сѣлъ, подбоченясь лѣвой рукой, и закричалъ: «Пошелъ!» Когда коляска двинулась, бойкая барышня съ лорнетомъ шепнула что-то влюбленному въ Наденьку молодому человѣку, который измѣнился въ лицѣ и хоть улыбнулся, но очень печально. Затѣмъ всѣ начали разсаживаться въ свои экипажи.

Мнѣ пришлось ѣхать съ бойкой барышней и съ влюбленнымъ молодымъ человѣкомъ. Дорогою я замѣтилъ, что между ними происходило что-то особенное. Она какъ-то необыкновенно выводила глазами, глядя на него, и кокетничала немилосердо, играя своимъ двойнымъ лорнетомъ.

Когда мы проѣхали уже верстъ пять, сзади насъ послышался звонъ бубенчиковъ и страшный крикъ: «Правѣе! правѣе! Эй вы, соколики, голубчики! вытягивай дружно... Правѣе!» И вслѣдъ за тѣмъ пронесся мимо насъ, чуть не задѣвъ колесомъ о наше колесо, небольшой охотничій тарантасъ, запряженный тройкой съ бубенчиками, и съ разными балаболками на сбруѣ. Этой тройкой правилъ стоя молодой ямщикъ въ плисовой поддёвкѣ, въ плоской шляпѣ почти безъ полей, набекрень, украшенной вѣнкомъ разноцвѣтныхъ георгинъ. Въ этомъ тарантасѣ сидѣли Аменаида Александровна съ Астрабатовымъ.

Астрабатовъ, поравнявшись съ нами, вскочилъ на ноги, снялъ свою бархатную фуражку и, помахивая ею въ воздухѣ, закричалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Что, душа моя, какова троечка-то? У меня, братецъ, русская душа. Вотъ она наша паэзія-то!

Мы пріѣхали въ «Дубовую Рощу» въ началѣ третьяго часа. Первое лицо, попавшееся намъ, былъ Астрабатовъ, который у подъѣзда флигеля, гдѣ были приготовлены для насъ комнаты, расхаживалъ съ кнутомъ въ рукѣ, всѣхъ встрѣчая и хвастая своей троечкой и своей русской душой.

Щелкаловъ по знакомству съ хозяиномъ и управляющимъ «Дубовою Рощею» устроилъ все съ величайшимъ эффектомъ и комфортомъ. Намъ отданъ былъ въ распоряженіе цѣлый флигель, съ пятью комнатами. Въ первой большой комнатѣ, украшенной дубовыми гирляндами, былъ накрытъ длинный столъ, уставленный хрусталемъ, фруктами и цвѣтами; направо двѣ небольшія комнаты, также всѣ въ цвѣтахъ, назначались для дам-

скихъ уборныхъ; комната налѣво для мужчинъ; а въ стеклянной галлереѣ за этой комнатой помѣщался буфетъ.

Лидія Ивановна, Наденька, а за ними всѣ остальныя дамы поочередно приходили въ восторгъ отъ вкуса барона и осыпали его благодарностями и похвалами. Щелкаловъ принималъ эти изъявленія довольно равнодушно, гордо прохаживался съ своимъ стеклышкомъ, кричалъ на людей и дружески трепалъ по плечу толстаго управляющаго съ печатками на животѣ, который явился къ нему узнать, доволенъ ли онъ его распоряженіями. Я замѣтилъ въ то же время, что этотъ управляющій посматривалъ на всѣхъ насъ остальныхъ, на дамъ и на мужчинъ, съ какой-то подозрительной гримасой недоумѣнія, которую можно было растолковать такъ: «Да откуда же это такихъ господъ и госпожъ навезъ съ собою баронъ? Я такихъ съ роду не видывалъ.»

Иванъ Алексѣичъ подходилъ ко всѣмъ съ своей сладкой улыбкой и съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: «Каковъ баронъ-то? Я вѣдь говорилъ, что онъ все съумѣетъ устроить, какъ никто. Оно хотя дороговато, да вѣдь зато, посмотрите, какъ все хорошо.»

И затѣмъ одному онъ указывалъ, облизывая губы, на огромную грушу, другому на вазу со сливами, третьяго приводилъ въ буфетъ, гдѣ былъ выставленъ строй бутылокъ, и такъ далѣе.

У Пруденскаго разгорались на все глаза, и, казалось, онъ совершенно начиналъ забывать потраченныя имъ двадцать рублей: поправляя очки, онъ разглядывалъ съ глубокомысленнымъ вниманіемъ и ананасъ, и персикъ; читалъ на бутылкахъ ерлыки; бралъ бутылку въ руку, разсматривая ее со всѣхъ сторонъ, и улыбался про себя.

Поваренки, бѣгавшіе по двору, также немало занимали его.

— Вишь, замѣтилъ онъ съ удовольствіемъ: — плуты, бѣгаютъ, и сколько ихъ! Видно работы-то много! Полагать должно по всему, что намъ предстоитъ недурной обѣдецъ, а возліятельная часть въ наилучшемъ устройствѣ. Лафитъ и сотернъ подъ золотыми и серебряными печатями! и потомъ продолжалъ, пародируя Гомера: — Мы будемъ за пиршествомъ —

Мирно бесѣду вести; посреди насъ цвѣтущая Геба —
(Онъ указалъ на проходившую въ эту минуту Наденьку.)
Нектаръ кругомъ разольетъ... и кубки пріемля златые,
Чествовать будемъ другъ друга, на лугъ сей зеленый взирая...

(При этомъ онъ указалъ пальцемъ въ окно и осклабился самою довольною улыбкою)

Астрабатовъ ударилъ его своей широкой ладонью по спинѣ и сказалъ:

— Полно ораторствовать-то! вѣдь ты здѣсь не въ школѣ, а вотъ выпьемъ-ка лучше бальзамчику. Слышешь? Я уже хватилъ дважды передъ отъѣздомъ, разъ послѣ пріѣзда, да чувствую потребность еще: что-то щемитъ подъ ложечкой. Хватимъ-ка, дружище, по рюмочкѣ.

Пруденскій очень поморщился при словѣ школа, но потомъ однако улыбнулся и отвѣчалъ съ юмористическимъ выраженіемъ по малороссійски:

— Добрè...

Когда дамы поправили свои туалеты послѣ дороги, всѣ отправились гулять въ паркъ. Баронъ подъ руку съ Наденькой; молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, съ бойкой барышней; Астрабатовъ съ Аменаидой Александровной; остальные въ разсыпную, въ томъ числѣ и я. Когда въ глубинѣ парка мы очутились съ обѣихъ сторонъ среди густаго березняка и когда Алексѣй Аѳанасьичъ увидалъ грибъ, у него такъ и загорѣлись глаза. Онъ бросился къ нему, дрожащей рукой оторвалъ его отъ корня, съ восторгомъ вскрикнулъ: «О! да здѣсь, я вижу, должно быть пропасть грибовъ! Господа, кто хочетъ со мной на охоту?» И перепрыгивая съ кочки на кочку, какъ молодой человѣкъ, онъ въ минуту скрылся отъ насъ въ чащѣ лѣса. За нимъ послѣдовали Пруденскій, Иванъ Алексѣичъ и еще два мнѣ неизвѣстные господина, а мы отправились далѣе по дорогѣ парка.

Дорога все шла подъ гору, и когда мы спустились съ горы, направо передъ нами открылось озеро, замыкавшееся съ одной стороны крутымъ и лѣсистымъ берегомъ, а съ другой болотистымъ пространствомъ, поросшимъ частымъ, высоко вытянувшимся, но тощимъ березнякомъ и осиною. Почти посрединѣ озера возвышался небольшой островъ, густо заросшій мелкимъ

лѣсомъ и кустарникомъ, въ зелени котораго виднѣлась беседка или изба, сложенная изъ березы. У самого спуска къ озеру, куда мы подошли, къ перилам небольшой пристани привязана была лодочка, и здѣсь по распоряженію предупредительнаго управляющаго ожидалъ насъ мужикъ съ багромъ и веслами въ случаѣ, если бы кому нибудь изъ насъ захотѣлось покататься на озерѣ.

Мы остановились здѣсь, потому что дамы заахали отъ восхищенія, когда передъ ними сюрпризомъ открылось озеро.

— Ахъ! и лодочка! воскликнула Наденька.

— А вы не боитесь кататься на лодкѣ? спросилъ ее Щелкаловъ.

— Отчего же? если такъ тихо, какъ теперь...

— Ну, такъ поѣдемте.

— А кто же будетъ грести?...

— Грести буду я.

— Да развѣ вы умѣете?

— А вотъ вы увидите. Хотите, что ли?

Наденька въ нерѣшительности посмотрѣла на Лидію Ивановну.

— Поѣзжай, мой другъ, отчего же? возразила Лидія Ивановна: — вѣрно кто нибудь еще изъ дамъ пожелаетъ покататься.

И она обратилась къ дамамъ съ пріятной улыбкой.

— Ахъ, нѣтъ, какъ можно! страшно на такой маленькой лодочкѣ! воскликнуло въ одинъ голосъ нѣсколько дамъ.

Щелкаловъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на Лидію Ивановну, ни на этихъ дамъ, велѣлъ отцѣпить лодку, вскочилъ въ нее, взялъ отъ мужика багоръ и весла и протянулъ руку Наденькѣ.

— Ну прыгайте, сказалъ онъ: — докажите, что вы не трусиха и имѣете довѣренность къ гребцу.

Наденька колебалась съ минуту и наконецъ прыгнула въ лодку.

— Больше никого взять нельзя, сказалъ Щелкаловъ рѣшительно: — опасно, потому что лодка очень мала. Мы проѣдемся немного, я выпущу Надежду Алексѣевну, и потомъ если кто нибудь захочетъ....

Щелкаловъ пробормоталъ последнія слова, упираясь багромъ о пристань и отталкивая лодку отъ берега, и не докончивъ фразу, бросилъ багоръ въ лодку, снялъ съ себя шляпу, сѣлъ, тряхнулъ головой, взмахнулъ веслами, которыя блеснули на солнцѣ, — и легкая лодочка, разсѣкая синеватую и гладкую какъ стекло поверхность воды, понеслась быстро по направленію къ острову. Все это совершилось въ одно мгновеніе, такъ что никто изъ насъ не успѣлъ опомниться.

Для молодого человѣка, влюбленнаго въ Наденьку, это была, кажется, рѣшительная минута, потому что онъ съ этихъ поръ почти пересталъ говорить съ нею и началъ, вѣроятно въ отмщеніе ей, уже совершенно явно, ухаживать за бойкою барышнею съ лорнетомъ.

Мы всѣ остались на берегу за исключеніемъ Аменаиды Александровны и Астрабатова, которые или отстали отъ насъ, или ушли впередъ.

Бѣлыя облака, густыми грядами тѣснясь другъ къ другу, тянулись по небу; солнце вскорѣ скрылось за ними; синета постепенно пропадала съ поверхности озера, и оно принимало свинцовый оттѣннокъ. Сѣроватое небо, сѣроватая вода и мелкій болотистый обрѣдѣвшій лѣсъ, со всѣхъ сторонъ окружавшій насъ, все это было нѣсколько печально. Говоръ вдругъ смолкъ, порывистый вѣтеръ повременамъ сильно качалъ вершинами деревъ, съ которыхъ слетали пожелтѣвшія листья, и пробѣгалъ рябью по поверхности озера.

Мы молча слѣдили за движеніемъ лодочки, и мнѣ, я самъ не зналъ отчего, вдругъ стало жаль Наденьку.

Лодка причалила къ острову. Мы видѣли, какъ Щелкаловъ выпрыгнулъ изъ нея и протягивалъ руку Наденькѣ, какъ Наденька соскочила на землю, какъ потомъ Щелкаловъ привязывалъ лодку къ дереву и какъ они отправились наконецъ въ глубину острова и скрылись за деревьями.

Это даже подѣйствовало не совсѣмъ пріятно и на Лидію Ивановну, потому что она сказала очень серьёзно и съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ:

— Какія глупости! къ чему это они вышли на берегъ?

И начала кричать: «Наденька! Наденька!»

Но крикъ этотъ пропадалъ напрасно.

Прошло четверть часа ожиданія, но ни Щелкалова, ни Наденьки не показывалось. Потерявъ терпѣніе, всѣ разбрелись по парку; остались только на берегу Лидія Ивановна, Веретенниковъ и я. Это происшествіе разстроило прогулку: дамы нѣсколько надулись на Лидію Ивановну, Лидія Ивановна чувствовала также какую-то неловкость, и когда прошло еще четверть часа, она не могла уже долѣе скрывать своего волненія.

— Однако, это ни на что не похоже, сказала она, обращаясь къ намъ. — Peut-on faire des choses comme-ça? Я непремѣнно Наденькѣ вымою голову. Ну можно ли, что изъ-за нея все гулянье разстроилось?

Мы начали успокоивать Лидію Ивановну, какъ умѣли. Наконецъ лодочка, къ нашему удовольствію, снова пришла въ движеніе, но подвигалась къ намъ очень лѣниво; гребецъ едва шевелилъ веслами. Мы ужь начали махать платками и кричать:

— Скорѣй! Скорѣй!

Лидія Ивановна встрѣтила Наденьку очень мрачно. Она обратилась къ Щелкалову хотя и съ пріятною улыбкою, но замѣтила не безъ ироніи:

— Вы видите, баронъ, изъ пятнадцати насъ осталось только трое — это самые терпѣливые; мы-таки дождались васъ...

— Что такое? возразилъ Щелкаловъ: — развѣ мы ѣздили такъ долго? Я показывалъ Надеждѣ Алексѣвнѣ бесѣдку на островѣ. Тамъ такая дичь, что мы насилу добрались до этой бесѣдки... Да развѣ ужь такъ поздно? Мы опоздали, что ли, куда нибудь?

— Нѣтъ, но это разстроило немного нашу прогулку.

— Отчего? сказалъ Щелкаловъ: — что за вздоръ! пусть они тамъ гуляютъ, гдѣ хотятъ; что намъ за дѣло до нихъ, мы будемъ гулять сами по себѣ. Не правда ли?

Онъ засмѣялся, поглядѣлъ на всѣхъ насъ, предложилъ свою руку Лидіи Ивановнѣ и отправился съ ней впередъ, значительно смягчивъ этимъ поступкомъ ея неудовольствіе.

Мы пошли за ними. Я взглянулъ на Наденьку. Она была въ большомъ замѣшательствѣ, едва отвѣчала на мои вопросы, и мнѣ даже показалось, что глаза ея были заплаканы.

Обѣдать было назначено въ четыре часа; оставалось до обѣда еще три-четверти часа, и мы возвратились, по предложенію

Щелкалова, назадъ осмотрѣть комнаты большого дома, гдѣ, по словамъ его, было нѣсколько недурныхъ картинъ.

Взглянувъ на эти картины, очень, впрочемъ, сомнительнаго достоинства, и пройдя по комнатамъ, которыя были меблированы въ новѣйшемъ вкусѣ и не представляли ничего особенно любопытнаго, мы возвратились въ нашъ флигель.

Щелкаловъ отправился въ столовую осматривать, все ли въ порядкѣ. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Онъ съ видомъ знатока бросилъ взглядъ на столъ въ свое стеклышко, потомъ обозрѣлъ кругомъ всю комнату, крикнулъ раза два па лакеевъ, велѣлъ позвать къ себѣ француза-повара и началъ о чемъ-то его распрашивать, качаясь на стулѣ и несмотря на него, но внутренно наслаждаясь тѣми знаками благоговѣнія, которые оказывали ему поваръ и вся прислуга.

Въ столовой давно уже прохаживались Пруденскій съ Иваномъ Алексѣичемъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда.

Пруденскій подошелъ ко мнѣ и, показывая часы, сказалъ:

— На моихъ безъ пяти минутъ четыре. Пора бы уже приступить и къ трапезѣ, да, кажется, еще не всѣ въ сборѣ. Посмотрите, Алексѣй Аѳанасьичъ непремѣнно проморитъ насъ, я увѣренъ. Онъ, чего добраго, до ночи проходитъ за своими грибами и забудетъ обо всѣхъ насъ. Мы съ Иваномъ Алексѣичемъ аукали его, аукали, такъ и не дозвались. Пожалуй еще заблудится въ лѣсу. Чего добраго? Ужь его ждать невозможно, какъ хотите! семеро одного не ждутъ. Сама народная мудрость, выражающаяся въ этой пословицѣ, послужитъ для насъ достаточнымъ оправданіемъ въ такомъ случаѣ.

— Разумѣется, папеньку ждать нечего, возразилъ Иванъ Алексѣичъ, прохаживаясь около стола, уставленнаго разнообразнѣйшими закусками и бросая на нихъ жадные взгляды: — старикъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ можетъ проходить до вечера; отъ него это легко станется, онъ для грибовъ точно забываетъ часто и обѣдъ и все на свѣтѣ. Посмотрите, Пруденскій, какая жирная и бѣлая селедка-то, а съ балыка такъ и каплетъ! Удивительный балыкъ! Эдакихъ я и не видывалъ здѣсь.

— Кажется, все будетъ хорошо, сказалъ Щелкаловъ, подходя къ Ивану Алексѣичу.

— У, баронъ! что и говорить, перебилъ Иванъ Алексѣичъ, придерживая барона за талію обѣими руками и бросая на него совсѣмъ сахарный взглядъ: — мастеръ, мастеръ все устроитъ!

— Такимъ тонкимъ знатокамъ въ гастрономіи, замѣтилъ Пруденскій: — позавидовалъ бы и древній Римъ. Вы воскрешаете для насъ, баронъ, лукулловскія времена... А ужь, признаться, пора бы, совершивъ омовеніе и возложивъ на главы вѣнки, возлечь за пиршественный столъ.

Щелкаловъ вкось взглянулъ на Пруденскаго, удержавшись отъ улыбки, потому что онъ не хотѣлъ удостоивать его даже и улыбки.

— Да! вѣдь ужь почти четыре часа, вкрадчиво произнесъ Иванъ Алексѣичъ.

— Обѣдъ черезъ четверть часа будетъ готовъ, мнѣ сейчасъ сказалъ Dubos.

— А этотъ Дюбо долженъ быть художникъ въ своемъ дѣлѣ! опять ввернулъ свое словцо Пруденскій.

— Да вѣдь, кажется, еще не всѣ собрались? спросилъ Щелкаловъ, по обыкновенію не замѣчая Пруденскаго и обращаясь къ намъ съ Иваномъ Алексѣичемъ.

— Я не знаю, отвѣчалъ Иванъ Алексѣичъ: — но во всякомъ случаѣ отца ждать нечего; онъ будетъ даже очень доволенъ, что его не ждали, я ужь знаю его натуру...

Щелкаловъ не дослушалъ Ивана Алексѣича и, напѣвая себѣ что-то подъ носъ, направилъ шаги въ комнату передъ буфетомъ, сдѣлавъ знакъ лакею, чтобы слѣдовалъ за нимъ.

— Надо пойдти узнать, всѣ ли возвратились, сказалъ Иванъ Алексѣичъ: — и объявить, что обѣдъ сейчасъ будетъ готовъ. Ужасно ѣсть хочется, у меня сегодня кромѣ чашки кофею ничего во рту не было.

Иванъ Алексѣичъ обратился ко мнѣ съ своею улыбкою.

— Я, знаете, нарочно ничего не завтракалъ, имѣя въ виду такой обѣдъ.

— И благоразумно поступили, воскликнулъ Пруденскій: — а я такъ нарочно по этому случаю два дня діэту держалъ. Мнѣ-то еще больше вашего ѣсть хочется.

И точно Пруденскій долженъ былъ чувствовать сильный голодъ, потому что, ходя по комнатѣ и разговаривая со мною, онъ не могъ отвести своихъ очковъ отъ стола съ закусками.

Мало по малу начинали собираться въ столовую, по приглашенію Ивана Алексѣича. Въ комнату же, назначенную для мужчинъ, по распоряженію Щелкалова, до обѣда не велѣно было никого впускать. Для этого былъ поставленъ даже лакей у двери.

— Да пусти же, братецъ, хоть на минутку, я забылъ тамъ сигарочницу, говорилъ влюбленный молодой человѣкъ лакею, стоявшему у дверей.

— Никакъ нельзя-съ, отвѣчалъ лакей.

— Это отчего?

— Баронъ не приказали никого впускать.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Убирайся ты къ чорту съ твоимъ барономъ, закричалъ онъ, оттолкнувъ лакея, и хотѣлъ взяться за ручку замка.

Но лакей сталъ поперекъ двери и произнесъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Воля ваша, сударь, никакъ нельзя.

Молодой человѣкъ началъ было горячиться, но мы всѣ бросились его успокоивать.

— Да чтожь такое тамъ дѣлается? спросило нѣсколько голосовъ у лакея.

— Не могу знать-съ.

— Вѣдь ты врешь, дуракъ, ты знаешь, говори же, закричалъ кто-то.

Лакей глупо улыбнулся и отвѣчалъ:

— Не могу знать-съ.

Шумъ увеличивался.

Въ эту минуту вошелъ Щелкаловъ. Всѣ обратились къ нему.

— Господа, сказалъ онъ: — ваши вещи, которыя въ той комнатѣ, вамъ сейчасъ принесутъ, но туда не войдетъ ни одинъ изъ васъ до обѣда. Вы меня выбрали распорядителемъ, слѣдовательно должны мнѣ повиноваться и вѣрить, что я все устроиваю къ вашему же удовольствію.

И произнеся это съ необычайною важностію, онъ отправился далѣе.

— Вѣрно какой нибудь сюрпризъ готовится, сказалъ Иванъ Алексѣичъ, провожая пріятною улыбкою барона и въ то же время близясь къ столу съ закусками.

Онъ взялъ кусочикъ селедки, положилъ его въ ротъ и, какъ будто желая скрыть отъ другихъ такой преждевременный поступокъ, началъ смотрѣть въ окно, напѣвая что-то; потомъ, проглотивъ кусочикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ намъ, осмотрѣлъ всѣхъ и сказалъ:

— Чтожь? Мы теперь, кажется, всѣ на лицо кромѣ папеньки?

— Астрабатова нѣтъ, замѣтилъ съ безпокойствомъ Пруденскій.

Иванъ Алексѣичъ поморщился, но Астрабатовъ въ эту же минуту вошелъ въ столовую.

— Вотъ легокъ-то на поминѣ! закричали ему Пруденскій и Иванъ Алексѣичъ.

— А что?

— Да ужь и обѣдать пора, отвѣчалъ Иванъ Алексѣичъ: — пятый часъ въ началѣ...

— Обѣдать? возразилъ Астрабатовъ, потирая подбородокъ: — почему жь? это дѣло подходящее... Ну, душа моя, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, вполголоса: — какую мы съ этой барыней учинили прогулку, то есть я тебѣ скажу! Она, знаешь, пѣвица, я вѣдь тоже пѣвецъ, такъ мы тамъ подъ березками такой дуэтецъ пропѣли, что любо дорого, безъ фальшу, братецъ, чудо какъ согласно! Она было, знаешь, «да я не могу, да я не въ голосѣ», а я ей на прямикъ: «Полноте, сударыня, я терпѣть не могу этихъ закорючекъ. Попробуемъ: споемся — такъ хорошо, нѣтъ—ну на нѣтъ и суда нѣтъ...» Ужь зато какже и спѣлись, душенька!

Астрабатовъ приложилъ пальцы къ губамъ, чмокнулъ, прищурилъ лѣвый глазъ и прибавилъ:

— Теперь, братецъ ты мой, надо пропустить внутрь укрѣпительной.

За обѣдъ сѣли въ половинѣ пятаго, не дождавшись Алексѣя Аѳанасьича. Въ ту минуту, когда дамы вошли въ столовую, дверь, охранявшаяся лакеемъ, отворилась, и хоръ полковыхъ музыкантовъ грянулъ увертюру изъ «Сомнанбулы». Дамы пришли въ неописанный восторгъ отъ этого сюрприза, да и кавалеры остались очень довольными. Тайна охраняемой двери была для насъ разгадана.

Иванъ Алексѣичъ съ салфеткою въ рукѣ и съ масляными губами, потому что у него весь ротъ былъ набитъ сардинками, бросился въ порывѣ неудержимаго чувства къ Щелкалову, съ намѣреніемъ, кажется, обнять его, но тотъ удачно отклонилъ угрожавшій ему поцалуй, и порывъ окончился только крѣпкимъ пожатіемъ рукъ и сладкимъ взглядомъ со стороны Ивана Алексѣича. Обѣдъ и вина были превосходные. Все это вмѣстѣ съ музыкой привело присутствующихъ въ самое веселое расположеніе духа, а нѣкоторыхъ болѣе нежели въ веселое. Еще обѣдъ не дошелъ до половины, какъ Пруденскій началъ уже обниматься съ своими сосѣдями, а Астрабатовъ отпускать невѣроятныя любезности сидѣвшимъ противъ него дамамъ, къ счастію, заглушавшіяся громомъ музыки.

Щелкаловъ очень неблагосклонно посматривалъ повременамъ въ свое стеклышко на тотъ конецъ стола, гдѣ сидѣли Пруденскій и Астрабатовъ. Онъ обратился къ Веретенникову и ко мнѣ и, скорчивъ гримасу, произнесъ:

— Нельзя сказать, чтобы мы находились въ очень избранномъ обществѣ. Какъ вы думаете, господа?

— Да! чортъ знаетъ что такое! возразилъ Веретенниковъ, охорашиваясь и поправляя свои воротнички.

Между тѣмъ Иванъ Алексѣичъ, удовлетворивъ свой аппетитъ нѣсколькими блюдами, которые онъ накладывалъ въ значительномъ количествѣ на тарелку, и заливъ ихъ виномъ, изъявилъ безпокойство объ отсутствіи папеньки. Лидія Ивановна начала также приходить отъ этого въ нѣкоторое смущеніе, а Наденька съ самаго начала обѣда все съ безпокойствомъ посматривала на двери. Наконецъ въ половинѣ обѣда, къ общему удовольствію, старикъ появился съ двумя огромнѣйшими котомками, наполненными грибами, весь въ паутинѣ.

— Уфъ, произнесъ онъ, складывая котомки на стулъ: — какъ ни торопился, а все-таки опоздалъ, за то вотъ вамъ еще лишнее блюдо.

И онъ указалъ на свои грибы.

— Мы никакъ бы не сѣли безъ васъ, замѣтилъ Щелкаловъ: если бы не вашъ сынъ и не Лидія Ивановна.

— И прекрасно сдѣлали, что не ждали меня, я этого терпѣть не могу; а вотъ я теперь вымоюсь да выпью потомъ водочки, да и догоню васъ. Вѣдь вы еще не съѣли всего? Вѣдь

для меня что-нибудь осталось?... Да мнѣ, пожалуй, вашихъ-то утонченныхъ блюдъ и не нужно. У меня есть свое блюдо.

Старикъ улыбнулся и потомъ обратился къ Щелкалову.

— А вотъ ты окажи-ка мнѣ услугу, баронъ: такъ какъ ужь ты распорядитель, вели-ка повару-то хорошенько изжарить намъ на сковородкѣ эти грибки со сметаной. Грибки всѣ какъ на подборъ молоденькіе, свѣженькіе. Это блюдо будетъ лучше всѣхъ вашихъ заморскихъ блюдъ-то, и вы мнѣ за него скажете спасибо, я знаю.

— Превосходная мысль! воскликнулъ Щелкаловъ: — Dubos жаритъ грибы удивительно... Послать сюда повара.

Дюбо, низенькій и полный, въ пышной бѣлой фуражкѣ и въ курткѣ снѣжной бѣлизны, съ огромнѣйшимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, во вкусѣ Астрабатова, вошелъ въ столовую и расшаркался передъ барономъ.

— Что прикажете, господинъ баронъ? сказалъ онъ по французски.

— Подайте намъ сейчасъ эти грибы, сказалъ Щелкаловъ, указавъ на котомки съ грибами: — какъ слѣдуетъ по русски со сметаной, на сковородѣ, помните, такъ, какъ вы подали ихъ намъ въ прошломъ году на обѣдѣ, который давалъ... князь Красносельскій?

— Очень хорошо, господинъ баронъ будетъ доволенъ.

— Мусье Дюбо, сметанка-то чтобы была эдакъ поджарена, понимаете, сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ на русскомъ языкѣ, поглаживая Дюбо по плечу: — а грибки-то были бы въ соку, чтобы не слишкомъ были засушены.

Дюбо посмотрѣлъ съ любопытствомъ на Алексѣя Аѳанасьича и пробормоталъ:

— Корошо, корошо.

— Вы не безпокойтесь, онъ знаетъ свое дѣло, замѣтилъ Щелкаловъ, которому вмѣшательство Алексѣя Аѳанасьича было не совсѣмъ пріятно.

Дюбо отправился къ тому мѣсту, гдѣ лежали грибы, но на полдорогѣ былъ остановленъ Пруденскимъ, который обтеревъ губы салфеткою, всталъ и счелъ необходимымъ, пожавъ руку повара крѣпко и съ чувствомъ, сказать ему по французски латинскимъ произношеніемъ:

— Vous êtes un véritable artiste, мусье Дюбо!

— Fichtre! je crois b'en, m'sieur, отвѣчалъ Дюбо съ достоинствомъ.

— C'est mon ami! воскликнулъ Астрабатовъ, указывая на Дюбо и погрозивъ ему пальцемъ, прибавилъ: — ахъ, ты, плутъ, французъ!

— Ah! bon jour, m'sieur Asrabat, закричалъ Дюбо, протянувъ безъ церемоніи руку Астрабатову.

Алексѣй Аѳанасьичъ между тѣмъ обчистился, вымылся и приступилъ къ обѣду. Грибы были приготовлены, къ совершенному его удовольствію, отлично, и всѣ, кушая ихъ, обращались съ похвалами къ нему, а онъ кивалъ головой и улыбался самой счастливой улыбкой, приговаривая:

— Нѣтъ, ей Богу, этотъ Дюбо молодецъ! Я никакъ не ожидалъ, чтобы французъ умѣлъ такъ хорошо приготовлять грибы!

Когда розлили шампанское, Иванъ Алексѣичъ всталъ, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ и началъ импровизировать слѣдующія стихи:

Здѣсь дружба насъ соединила,
И пиръ нашъ весело кипитъ:
Въ немъ есть и блескъ, и шумъ, и сила...

Онъ на минуту остановился, и обратясь къ Щелкалову, съ пріятнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ продолжалъ:

Хвала тебѣ нашъ, сибаритъ!
Твои — и мысль, и исполненье...
И пиръ ты создалъ, какъ поэтъ!...
Тебѣ отъ насъ благодаренье!
Тебѣ нашъ дружескій привѣтъ!
Друзья! съ поклономъ поднимите
Свои бокалы — и до дна
Ихъ въ честь барона осушите,
Чтобъ не осталось въ нихъ вина!

Послѣднему стиху Иванъ Алексѣичъ придалъ комическое выраженіе, погрозилъ всѣмъ намъ пальцемъ, выпилъ свой бокалъ до дна и съ такою силою поставилъ его на столъ, что тотъ разлетѣлся въ дребезги.

У Алексѣя Аѳанасьича при стихахъ сына, разумѣется, тотчасъ же закапали слезы изъ глазъ.

— Браво! раздалось со всѣхъ сторонъ. — Здоровье барона!

— Браво! закричалъ громче всѣхъ Пруденскій, немилосердо стуча ножемъ о столъ. — Музыканты, тушъ!

Тушъ заиграли.

Щелкаловъ поклонился всѣмъ, всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Ивану Алексѣичу, пожалъ ему руку и, обратясь къ намъ, произнесъ съ особенною торжественностію:

— Господа! позвольте мнѣ въ свою очередь предложить вамъ тостъ.... я увѣренъ въ этомъ, онъ будетъ принятъ вами единодушно: за здоровье того, господа, который оживляетъ и украшаетъ въ настоящую минуту своими произведеніями русскую поэзію.... за здоровье того, — чье имя должно быть дорого всѣмъ, кому близко къ сердцу родное слово... Я не назову вамъ этого имени, господа, потому что каждый изъ васъ внутренно назвалъ его въ сію минуту...

— За здоровье Ивана Алексѣича! подхватилъ Пруденскій.

И всѣ бокалы съ криками: «Тушъ! здоровье Ивана Алексѣича!» устремились къ бокалу разстроганнаго поэта.

Въ эту минуту Алексѣй Аѳанасьичъ всхлипывалъ и вмѣсто платка утиралъ слезы салфеткой.

Затѣмъ начались тосты въ честь дамъ, въ честь Алексѣя Аѳанасьича, какіе-то отдѣльные тосты и даже потомъ тостъ въ честь повара.

Когда вышли изъ-за стола, многіе, и въ томъ числѣ Иванъ Алексѣичъ первый, пристали къ Астрабатову съ просьбою, чтобы онъ спѣлъ что-нибудь.

Астрабатовъ обвелъ всѣхъ глазами и, положивъ руку на плечо Ивана Алексѣича, сказалъ:

— Изволь, душа моя, для тебя спою, ты понимаешь паэзію, у тебя тамъ кипитъ внутри-то, какъ и у меня же, я знаю; у насъ тамъ, братецъ ты мой, внутренняя гармоника.... ну вели подать мою гитару.

Гитара была принесена.

Астрабатовъ взялъ ее, щипнулъ пальцами струны и обвелъ глазами мужчинъ и дамъ.

Въ ту минуту когда мы столпились около Астрабатова, управляющій, приходившій за чѣмъ-то, остановился и началъ взгля-

дывать на него съ любопытствомъ изъ-за плеча Пруденскаго. Астрабатовъ тотчасъ замѣтилъ это и, подойдя ко мнѣ, шепнулъ, поведя на управляющаго глазомъ:

— Это, моншеръ, что такое за энциклопедія?

Когда я ему объяснилъ, кто это, онъ взглянулъ на управляющаго еще разъ, положилъ гитару на столъ, почесалъ въ затылкѣ, отодвинулъ въ сторону Пруденскаго, вытащилъ изумленнаго и сконфуженнаго управляющаго впередъ и закричалъ:

— Вина!

Потомъ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, какъ бы любуясь имъ, погладилъ его съ нѣжностію по лысинѣ и сказалъ, все продолжая разсматривать его:

— Просто, душка! (и приложилъ пальцы къ губамъ.) Мы съ нимъ чокнемся и выпьемъ въ знакъ дружбы.

Управляющій началъ кланяться, благодарить и увѣрять, что не пьетъ.

— Эти, братъ, закорючки ты оставь, я терпѣть не могу, возразилъ Астрабатовъ. — Вотъ тебѣ бокалъ.

Онъ подалъ ему бокалъ.

— Ну, пей, пей!... Вотъ такъ, смотри.

И онъ залпомъ выпилъ свой бокалъ.

Управляющій на минуту призадумался и потомъ послѣдовалъ его примѣру.

Астрабатовъ поцаловалъ его.

— Ну, теперь мы друзья, я къ тебѣ еще пріѣду, душенька; въ вашу «Дубовую-то Рощу» поохотиться. Теперь, кажется, постороннихъ никого нѣтъ. Такъ слушайте, если хотите, я спою вамъ.

Онъ взялъ гитару, задумался на мгновеніе, откинулъ назадъ свои кудрявые волосы, въ которыхъ проглядывала уже сѣдина, посмотрѣлъ въ потолокъ, какъ бы ища вдохновенія, ударилъ по струнамъ и запѣлъ, обратившись къ дамамъ и закативъ глаза:

«На зарѣ ты ее не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ,
Утро дышетъ у ней на груди...»

Теноръ Астрабатова не отличался ни свѣжестью, ни чистотою, но онъ былъ не безъ пріятности; въ немъ было что-то раздражающее, производившее сильное впечатлѣніе на тѣхъ, кото-

рые не были слишкомъ взыскательны къ музыкѣ и предпочитали Моцарту и Бетховену всякую русскую заунывную или цыганскую плясовую пѣсни.

И потому, когда Астрабатовъ кончилъ, раздались самыя искреннія «браво» и рукоплесканія; въ особенности Пруденскій и управляющій были сильно растроганы. Даже и Щелкаловъ съ Веретенниковымъ воскликнули:

— Браво! прекрасно!

Астрабатовъ взглянулъ на нихъ, покачалъ головою и сказалъ:

— Да что вы тамъ ни толкуйте, а у Астрабатова есть внутри и слеза, и вздохъ; онъ вашей ученой музыки не понимаетъ; онъ не учился тамъ этимъ разнымъ пунктамъ да контрапунктамъ вашимъ, онъ самоучка и дѣйствуетъ не на голову, а на сердце. Не такъ ли, mesdames?

Астрабатовъ немного прищурилъ одинъ глазъ, ударилъ по струнамъ и запѣлъ:

«Горныя вершины
Спятъ во тмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой...»

— Ну, теперь, братцы, хоровую, да дружно! вскрикнулъ онъ, становясь въ позицію знаменитаго цыгана Ильюшки: — mesdames, je vous prie.

Онъ взмахнулъ гитарой и запѣлъ:

«Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ, —
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ...
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
И цыганы, молодцы,
Ни о чемъ не тужатъ...»

При этомъ остановился, повелъ плечами, выставилъ правую ногу, обвелъ глазами поющихъ мужчинъ и дамъ, тряхнулъ головою, поднялъ гитару, махнулъ ею, и хоръ грянулъ:

«Гей цыганы! гей цыганки!
Живо, веселѣе!...»

Хоръ этотъ составляли Щелкаловъ, Веретенниковъ, Надежда Алексѣевна и Аменаида Александровна; остальные, кажется, только шевелили губами, да правда Пруденскій еще подтягивалъ густымъ басомъ.

— Лихо! Ай да барыни! сказалъ онъ, кладя гитару: — да за это вамъ надо непремѣнно рученьки разцаловать. Дайте-ка приложиться.

Онъ поцаловалъ руки Надежды Алексѣевны и Аменаиды Александровны и обратился къ намъ:

— А я вамъ скажу, что пѣвцу-то слѣдуетъ теперь горло промочить. Пойдемъ-ка, друзья, къ этому *моншеру* въ гости.

Онъ указалъ пальцемъ на проходившаго буфетчика, взялъ за руки меня и Щелкалова и потащилъ насъ, говоря Щелкалову:

— Ну-ка, распорядитель, распорядись, чтобъ бутылку раскупорили.

Пруденскій послѣдовалъ за нами и, хватая сзади Астрабатова за плечо, кричалъ:

— Мы, carissime, выпьемъ за твое здоровье.

Когда бутылка была подана, Астрабатовъ налилъ четыре стакана. Пруденскій, поправивъ очки, взялъ свой и воскликнулъ:

— Отъ души пью твое здоровье! У тебя дивный голосъ, проникающій до глубины.

И опорожнилъ свой бокалъ разомъ.

Мы также чокнулись своими стаканами со стаканомъ Астрабатова и отпили немного.

Астрабатовъ, выпивъ свой стаканъ, снова налилъ себѣ и Пруденскому и, остановившись съ бутылкой надъ нашими стаканами, сказалъ:

— Что же? Ну, допивайте же.

Но ни Щелкаловъ, ни я не могли болѣе пить и объявили объ этомъ наотрѣзъ Астрабатову.

Онъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на насъ съ выраженіемъ глубочайшаго сожалѣнія.

— Ахъ, вы! (и махнулъ рукой). Ну, положимъ, вотъ этотъ (онъ указалъ на Щелкалова) все выѣзжаетъ на тонкостяхъ, на *экскюзе* да на *перметe*, а ты-то, душенька! Онъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ: — и ты туда же!... Чтожь, по вашему

выпить эдакъ дружески, задушевно, съ теплымъ человѣкомъ — это не комъ-иль-фо? Ну да чортъ съ вами, какъ хотите! Мы выпьемъ вотъ съ этимъ.... (Астрабатовъ указалъ на Пруденскаго). Онъ хоть эдакой *hic*, *haec*, *hoc*, а малый-то въ сущности съ теплотой. Ну, душа моя, продолжалъ онъ, обращаясь къ нему: — оставимъ ихъ, не нравится имъ вино, пусть пьютъ воду; de gustibus non est disputandum.... такъ, что ли, по вашему-то?

Щелкаловъ благосклонно улыбался, съ высоты посматривая на Астрабатова.

— Ваше сіятельство, сказалъ лакей (всѣ лакеи вездѣ величали почему-то Щелкалова сіятельнымъ, и онъ не противорѣчилъ этому), мусье Дюбо васъ проситъ.

— Что ему нужно? позвать его сюда.

Дюбо явился, съ извиненіями подошелъ къ барону и что-то шепнулъ ему.

Баронъ сдѣлалъ гримасу.

— Хорошо, сказалъ онъ: — сейчасъ!

И въ ту же минуту обратился къ Астрабатову.

— Астрабатовъ, нѣтъ ли у тебя пятидесяти рублей? Я тебѣ ужо отдамъ. Ему вотъ нужны зачѣмъ-то сейчасъ эти деньги.

Онъ указалъ на повара.

Астрабатовъ украдкой взглянулъ на меня и кивнулъ головой на Щелкалова, прищуря глазъ, потомъ вынулъ свой огромный бумажникъ, положилъ его на столъ, разкрылъ, досталъ изъ него пачку ассигнацій, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ и сказалъ, обращаясь къ Щелкалову не безъ ироніи:

— Пятьдесятъ? Да ужь возьми, душа моя, лучше для круглаго счета, сто.

И онъ отложилъ двѣ пятидесятирублевыя бумажки.

Первое движеніе Щелкалова было взять эти деньги; онъ уже протянулъ къ нимъ руку, но вдругъ глаза его встрѣтились съ моими; что-то мелькнуло въ головѣ его, можетъ быть воспоминаніе разговора, при которомъ я присутствовалъ, — онъ нахмурилъ брови и сказалъ важно:

— Къ чему мнѣ твои сто рублей? Убирайся съ ними. Мнѣ нужно только пятьдесятъ, чтобы отдать ему.

Онъ взялъ со стола пятидесятирублевую бумажку и передалъ ее Дюбо.

— Я тебѣ отдамъ эти деньги черезъ полчаса. У меня нѣтъ мелкихъ, надо размѣнять.

— Да что у тебя серіи, что ли, или банковый билетъ? возразилъ Астрабатовъ. — Давай, моншеръ, я размѣняю.

Но Щелкаловъ не слыхалъ этого предложенія. Онъ въ эту минуту заговорилъ съ кѣмъ-то и вышелъ изъ комнаты.

Астрабатовъ проводилъ его глазами, потеръ себѣ подбородокъ и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— А напрасно не взялъ ста, ей Богу, такъ бы ужь я и считалъ за нимъ ровно полторы тысячи. Онъ третьяго года проигралъ мнѣ въ Лебедянѣ тысячу четыреста, обѣщалъ отдать на другой день, да вотъ такъ и отдаетъ до сихъ поръ. Да мнѣ деньги — вздоръ! Я за деньгами не гонюсь, и эти пропадутъ, я знаю; пусть не отдаетъ, да будь вѣжливъ, носъ-то не задирай... Вѣдь этими эръфиксами нынче никого не удивишь! Мы ничѣмъ не хуже тебя, братъ, еще, пожалуй, посчитаемся родословными-то. Мое происхожденіе-то идетъ отъ персидскихъ шаховъ, такъ мы еще чуть ли не почище тебя, душенька!

Астрабатовъ остановился и посмотрѣлъ кругомъ.

— А французъ-то ужь улизнулъ съ деньгами... Подавайте-ка его сюда. Дюбо! Дюбо!

— Monsieur? раздался голосъ изъ корридора.

— Сюда, мусье, сюда поскорѣй. Дайте-ка намъ еще бутылочку. Ну, мусье Дюбо, продолжалъ Астрабатовъ по русски; кладя свою ладонь на плечо француза: — мы съ тобой, душенька, выпьемъ. Слышишь? Ты ужь не отнѣкивайся. Вѣдь ты меня знаешь. Возьми стаканчикъ-то.

Дюбо, улыбаясь, взялъ стаканъ и поглядѣлъ на насъ.

— Monsieur Asrabat шутъ-никъ.... il est très gai.

— Ты вѣдь, душенька, артистъ, продолжалъ Астрабатовъ, прищелкнувъ языкомъ: — вѣдь ты не то, что какіе нибудь только фрикасе да финьзербы, нѣтъ! ты и пломъ-пудингъ англійскій и какіе нибудь россійскіе грибки со сметанкой на сковородкѣ представишь въ такомъ видѣ, что пальчики оближешь. Ну, cher ami, поцалуемся и выпьемъ еще стаканчикъ. Вотъ такъ! Я вотъ какъ женюсь, такъ возьму тебя къ себѣ въ повара. Слышишь? Ужь мы съ тобой будемъ такіе банкеты задавать, то есть *екски*, вотъ какіе....

Астрабатовъ приложилъ пальцы къ губамъ и чмокнулъ.

— Весь городъ ахнетъ! Я тебѣ дамъ двѣсти цѣлкачей въ мѣсяцъ жалованья. Будешь доволенъ?

— Très-bien, très-bien, бормоталъ французъ, кивая головой.

— Ну, а теперь съ Богомъ, проваливай.

Когда Дюбо ушелъ, Астрабатовъ зѣвнулъ, почесалъ въ головѣ и потомъ вскрикнулъ:

— Хлопецъ! гитару... Что-то тамъ зашевелило внутри, прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ. — Погодите-ка я вамъ спою эдакую задушевную.

Онъ взялъ гитару и запѣлъ:

«Полюби меня, дѣва милая,
Радость дней моихъ, ненаглядная!
Еслибъ знала ты весь огонь любви,
Всю тоску души моей пламенной!...
Грустно въ мірѣ жить одинокому,
Безъ любви твоей, дѣва милая!
Полюби меня, черноокая!
Ты звѣзда души беззакатная,
И любовь твоя обовьетъ меня
Своимъ пламенемъ упоительнымъ,
Я умру тогда смертью чудною,
И завидною даже рыцарямъ!»

Въ ту минуту, какъ Астрабатовъ смолкъ, Иванъ Алексѣичъ вбѣжалъ въ буфетную.

— Господа, сказалъ онъ: — васъ дамы приглашаютъ идти гулять, а въ залѣ, покуда мы гуляемъ, устроятъ что нужно для танцевъ.

Мы всѣ отправились за Иваномъ Алексѣичемъ, въ томъ числѣ и Астрабатовъ, уже нѣсколько покачиваясь.

Рѣшили пойдти въ ту часть сада, гдѣ мы еще не были — въ бесѣдку на горѣ, съ которой открывался видъ на окрестныя поля, болота и деревни и откуда была видна даже черта моря у самаго горизонта. Здѣсь, при закатѣ солнца, представлялась картина великолѣпная, и многіе нарочно дѣлали parties de plaisir въ «Дубовую Рощу», чтобъ только посмотрѣть на закатъ солнца изъ этой бесѣдки.

Щелкаловъ взялъ опять подъ руку Наденьку. Онъ былъ послѣ обѣда въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, сдѣлался очень простъ и любезенъ со всѣми, въ разговорѣ относился

даже къ Прудейскому и два раза предложилъ ему какой-то вопросъ. Мы всѣ шли вмѣстѣ толпой по широкой дорогѣ парка. Астрабатовъ рядомъ съ Наденькой. Онъ безпрестанно перебивалъ Щелкалова своимъ балагурствомъ, и баронъ нисколько не сердился за это и даже смѣялся отъ чистаго сердца, какъ и всѣ мы.

— Ахъ вы, моя барышня! говорилъ Астрабатовъ, прищуриваясь на Наденьку: — то есть просто первый сортъ, пышный розанчикъ въ густыхъ сливкахъ, эдакой bouquet de l'Impératrice тончайшаго аромата, чтобы нюхать только съ осторожностію на колѣняхъ въ табельные дни.... И вы вѣдь не знаете, продолжалъ онъ, обращаясь къ намъ: — сколько тамъ въ этой внутренности заложено слезъ, вздоховъ, восторговъ, эдакихъ улыбочекъ, отъ которыхъ у человѣка дѣлается боль въ сердцѣ и головокруженіе... какая у нея тамъ эдакая калифорнія съ музыкой въ сердцѣ....

Слушая разсказы Щелкалова, перемѣшанные съ балагурствомъ Астрабатова, мы незамѣтно дошли до подошвы горы, на которой была выстроена бесѣдка.

Вечеръ сдѣлался удивительный, даже ни одинъ осиновый листокъ не шелохнулся. Солнце, выглянувъ изъ облаковъ, за которыми скрывалось, тихо спускалось къ безоблачному горизонту, обѣщая намъ картину заката въ полномъ блескѣ. Было такъ сухо и тепло, какъ въ началѣ лѣта и только опредѣленность въ очертаніяхъ облаковъ, сухость въ тонахъ и рѣзкость въ колоритѣ заката, да кусты и деревья, мѣстами подернувшіеся золотомъ, пурпуромъ и темно вишневымъ цвѣтомъ, говорили о наступившей осени.

— Господа, сказалъ вдругъ Веретенниковъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, поправляя свои воротнички: — тамъ въ бесѣдкѣ на горе какое-то общество. Я вижу мужчинъ и дамъ.

— Чтожь, очень можетъ быть, возразилъ Щелкаловъ: — кто нибудь съ сосѣднихъ дачъ, какіе нибудь нѣмцы прибыли въ чухонскихъ таратайкахъ наслаждаться закатомъ солнца. Въ хорошій вечеръ тутъ всегда можно найдти какихъ нибудь любителей природы.

— Да, это правда, пробормоталъ Веретенниковъ, успокоиваясь.

И мы начали подниматься въ гору со смѣхомъ, съ пѣснями и со стихами, которые декламировали Иванъ Алексѣичъ и Пруденскій.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ площадки горы намъ послышался довольно ясно французскій говоръ и можно было даже различить голоса, въ особенности одинъ мужскій, довольно громкій и рѣзкій голосъ.

Щелкаловъ вдругъ весь измѣнился въ лицѣ и остановился.

— Что съ вами? спросила его Наденька.

— Чтожь вы остановились? кричали имъ, опережая ихъ.

— Я немного усталъ, отвѣчалъ Щелкаловъ, нахмурясь и неохотно подвигаясь впередъ.

Я догадывался отчасти, въ чемъ дѣло, и убѣдился вполнѣ, что баронъ, несмотря на свою смѣлость и заносчивость, не имѣлъ ни малѣйшей способности владѣть собой и при всемъ своемъ желаніи никакъ не могъ скрывать своихъ ощущеній.

Мои догадки оправдались, когда, взойдя на гору, я увидѣлъ человѣкъ восемь мужчинъ и дамъ, — мужчинъ, между которыми красовался господинъ, изобрѣтшій теорію поклоновъ, дамъ, при видѣ которыхъ у Веретенникова захватывало дыханіе. Щелкаловъ долженъ былъ встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу. Они подъѣхали къ горѣ съ противоположной стороны парка, и экипажи ихъ, стоявшіе за горою, не могли быть видимы нами.

Щелкаловъ взошелъ на гору, все еще держа Наденьку за руку, и очутился, какъ нарочно, прямо противъ одной блистательной дамы, которая изъ бесѣдки вышла на дорожку.

Я не спускалъ съ него глазъ, стоя въ сторонѣ.

Въ первое мгновеніе онъ помертвѣлъ; глаза его тупо остановились, стеклышко выпало изъ глаза, рука, державшая Наденьку, опустилась. Онъ походилъ на человѣка, внезапно захваченнаго въ преступленіи, которое лишаетъ чести и добраго имени; это было, впрочемъ, только мгновеніе, послѣ котораго онъ оправился, вставилъ въ глазъ стеклышко, приподнялъ шляпу и улыбнулся, но такой натянутой улыбкой, которая болѣе походила на гримасу.

— Madame la comtesse, произнесъ онъ, сдѣлавъ шагъ къ великолѣпной дамѣ.

— Est-ce vous, monsieur le Baron? сказала графиня съ полуулыбкой, измѣривъ Наденьку съ ногъ до головы бѣглымъ взглядомъ и обведя всѣхъ насъ остальныхъ головою.

Болѣе я ничего не слыхалъ, потому что баронъ пошелъ рядомъ съ графиней, удаляясь отъ насъ и разговаривая съ ней очень тихо. Они скоро присоединились къ своему обществу и я видѣлъ, какъ онъ, совершенно смущенный, началъ пожимать руки великолѣпныхъ мужчинъ и дамъ, которые, какъ можно было догадаться, распрашивали его объ насъ, потому что въ то же время бросали косвенные взгляды въ нашу сторону.

Наденька нѣсколько минутъ какъ вкопаная стояла на мѣстѣ, оставленная своимъ кавалеромъ.

Веретенниковъ же только-что взошелъ на площадку, какъ тотчасъ попятился назадъ, побѣжалъ съ горы и скрылся.

Астрабатовъ показалъ мнѣ на него.

— И эта разкрахмаленная кукла туда же! сказалъ онъ, качая головой: — прячется въ кусты, тоны задаетъ, боится, видишь ли, чтобы его не замѣтили съ нами; мы, душа моя, недостаточно комъ-иль-фо для него. А вѣдь я полагаю, что эдакого мухортика и не замѣтили бы эти Талейраны-то. (Онъ мигнулъ на великолѣпнаго господина, изобрѣтшаго теорію поклоновъ). Ну, а что касается до вонъ этихъ маркизъ, которыя кидаютъ на насъ эдакіе косвенные съ подходцемъ, такъ онѣ и во снѣ-то не видали, что такое мусье Веретенниковъ, даромъ что его четвероюродный братъ женатъ на какой-то мамзелѣ, троюродная сестра которой жила въ компаньонкахъ у барыни, которая приходится въ седьмомъ колѣнѣ родственницей какой-то графинѣ.... Чегожь тутъ въ кусты прятаться?

Эта встрѣча вдругъ совершенно разстроила все общество; всѣ пришли въ какое-то замѣшательство, всѣмъ сдѣлалось неловко, всѣ притихли, всѣ оробѣли, сами, впрочемъ, не зная, отчего; наши дамы изподтишка съ подобострастіемъ начали пожирать глазами тѣхъ дамъ: ихъ шляпки, бурнусы, мантильи, движенія, взгляды, и прочее. Закатъ солнца былъ совершенно забытъ.

А между тѣмъ солнце уже только вполовину было видно изъ-за горизонта. Охвативъ часть лѣса своимъ красноватымъ огнемъ, оно быстро скрылось, но еще на облакахъ долго потомъ отражался закатъ его блѣдно-палевымъ цвѣтомъ; и было что-то

успокоительное въ тишинѣ синѣющей ночи, нарушавшейся звонкимъ трещаніемъ стрекозы, и въ необозримой дали, исчезавшей въ бѣловатыхъ парахъ.

Наденька все стояла одна, поодаль отъ всѣхъ, блѣдная и потерянная, и смотрѣла въ эту даль....

Щелкалова мы и не видали болѣе; онъ не только не подходилъ ни къ кому изъ насъ; но какъ будто боялся даже взглянуть въ нашу сторону и отправился съ великолѣпнымъ обществомъ.

Мы возвратились въ нашъ флигель уже безъ стиховъ и пѣсенъ... Дорогою всѣхъ говорливѣе былъ Астрабатовъ, всѣхъ молчаливѣе Наденька и Лидія Ивановна.

У порога флигеля насъ встрѣтилъ Веретенниковъ.

— Что, душа моя, сказалъ ему Астрабатовъ: — ты такъ вдругъ какъ будто въ воду канулъ, а объ тебѣ тамъ всѣ эти княгини и графини очень безпокоились. Онѣ узнали, что ты съ нами, и все говорили: да гдѣ же это мусье Веретенниковъ? подавайте намъ мусье Веретенникова!

Астрабатовъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Ты, канашка, знаешь видно, гдѣ раки-то зимуютъ. Тебѣ подавай все эдакихъ въ амбре да въ валансьенскихъ круженвахъ!

Веретенниковъ поправилъ свои воротнички, приподнялъ голову, взглянулъ на Астрабатова и пробормоталъ сквозь зубы:

— Это остроуміе, что ли?

И потомъ обратился ко мнѣ:

— А вы слышали, что Щелкаловъ уѣхалъ? говорятъ, графиня Софья Александровна увезла его съ собою.

— Это, я думаю, не совсѣмъ деликатно со стороны его, замѣтилъ я.

Въ самомъ дѣлѣ, минутъ черезъ пять управляющій явился къ Лидіи Ивановнѣ и объявилъ ей, что «баронъ приказали-де очень извиниться передъ всѣми, что они должны были уѣхать съ ихъ сіятельствомъ графиней Софьей Александровной и что они-дескать просятъ г. Веретенникова вмѣсто нихъ распорядиться танцами и всѣмъ».

— Mr. Веретенниковъ, вы слышали? сказала Лидія Ивановна съ иронической улыбкой: — извольте же исполнить порученіе барона. Примите на себя всѣ распоряженія. Вѣрно ужь

встрѣтилось какое нибудь очень непредвидѣнное обстоятельство, что баронъ такъ неожиданно оставилъ насъ.

Лидія Ивановна въ высшей степени была оскорблена поступкомъ Щелкалова и едва могла скрывать это; Иванъ Алексѣичъ пришелъ отъ того также въ немалое замѣшательство, тѣмъ болѣе, что всѣ приставали къ нему съ барономъ.

— Я, господа, говорилъ онъ: — не отвѣчаю ни за кого, кромѣ самого себя. Что мнѣ такое баронъ? Я всегда зналъ, что онъ пустой человѣкъ и, какъ всѣ свѣтскіе люди, разсѣянный; онъ за полчаса не можетъ отвѣчать за себя; но все-таки онъ имѣетъ свои достоинства. Притомъ, что ни говорите, онъ очень уменъ, господа!

И Иванъ Алексѣичъ значительно покачалъ головою.

Начались танцы, но они шли какъ-то вяло. Веретенниковъ не умѣлъ или не хотѣлъ дережировать ими. Онъ важно расхаживалъ по залѣ, поправляя свои воротнички и повременамъ взглядывалъ на себя въ зеркало. На бѣдную Наденьку жалко было смотрѣть — она усиливалась казаться веселою и безпрестанно измѣняла себѣ. Ея волненіе и разстройство бросалось всѣмъ въ глаза. Только двѣ пары веселились отъ души и танцовали съ жаромъ — влюбленный молодой человѣкъ съ бойкой барышней, для которой онъ, казалось, уже совершенно забылъ Наденьку, и Аменаида Александровна съ Астрабатовымъ, который, танцуя, выдѣлывалъ различныя штуки: поводилъ плечами и глазами, дѣлалъ удивительныя антраша, прижималъ руку своей дамы къ своему сердцу, и даже становился передъ нею на колѣни.

Несмотря на это, все какъ-то не клеилось, и мы разъѣхались въ исходѣ одинадцатаго часа.

Съ этого дня Богъ-знаетъ какіе слухи и сплетни начали распространять про бѣдную Наденьку...

Прошло двѣ недѣли послѣ этого пикника. Грибановы уже перебрались въ городъ. Я зашелъ къ нимъ, и нашелъ все семейство въ разстройствѣ: Наденька была нездорова; Лидія Ивановна не имѣла той пріятности и предупредительности въ лицѣ, какъ

обыкновенно; Иванъ Алексѣичъ былъ раздраженъ, и старикъ даже немного грустенъ....

Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ о здоровьѣ и о прочемъ, Лидія Ивановна съ довольно ядовитою усмѣшкою объявила мнѣ новость о томъ, что Ѳедоръ Васильичъ (молодой человѣкъ, влюбленный въ Наденьку) уже объявленъ формально женихомъ Ольги Ивановны (бойкой барышни) и что у него есть богатый дядя, который даетъ ему, говорятъ, сто тысячъ.

— Подцѣпила женишка хоть куда! прибавила въ заключеніе Лидія Ивановна: — и не мудрено. Ужь такая бойкая особа, что бѣда!...

— А вы знаете, какую штуку сыгралъ съ нами этотъ баронъ-то? сказалъ Иванъ Алексѣичъ, ходя по комнатѣ и вдругъ остановившись передо мною.

— То, что онъ тогда убѣжалъ отъ насъ?

— Чтó! это бы еще ничего! Нѣтъ, послушайте. Вчерашній день является къ папенькѣ этотъ поваръ, французъ Дюбо. Папенька, натурально, удивился, зачѣмъ... Что же оказывается, какъ вы думаете?—Надобно вамъ сказать, что этотъ Дюбо теперь безъ мѣста: онъ въ продолженіе нынѣшняго лѣта бралъ на себя устройство пикниковъ, различныхъ загородныхъ parties de plaisir и прочее. Онъ давно извѣстенъ почти всей этой богатой молодежи и по ней знаетъ барона и, разумѣется, считаетъ его также богачемъ. Баронъ адресовался къ нему насчетъ нашего пикника, и Дюбо обязался устроить все самымъ лучшимъ образомъ, какъ и было, за пятьсотъ рублей. Баронъ далъ ему сто рублей задатку, да въ день самого пикника пятьдесятъ,—тѣмъ все и кончилось. За остальными триста-пятидесятью рублями онъ ходилъ къ нему ежедневно, и баронъ все говорилъ: «завтра», наконецъ объявилъ ему, что еще не собралъ деньги, что у него теперь нѣтъ своихъ, что будто бы... слышете? папенька взялся собирать и что онъ ждетъ отъ него этихъ денегъ съ часу на часъ, да на другой день и улизнулъ въ Москву. Дюбо, разумѣется, пришелъ къ папенькѣ, объяснилъ все: говоритъ, что онъ въ ужасномъ положеніи, что съ него требуютъ и погребщики и фруктовщики, что на него хотятъ подать жалобу, и прочее. Хорошо, что у папеньки случились триста-пятьдесятъ рублей, онъ отдалъ послѣднія. Какъ вамъ это нравится?... Папенька сдѣлалъ еще неосторожность, прибавилъ Иванъ Алексѣичъ, немного пріостановившись: — онъ далъ ему

двѣ тысячи въ займы. Вотъ худо, если эти деньги пропадутъ, а послѣ всего этого, очень можетъ статься....

— Ну, полно, Иванъ! возразилъ старикъ, нѣсколько нахмурясь и махнувъ рукой. — Богъ съ нимъ!... Нѣтъ, онъ отдастъ всѣ эти деньги... я увѣренъ... немножко замотался, знаешь, да не съумѣлъ вывернуться вовремя. Это, конечно, нехорошо; но онъ поправитъ все, я увѣренъ. Вы, пожалуйста, только никому не разсказывайте этого, сказалъ мнѣ Алексѣй Аѳанасьичъ самымъ убѣдительнымъ голосомъ.

Но я, однако же, не выдержалъ и все разсказалъ господину съ злымъ языкомъ. Тотъ выслушалъ меня, улыбнулся и сказалъ:

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что онъ кончитъ дурно. Теперь еще какая-то Армансъ въ два дня вскружила ему голову, и онъ чортъ знаетъ зачѣмъ поѣхалъ съ ней въ Москву. Неисправимъ, батюшка, ничѣмъ неисправимъ!... Впрочемъ, вы успокойте этого господина Грибанова: его деньги не пропадутъ, я вамъ за нихъ отвѣчаю.

И, въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ по возвращеніи Щелкалова изъ Москвы и черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я видѣлся съ нашимъ пріятелемъ, Алексѣй Аѳанасьичъ получилъ триста-пятьдесятъ рублей, но при самомъ, впрочемъ, грубомъ письмѣ, да еще съ наставленіями.

«Я не привыкъ — писалъ ему Щелкаловъ — чтобы кто нибудь сомнѣвался въ моей чести, и никому не позволю этого. Вамъ не слѣдовало платить деньги Дюбо ни въ какомъ случаѣ и вмѣшиваться въ мои съ нимъ счеты: отвѣчалъ за все я; а отдавъ ему эти деньги, вы показали свое сомнѣніе въ отношеніи ко мнѣ.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ томъ, что я никогда не былъ и не буду несостоятельнымъ должникомъ, въ чемъ вы убѣдитесь, получивъ аккуратно въ день срока деньги, которыми вы меня ссудили, съ причитающимися на нихъ процентами.

«Имѣю честь быть....» и прочее.

Алексѣй Аѳанасьичъ нисколько, впрочемъ, не оскорбился этимъ: онъ отдалъ намъ письмо, улыбаясь.

— Спрашивается, какже назвать такого молодца? спросилъ глубокомысленно Пруденскій, пробѣжавъ письмо черезъ свои очки и возвращая его Алексѣю Аѳанасьичу.

Въ числѣ присутствовавшихъ тутъ въ эту минуту находился

одинъ господинъ, чрезвычайно веселый, юмористъ и славный разсказчикъ.

— Я знаю, какъ, возразилъ онъ. — Это *хлыщъ!* Такихъ господъ надобно непремѣнно звать *хлыщами*.

— Что̀ такое? воскликнулъ Алексѣй Аѳанасьичъ, расхохотавшись: — какъ? какъ? повтори-ка еще.

— *Хлыщъ!*

— Да что̀ же такое это значи́тъ? Какое это слово? откуда оно? Я первый разъ его слышу.

— Ну, объ этимологіи его вы меня, пожалуйста, не спрашивайте. Я не знаю. Это слово у меня такъ сорвалось съ языка; но мнѣ кажется, что оно совершенно характеризуетъ такого рода господъ, какъ, напримѣръ, вашъ баронъ.

Намъ всѣмъ очень понравилось это слово; мы приняли его безъ возраженій и недавно пустили въ ходъ. Теперь оно, по нашей милости, начинаетъ распространяться.

— Ну, а Астрабатовъ—это что̀ такое? спросилъ Иванъ Алексѣичъ.

— Это также хлыщъ, отвѣчалъ веселый господинъ:—только баронъ — великосвѣтскій хлыщъ, а этотъ — трактирный. Вѣдь хлыщи бываютъ различныхъ родовъ. Конечно, баронъ и Астрабатовъ, въ своемъ родѣ, недурные образцы хлыщей; но есть еще лучше. Я когда нибудь представлю вамъ нѣсколько экземпляровъ, довольно забавныхъ....

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ХЛЫЩЪ.

ОЧЕРКИ НРАВОВЪ.

I.

ДѢТСТВО.

Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда меня рѣшили отдать въ благородный пансіонъ. День отъѣзда моего изъ дома останется незабвеннымъ въ моей жизни. Карета уже была заложена и стояла у крыльца. Маменька, въ шляпкѣ съ цвѣтами, весело разговаривала съ проживалкой въ залѣ, куда собралась вся наша дворня: лакеи, горничныя, казачки, судомойки, поломойки и проч., провожать меня. Я стоялъ, совсѣмъ уже готовый къ отъѣзду, возлѣ моей старой няни, которая заливалась слезами и отъ времени до времени цаловала меня, произнося задыхающимся голосомъ: «Голубчикъ ты мой!» Сердце мое болѣзненно билось, слезы безпрестанно выступали на глаза. Мысль, что я разстаюсь съ роднымъ кровомъ, со всѣмъ близкимъ мнѣ: съ моимъ добрымъ дѣдушкой, съ няней; что я не буду ночевать въ своей комна-

тѣ, на своей постели, подъ своимъ одѣяломъ, не увижу кота Ваньку, мурлыкающаго противъ на лежанкѣ—все это вмѣстѣ казалось мнѣ ужаснымъ, и я едва удерживался, чтобы не зарыдать вслухъ. Дверь изъ кабинета въ залу отворилась, и на порогѣ появился дѣдушка. На немъ былъ фракъ съ стоячимъ воротникомъ, бѣлый галстукъ, рубашка съ маншетами, панталоны, застегнутые у колѣнъ пряжками, и сверхъ бѣлыхъ чулковъ высокіе сапоги; волосы его были тщательно причесаны по старинной модѣ и напудрены. Свѣтлое лицо его, полное кротости, любви и доброты, было серьёзнѣе обыкновеннаго. Дѣдушка, какъ будто не замѣчая никого, прямо подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, крѣпко поцаловалъ, перекрестилъ и произнесъ: «Господь съ тобою! учись прилежно: этимъ ты утѣшишь свою мать и меня... Въ субботу я самъ за тобой пріѣду....» И онъ еще разъ поцаловалъ и перекрестилъ меня. Всѣ на минуту присѣли и потомъ поднялись. Няня начала укутывать меня, не выдержала и зарыдала. Всѣ люди смотрѣли на меня жалостливо. «Полно, няня, полно,» говорилъ дѣдушка, «какъ тебѣ нестыдно. Вѣдь я черезъ шесть дней привезу его тебѣ... О чемъ плакать?» Но голосъ дѣдушки нѣсколько дрожалъ, на глазахъ его также показались слезы, хотя онъ старался удерживать ихъ и улыбался своей привлекательной, симпатической улыбкой... Я цаловалъ руку дѣдушки и какъ ни крѣпился, а мои слезы крупными каплями падали на его морщинистую руку.

— Ну, поѣдемъ, мой другъ! сказала маменька, вытирая глаза платкомъ. —Простись со всѣми людьми.

Я кланялся имъ, всхлипывая; они кланялись мнѣ; нѣкоторыя изъ женщинъ плакали; появился и котъ Ванька, который также смотрѣлъ на меня какъ-то жалостливо. «Простись съ Ванькой-то, батюшка!» сказала мнѣ няня, утирая слезы.... Я наклонился къ Ванькѣ, погладилъ его и поцаловалъ. Дѣдушка надѣлъ шубу и шапку и вышелъ провожать меня на крыльцо; за нимъ двинулась вся дворня. Няня не выпускала моей руки до той минуты, когда я занесъ ногу на ступеньку кареты.

— Няня, няня! кричалъ дѣдушка: — поди въ комнату. Ты простудишься: ты въ одномъ платьѣ.

Но няня не слышала ничего. Съ выбившимися изъ-подъ платка сѣдыми волосами, съ глазами, распухшими отъ слезъ, она не спускала глазъ съ окна кареты, въ которое глядѣлъ я, дѣлала мнѣ различные привѣтливые знаки, крестила меня и кричала мнѣ:

— Шейку-то закрой, батюшка, шейку-то! у тебя шейка открыта.

Дѣдушка также все смотрѣлъ на меня, улыбался и кивалъ мнѣ головой.

Карета двинулась... Я въ послѣдній разъ высунулся изъ окна. Людей уже никого не было. На крыльцѣ оставались только дѣдушка и няня, — дѣдушка, осѣнявшій меня крестнымъ знаменіемъ, няня—кричавшая мнѣ въ совершенномъ отчаяніи: «Прощай, голубчикъ ты мой! прощай, родной ты мой!»

У меня замерло сердце, и я упалъ головою къ колѣнямъ, зарыдавъ и залившись слезами.

На полдорогѣ, когда я пришелъ въ себя и вытеръ глаза, маменька поцаловала меня и сказала:

— Ну, перестань! полно... хорошо ли, пріѣдешь въ пансіонъ съ распухшими глазами? Вѣдь надъ тобой всѣ будутъ смѣяться. И о чемъ такъ плакать, я не понимаю! Вѣдь не вѣчно же тебѣ сидѣть съ дѣдушкой и нянькой... Тебѣ ужь, кажется, пора отвыкать отъ няньки. И тебя отдаютъ не въ какую нибудь народную школу: ты вступаешь въ пансіонъ, гдѣ все дѣти богатыхъ и знатныхъ отцовъ, все генеральскія, графскія и княжескія дѣти; тебѣ должно быть пріятно имѣть такихъ товарищей. Эта мысль должна утѣшать тебя. Старайся понравится товарищамъ, заслужить ихъ любовь. Это можетъ быть тебѣ полезно современемъ.

Маменька вздохнула и прибавила, какъ будто про себя:

— Въ жизни главное — хорошія знакомства и связи!

Когда мы вышли изъ кареты и всходили на лѣстницу къ директору, съ семействомъ котораго маменька уже предварительно познакомилась, съ лѣстницы навстрѣчу къ намъ сбѣгалъ мальчикъ лѣтъ 15, мой будущій товарищъ, съ бѣлымъ, румянымъ и круглымъ лицомъ, съ карими масляными глазками, съ волосами, густо напомаженными и тщательно приглаженными, въ форменномъ собственномъ сюртукѣ очень тонкаго сукна, съ перетянутой таліей.

Маменька остановила его вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить, миленькій, господинъ директоръ дома?

Мальчикъ очень ловко раскланялся и отвѣчалъ:

— Дома-съ; я сейчасъ только отъ него.

— А я вамъ привезла новаго товарища, продолжала маменька съ любезною улыбкою:—это сынъ мой Полюбите его.

Мальчикъ взглянулъ на меня, наклонилъ голову, улыбнулся, вынулъ изъ кармана тонкій платокъ, который пахнулъ духами, поднесъ его къ носу, пробормоталъ: «очень радъ-съ», еще разъ раскланялся маменькѣ и побѣжалъ.

— Какой прелестный мальчикъ! замѣтила маменька: — и какія у него манеры! Вотъ тебѣ образецъ. Сейчасъ видно, что это благовоспитанное дитя, изъ хорошаго дома.

Мальчикъ, дѣйствительно, въ первое время моего пребыванія въ пансіонѣ былъ для меня образцомъ, къ удовольствію моей доброй маменьки.

Фамилія его была Летищевъ — фамилія не совсѣмъ аристократическая, но онъ имѣлъ довольно важное, хотя отдаленное родство съ материной стороны. Маменька его причиталась троюродной сестрой одному графу, занимавшему значительную должность при Дворѣ, котораго она называла всегда *кузеномъ*. Отецъ Летищева умеръ въ чинѣ гвардіи полковника, за нѣсколько лѣтъ до вступленія сына въ пансіонъ, оставивъ въ наслѣдство женѣ и сыну огромные долги. Г-жа Летищева, по смерти мужа, несмотря на затруднительныя обстоятельства, не стѣсняла образа своей жизни. Когда, говорятъ, одинъ изъ родственниковъ ея мужа, вошедшій въ ея дѣла по ея просьбѣ, рѣшился деликатно замѣтить ей, «что если все опять пойдетъ такъ, то можетъ кончиться худо», она захохотала, измѣрила его съ ногъ до головы и сказала:

— Напримѣръ? что̀ вы разумѣете — худо?

— Да векселя будутъ представлены ко взысканію, имѣніе продано съ аукціоннаго торга, вы останетесь ни съ чѣмъ, и, можетъ быть....

— Что̀ можетъ быть?

— Вы меня извините, но можетъ кончиться тѣмъ, что васъ посадятъ въ тюрьму.

— Меня? въ тюрьму? воскликнула она.—Это мнѣ нравится. Во первыхъ, кто же сажаетъ порядочныхъ женщинъ въ тюрьмы? Сажаютъ бродягъ.... вонъ что̀ ходятъ по улицѣ. А къ тому же я — вы, вѣрно, не взяли этого въ соображеніе — по рожденію графиня Каленская... Александръ Ѳедорычъ мой... cousin.

— Все это я знаю, возразилъ родственникъ: — все это очень хорошо, но только законъ не беретъ ничего этого въ соображеніе.

— Какой законъ! Что такое? Богъ знаетъ, что вы говорите! Позвольте мнѣ вамъ сказать, что всѣ порядочные люди въ долгу, какъ въ шелку, однакожь, всѣ, слава Богу, живутъ, даютъ балы, выѣзжаютъ, и никого не сажаютъ въ тюрьмы....

Послѣ такихъ убѣдительныхъ возраженій, разсуждать было нечего: родственнику оставалось только раскланяться родственницѣ и оставить ее въ покоѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Все это я узналъ впослѣдствіи. Въ пансіонѣ же мы считали Летищева страшнымъ богачемъ, потому что онъ уѣзжалъ изъ пансіона и пріѣзжалъ въ пансіонъ въ каретѣ четверней на выносъ, привозилъ изъ дому множество конфектъ и разныхъ сластей, разсказывалъ о томъ, какой у маменьки бываетъ пріѣздъ, сколько у дяденьки-графа орденовъ, звѣздъ и комнатъ, какъ дяденька его любитъ, и проч., при чемъ прибавлялъ, что у дяденьки нѣтъ наслѣдниковъ и что маменька говоритъ, что онъ будетъ дяденькинымъ наслѣдникомъ. Нѣкоторые товарищи не совсѣмъ довѣряли Колѣ Летищеву, особенно касательно его дяденьки, зная привычку Коли все нѣсколько преувеличивать и пускать пыль въ глаза; но когда однажды самъ дяденька, во всемъ блескѣ и во всѣхъ украшеніяхъ, явился въ пансіонъ, произведя величайшее смущеніе и суматоху, и, потрепавъ племянника по щекѣ, отдалъ ему, въ присутствіи директора и столпившихся кругомъ учениковъ, билетъ въ ложу и произнесъ:

— Вотъ тебѣ, Өедя, ложа въ театръ. Пригласи своихъ товарищей. Г. директоръ отпускаетъ васъ на сегодняшній спектакль, по моей просьбѣ.

Послѣ этого никто уже въ пансіонѣ, начиная съ директора до послѣдняго сторожа, не сомнѣвался, что Летищевъ его наслѣдникъ, и не только начальство, даже многіе изъ товарищей начали поглядывать на Летищева какъ-то иначе, гораздо привѣтливѣе, а сторожа обнаруживать передъ нимъ бо̀льшую угодливость и вѣжливость.

Коля, послѣ дяденькинаго визита, возмечталъ о себѣ ужасно; его смущало только одно, что графъ назвалъ его при всѣхъ Өедей, вмѣсто Коли, и далъ поводъ нѣкоторымъ товарищамъ подтрунивать надъ тѣмъ, что дядя не знаетъ его имени, что

онъ, вѣрно, видитъ его въ первый разъ въ жизни, и тому подобное.

Впрочемъ, къ Колѣ и приставали умѣренно. Всѣ—не то, чтобы любили его, а такъ, чувствовали къ нему особое какое-то пріятное расположеніе, безсознательно образовавшееся вслѣдствіе четверни на выносъ, пріѣзжавшей за нимъ въ пансіонъ, его тонкаго собственнаго сюртука, стклянки духовъ и банки съ помадой, которыя лежали въ шкапчикѣ у его постели, вмѣстѣ съ щеткой изъ слоновой кости и съ конфектами, и знатнаго родственника съ украшеніями.

Коля не отличался ни особенными умственными способностями, ни большимъ прилежаніемъ; но онъ имѣлъ даръ показываться всегда на первомъ планѣ. Онъ вдругъ бралъ смѣлостію то, что другіе пріобрѣтали постепенно усиленными трудами. Онъ озадачивалъ и приводилъ въ совершенное смущеніе учителей. Когда доходила очередь до него, онъ вскакивалъ съ своей скамейки, съ самоувѣренностію отрѣзывалъ урокъ безъ остановки, не запнувшись ни на одномъ словѣ и, не давая учителю времени опомниться, садился на скамейку торжествующимъ. Учитель, послѣ минуты сомнѣнія, покачивалъ обыкновенно головою и ставилъ ему хорошіе балы. Послѣ классовъ, Коля умѣлъ очень ловко вступать въ разговоръ съ учителемъ и вставлять въ этотъ разговоръ имя дяденьки-графа. Вслѣдствіе всего этого, Коля, плохо учившись, умѣлъ прослыть прилежнымъ ученикомъ, и его ставили въ примѣръ товарищамъ, которые были во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучше его. Директоръ звалъ его не иначе, какъ Николаемъ Андреичемъ, а директорша, величайшая охотница до танцевъ, была отъ него въ восхищеніи, потому что на ея танцовальныхъ вечерахъ, которые бывали довольно часто, Коля отличался, какъ большой, угождалъ ей и ея дочерямъ, любезничалъ съ дамами и танцовалъ, какъ никто....

— Что это за чудный мальчикъ! хоромъ твердили обыкновенно гости директорши, жены учителей, гувернеровъ и инспекторовъ. — Нельзя налюбоваться имъ.

— О, да! и притомъ говоритъ по французски, какъ французъ! Онъ пойдетъ далеко, замѣчала директорша: — и не мудрено: онъ родной племянникъ и наслѣдникъ графа Каленскаго.... Притомъ, онъ одинъ сынъ у матери, которая обожаетъ его. Ахъ, какая она милая дама и, притомъ, съ какимъ богат-

ствомъ, съ какимъ вкусомъ одѣвается!... Что мудренаго: она ѣздитъ ко Двору, она была фрейлиной.... У насъ много княжескихъ и графскихъ дѣтей; но Колю Летищева ведутъ такъ, что онъ ни въ чемъ не уступитъ ни графскимъ, ни княжескимъ дѣтямъ. Его еще лучше держатъ.

— Онъ, замѣчала при этомъ инспекторша: — я слышала отъ ихней компаньонки, Луизы Ивановны, дома носитъ не иначе, какъ батистовое бѣлье....

Колю не жаловали только тѣ, очень, впрочемъ, немногіе, изъ товарищей, которые на аристократовъ поглядывали вообще мрачно. Эти немногіе причисляли къ аристократамъ вообще всѣхъ тѣхъ, которые хорошо говорили по французски, занимались своимъ туалетомъ и имѣли, какъ говорится, хорошія манеры. Одинъ изъ этихъ преслѣдователей аристократіи во всемъ, молодой человѣкъ, коренастый и косой, которому на видъ можно было дать лѣтъ двадцать, ужасно перепугалъ однажды колину маменьку. Онъ былъ въ пріемной комнатѣ въ ту минуту, когда она пріѣхала и прямо вошла въ эту комнату, вся въ соболяхъ и въ бархатахъ.

— Вызовите мнѣ, пожалуйста, моего сына, произнесла она по французски, обращаясь къ нему.

Ученикъ, ненавистникъ аристократовъ, взглянулъ изъ подлобья своими косыми глазами на барыню въ соболяхъ и бархатахъ, сжалъ свои кулаки, что онъ дѣлалъ только въ минуты совершеннаго замѣшательства, и произнесъ густымъ басомъ:

— Кё?

Барыня чуть не упала въ обморокъ при этомъ *Кё* и при этихъ кулаках; но, къ счастію, въ эту минуту вбѣжалъ директоръ, узнавшій о ея пріѣздѣ. Директоръ, грознымъ голосомъ и страшно нахмурясь, закричалъ на косаго ученика:

— Что вы здѣсь дѣлаете? Подите вонъ!...

И бросился, съ низкими поклонами и пріятнѣйшими улыбками, къ барынѣ, мгновенно измѣнивъ свой грубый голосъ въ самый мягкій и вкрадчивый.

— Quelle horreur! произнесла колина маменька, приходя въ себя: — какъ онъ меня перепугалъ! Неужели это вашъ воспитанникъ товарищъ моего сына?...

— Да-съ, что дѣлать! Къ сожалѣнію, отвѣчалъ директоръ съ глубокимъ вздохомъ: — это какой-то Митрофанъ, прямо привезенный къ намъ изъ деревни.

— Ты, пожалуйста, мой милый, повторяла она потомъ своему сыну: — держи себя подальше отъ этого страшнаго вашего ученика, который говоритъ: *Кё*.... Это какое-то чудовище.... И какой онъ ученикъ? ему пора жениться.

Колѣ, впрочемъ, не для чего было дѣлать эти наставленія, потому что Коля и безъ того держался въ кругу самомъ избранномъ, т. е. между товарищами съ именами и съ деньгами. Чтò же касается до косаго ученика, произнесшаго *кё*, то онъ вовсе не былъ такъ страшенъ, какъ полагала колина маменька: кроткій, трудолюбивый, прямой и честный по натурѣ, онъ не могъ выносить только одного, когда видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ его товарищей ухаживали за аристократами, льнули къ нимъ, сіяли счастіемъ, прохаживаясь съ ними подъ руку по корридорамъ, въ виду всѣхъ. При такомъ зрѣлищѣ, косой ученикъ всегда плевалъ и произносилъ:

«— Ахъ, подлипалы поганые, сволочь!»

Бòльшая часть товарищей смотрѣли на него, какъ на юродиваго. Ученики низшихъ классовъ бѣгали за нимъ и дразнили его: показывали ему языки, корчили гримасы, дергали его за фалды, и тогда, выведенный изъ терпѣнія, онъ схватывалъ перваго попавшагося ему подъ руки и начиналъ его такъ ломать, что у бѣднаго только кости хрустѣли. Оттого онъ получилъ прозваніе *костолома*; но у этого костолома было самое мягкое и нѣжное сердце: разъ, когда, играя въ лапту, онъ нечаянно хватилъ палкой по носу одного ученика и чуть не проломилъ ему кости на носу, онъ притворился больнымъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ итти въ больницу; втеченіе мѣсяца не отходилъ отъ его постели, ухаживалъ за нимъ, какъ сидѣлка, измѣнился, похудѣлъ и чуть самъ не слегъ въ постель, успокоясь только тогда, когда подбитый имъ товарищъ началъ выздоравливать.

Однажды, во время гулянья — это было въ половинѣ августа—послѣ каникулъ, воспитанники играли, бѣгали и ходили по широкому двору, усыпанному пескомъ и обнесенному липовой аллей. На этомъ дворѣ, между двухъ выдавшихся флигелей, расположенъ былъ небольшой садикъ съ клумбами цвѣтовъ — фантазія инспектора, имѣвшаго большія наклонности къ садоводству. Косой ненавистникъ аристократовъ, Скуляковъ, котораго, кромѣ костолома, товарищи звали также Кулаковымъ, занимался копаніемъ грядки: земляная работа была его страсть. Нѣкоторые изъ его враговъ аристократовъ и между ними Коля

прогуливались подъ руку по дорожкамъ садика. Коля нечаянно, а можетъ быть и съ намѣреніемъ, проходя мимо Скулякова, толкнулъ его и, не обращая на него вниманія, прошелъ дальше. Скуляковъ воткнулъ лопатку въ землю, скосилъ глаза болѣе обыкновеннаго и закричалъ Колѣ:

— Эй вы, послушайте! что̀ вы толкаетесь-то?

Коля продолжалъ итти, не удостоивъ даже обернуться на эти слова.

Скуляковъ поблѣднѣлъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу и остановился прямо передъ нимъ. Коля взглянулъ на него, измѣнился въ лицѣ, но старался принять на себя видъ беззаботный и равнодушный.

— Я вамъ говорю, какъ вы смѣете толкаться! повторилъ Скуляковъ.

— Извините! пробормоталъ Коля небрежно, взглянувъ съ улыбкою на товарища, съ которымъ прогуливался: — я нечаянно, я васъ вовсе не замѣтилъ, — и сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы продолжать свой путь.

Скуляковъ загородилъ ему дорогу.

— Вы думаете, продолжалъ онъ: — что у васъ тонкій сюртукъ, что вы душитесь и помадитесь, да височки прилизываете, да хвастаетесь своимъ дядей, да по французски болтаете, такъ вы можете толкаться, не извиняясь... а это на что̀? — Скуляковъ засучилъ рукавъ своего сюртука, сжалъ посинѣвшій отъ синяго казеннаго сукна свой огромный кулакъ и подставилъ его передъ глазами Коли. — Видите?

На эту сцену сбѣжалось нѣсколько любопытныхъ, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ.

Коля сказалъ:

— Что̀ жь, вы воображаете, что испугаете меня, что ли, вашимъ кулакомъ?

— Да ужь я тамъ не знаю, а я вотъ только что̀ вамъ скажу... вотъ всѣ будутъ свидѣтелями. — И Скуляковъ обвелъ своими косыми глазами собравшихся. — Если только вы когда нибудь посмѣете сдѣлать мнѣ какую нибудь грубость, то̀ я вамъ кости переломаю.... слышите? Недаромъ же вы зовете меня костоломомъ.... Помните же!

Произнеся это, Скуляковъ обернулся назадъ, очень спокойно возвратился къ своей грядкѣ, взялъ лопатку и продолжалъ свою работу.

Коля былъ нѣсколько минутъ послѣ этого въ страшномъ волненіи. Онъ вышелъ изъ садика, сопровождаемый недвусмысленными улыбками свидѣтелей этой сцены; видѣлъ эти улыбки, и самолюбіе его было страшно уязвлено, тѣмъ болѣе, что Скуляковъ, несмотря на свои лѣта, былъ ниже его классомъ. Коля выходилъ изъ себя, ужасно горячился и черезъ минуту послѣ этого, въ своемъ классѣ, ударивъ рукою по столу, закричалъ:

— Съ этимъ мужикомъ я не могъ ничего сдѣлать.... Вѣдь нельзя же мнѣ связываться съ нимъ, когда онъ лѣзетъ съ кулаками.... Если бы у меня была шпага или пистолетъ — это другое дѣло. Но это ему не пройдетъ даромъ: я вамъ даю честное слово, господа, что послѣ выпуска я буду съ нимъ стрѣляться.

И Коля, говоря это, расхаживалъ по классу пѣтушкомъ, вздиралъ голову кверху, гордо улыбался и корчилъ совершеннаго героя. Воображеніе успокоило нѣсколько его самолюбіе. Однако, послѣ этого онъ вообще старался избѣгать встрѣчъ съ Скуляковымъ, а при неизбѣжныхъ встрѣчахъ очень осторожно обходилъ его и при этомъ даже нѣсколько смягчалъ выраженіе своего лица. Послѣ этой сцены Коля, впрочемъ, нѣсколько понизился во мнѣніи товарищей, а на Скулякова даже и нѣкоторые изъ аристократовъ начали посматривать иначе и вели себя въ отношеніи къ нему гораздо осторожнѣе.

Ко мнѣ Коля чувствовалъ расположеніе, хотя посматривалъ на меня свысока, какъ воспитанники старшихъ классовъ обыкновенно смотрятъ на младшихъ. Онъ протежировалъ меня, вѣроятно, потому, что видѣлъ мои усилія подражать его манерамъ, походкѣ и прическѣ. Коля былъ только двумя годами старше меня; но эти два года неизмѣримо раздѣляли насъ. Ему было уже шестнадцать лѣтъ, и онъ подбривалъ пушокъ, едва показывавшійся на его усахъ, когда разъ въ субботу, передъ роспускомъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Если васъ отпустятъ завтра изъ дому, пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать. У меня обѣдаютъ наши — князь Броницынъ и еще кое-кто.... Отпроситесь изъ дому. Я васъ познакомлю съ маменькой.

Я отвѣчалъ:

— Непремѣнно буду.

Непремѣнно я не могъ сказать, потому что еще не совсѣмъ былъ увѣренъ, отпустятъ ли меня; но это слово невольно сорвалось у меня съ языка, потому что я хотѣлъ показать, что уже не ребенокъ и пользуюсь нѣкоторою независимостью.

Отправляясь домой, я все мечталъ о слѣдующемъ днѣ; но при мысли быть представленнымъ колинькиной маменькѣ, которая на видъ была такая гордая, робость овладѣла мной, и желаніе быть у Коли начало бороться во мнѣ съ этою робостію.

Я объявилъ дѣдушкѣ и маменькѣ о полученномъ мною приглашеніи, упомянувъ, между прочимъ, имя князя Броницына.

Дѣдушка, выслушавъ меня, посмотрѣлъ на меня очень пристально, и, когда я кончилъ просьбою отпустить меня, онъ произнесъ своимъ мягкимъ голосомъ, потрепавъ меня по плечу:

— Если тебѣ очень хочется, дружечикъ, пожалуй; но ты лучше сдѣлалъ бы, если бы остался съ своимъ старикомъ-дѣдушкой.

— Нѣтъ.... почему же не ѣхать? отпустите его, папенька! возразила маменька: — надо же привыкать ему быть въ хорошемъ обществѣ, пріобрѣтать манеры, развязность....

Дѣдушка едва замѣтно нахмурился.

— Какія манеры, матушка? перебилъ онъ: — ему надобно прежде всего думать объ ученьѣ, а не о манерахъ. Какія это манеры у васъ, я не понимаю!

Маменька замолчала, но, какъ мнѣ показалось, нѣсколько иронически взглянула на дѣдушку и улыбнулась.

Однако, маменька поставила на своемъ, потому что дѣдушка, на другой день утромъ, когда я съ нимъ поздоровался, поцаловалъ меня и объявилъ, что я могу ѣхать обѣдать къ товарищу.

Маменька, вообще мало занимавшаяся мной, передъ отъѣздомъ сама одѣвала меня съ величайшею заботливостью, входила въ мельчайшія подробности моего туалета: завивала, помадила и разчесывала мнѣ волосы и даже дала мнѣ свой батистовый платокъ и надушила его своими духами, чего прежде никогда не случалось.

— Смотри же, сказала маменька, когда я былъ уже совсѣмъ готовъ: — веди себя хорошенько и будь какъ можно ласковѣе и предупредительнѣе со всѣми.

Я поцаловалъ ея ручку. Она пріятно улыбнулась и съ нѣкоторою гордостію осмотрѣла меня съ ногъ до головы.

Колинькина маменька жила, сколько я припоминаю, что называется, на барскую ногу: ковры, бронзы, рядъ комнатъ, люди въ ливреяхъ и проч.

Коля встрѣтилъ меня радушно и повелъ къ ней. Она, въ изысканномъ и нарядномъ туалетѣ, сидѣла въ угольной, небольшой комнатѣ, уставленной цвѣтами и рѣшетками, обвитыми плющемъ. Окруженная плющемъ, на возвышеніи, въ большихъ готическихъ креслахъ съ рѣзной спинкой, она имѣла недоступность и торжественность, отъ которыхъ у меня сжалось сердце. Одна рука ея, вся въ кольцахъ, шевелила листами какой-то книжки въ раззолоченномъ переплетѣ, которая лежала передъ нею на маленькомъ столикѣ.

Коля подвелъ меня къ возвышенію и представилъ ей.

Она приподняла голову, взглянула на меня, обнаруживъ въ лицѣ движеніе въ родѣ улыбки и произнесла по французски:

— Мой сынъ мнѣ говорилъ объ васъ.

Потомъ обратилась къ Колѣ:

— Поди сюда, Коля!

Коля подошелъ къ ней.

Она посмотрѣла на сына въ лорнетъ.

— У тебя волосы дурно лежатъ, мой другъ!

И съ этими словами она пригладила ему височки и въ то же время шепнула что-то.

Коля сошелъ съ возвышенія и сѣлъ возлѣ меня.

Наступила минута молчанія, послѣ которой она повела на меня глазами и спросила:

— Ваши родители живутъ здѣсь, въ Петербургѣ?

— Здѣсь-съ.

— А!...

Послѣ этого «а!» опять послѣдовало молчаніе, скоро, впрочемъ, прерванное приходомъ какого-то адъютанта, который только и дѣлалъ потомъ, что побрякивалъ шпорами, крутилъ усы и смотрѣлъ, щуря глаза, въ висѣвшее противъ него зеркало. Повидимому, это былъ родственникъ или очень близкій человѣкъ въ домѣ. Колинькина маменька звала его Пьеромъ.

— Какая это у васъ книга? спросилъ ее адъютантъ, входя на возвышеніе и садясь противъ нея.

— Это? (разговоръ былъ на французскомъ языкѣ) Что за вопросъ? Развѣ вы не знаете, что это книжка, съ которой я никогда не разстаюсь: это мой милый Ламартинъ. Это поэтъ, ка-

кихъ немного! У него все — и гармонія стиха, нравственныя мысли, и, къ тому же, читая его, чувствуешь, que c'est un gentilhomme!

— Это правда, замѣтилъ адъютантъ, крутя усы.

— Ну, а что̀ вашъ французскій учитель говоритъ вамъ о Ламартинѣ?

Она взглянула на сына.

— Да–съ, онъ упоминаетъ и о немъ, отвѣчалъ Коля: — но у насъ больше говорится въ исторіи литературы о Корнелѣ и Расинѣ.

— О Корнелѣ? да, это прекрасно! По моему мнѣнію, молодые люди должны быть воспитаны непремѣнно на Корнелѣ и на Ламартинѣ: Корнель внушаетъ высокія понятія о чести, а Ламартинъ — религію.... Не спа, Пьеръ?

Пьеръ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Я очень внимательно и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на колинькину маменьку, и она такъ сильно врѣзалась въ моей памяти, какъ будто теперь передо мною, хотя я видѣлъ ее потомъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ.

Ей было лѣтъ сорокъ; она была высока и стройна. Черты лица ея были некрупны и тонки: небольшой орлиный носъ, серенькіе глазки, брови нѣсколько дугой. Она — я соображаю это теперь по воспоминаніямъ — должна была смолоду производить большія побѣды, и ей, видно, нелегко было разставаться съ молодостью, потому что слѣды разрушающаго времени она тщательно и очень искусно замазывала, закрашивала и затирала, подцвѣчая себя всевозможными косметическими средствами. Объ этомъ сообщилъ намъ Коля, который иногда, въ сердцахъ на маменьку за отказы въ деньгахъ, очень мѣтко подтрунивалъ надъ нею. Коля вообще не отличался скромностію. Чуть не всему пансіону было извѣстно, что его маменька сидитъ всякій день по три часа за туалетомъ и, кромѣ своихъ нарядовъ, ничѣмъ не занимается. Перечисляя насмѣшливо ея наряды, Коля, въ то же время имѣлъ и другую цѣль: прихвастнуть богатствомъ маменьки и ея роскошью.

Смотря на эту барыню, разговаривавшую съ адъютантомъ (я это живо помню), меня поразила, между прочимъ, ея странная и ненатуральная манера говорить и какое–то неловкое и принужденное выраженіе ея лица во время разговора. Причину этого мнѣ объяснилъ князь Броницынъ, который, не-

смотря на ея особенное вниманіе къ нему, отлично ее передразнивалъ: у г–жи Летищевой верхній рядъ зубовъ совсѣмъ сгнилъ и искрошился, и, чтобы не обнаружить этого, она, во время разговора, постоянно держала верхнюю губу неподвижной, шевеля только нижнею.

Въ то время, какъ рѣчь отъ Корнеля и Ламартина круто повернула къ городскимъ новостямъ и сплетнямъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи–то шаги. Коля заглянулъ въ дверь.

— Вотъ и Броницынъ! сказалъ онъ, взглянувъ на меня и потомъ, обратясь къ матери, вскочилъ со стула.

— Maman, князь пріѣхалъ.

— Аа! произнесла она, слегка пошевеливъ головой. — Его товарищъ, князь Броницынъ, замѣтила она, обратясь къ адъютанту, который загнулъ голову назадъ, чтобъ посмотрѣть на вошедшаго.

Броницынъ былъ недуренъ собой, очень развязенъ и, такъ же, какъ и Коля, корчилъ уже молодаго человѣка совершенныхъ лѣтъ. Сравнительно съ ними я чувствовалъ себя ребенкомъ, стыдился этого и завидовалъ имъ.

Г–жа Летищева пожала Броницыну руку, съ большою пріятностію улыбнулась ему, спросила его о здоровьи князя, его отца, княгини-матери, все время обнаруживала къ нему исключительное вниманіе и за обѣдомъ посадила возлѣ себя.

Разговоръ казался очень одушевленнымъ. Болѣе всѣхъ говорила сама хозяйка. Я слушалъ внимательно; но изъ всего, что̀ говорили, осталось у меня въ памяти только пять словъ: князь, балъ, графъ, графиня, княгиня.

Я во все время чувствовалъ страшное стѣсненіе и неловкость; два раза зацѣпился за коверъ и чуть не упалъ; отвѣчалъ на вопросы невпопадъ, боясь сдѣлать ошибку по французски, и внутренно завидовалъ развязности и смѣлости князя Броницына, который такъ и заливался на французскомъ языкѣ.

Вскорѣ послѣ обѣда хозяйка дома исчезла и явилась только къ семи часамъ, въ другомъ туалетѣ, еще болѣе блистательномъ, съ прибавленіемъ новыхъ пуколекъ, брошекъ, кружевцовъ и браслетъ и распространяя на нѣсколько шаговъ кругомъ себя благоуханіе лѣсной фіалки.

— Я ѣду въ театръ, сказала она, натягивая перчатку. — Je vous laisse, mes enfants, amusez-vous bien....

— Какой у васъ прекрасный туалетъ! перебилъ Броницынъ, глядя на нее: — и какъ онъ идетъ къ вамъ!

Она улыбнулась пріятно, нѣсколько прищуривъ глаза. Броницынъ поцаловалъ ея руку и, какъ мнѣ показалось, что-то шепнулъ ей. Она прикоснулась осторожно двумя пальчиками къ его уху, произнесла вопросительнымъ тономъ: «Paul?» еще разъ и еще пріятнѣе улыбнулась ему и потомъ погрозила пальцемъ.

Адъютантъ, между тѣмъ, смотрѣлся въ зеркало и поправлялъ свои волосы. Школьникъ совершенно затмилъ въ этотъ день адъютанта своею любезностію и ловкостію, такъ что онъ только время отъ времени поглядывалъ на него иронически, покручивая усы. Въ нашемъ мнѣніи Броницынъ возвысился послѣ этого еще болѣе.

— Господа! ну, теперь ко мнѣ! закричалъ Коля, подпрыгнувъ, когда маменька уѣхала.

Кромѣ Броницына и меня у Коли обѣдали еще два или три нашихъ товарища изъ старшихъ классовъ.

Мы всѣ побѣжали въ колину комнату, и Броницынъ впереди всѣхъ, напѣвая:

Amis, il est une coquette
Dont je redoute ici les yeux.
Que sa vanitè qui me guette,
Me trouve toujour plus joyeux.

Коля закричалъ:

— Вина!

Человѣкъ принесъ намъ бутылку мускатъ-люнеля и бисквиты, и школьная попойка началась. У меня отъ одной рюмки закружилась голова; но товарищи мои, которые пили очень усердно и потребовали другую бутылку, стали смѣяться надо мной, когда я отказался отъ второй рюмки, и принудили меня пить, щеголяя другъ передъ другомъ, кто кого перепьетъ.

— Господа! сказалъ Броницынъ, поднимая свою рюмку: — за здоровье военныхъ....

— Браво! ура! закричали всѣ, и я вслѣдъ за другими.

— А знаете ли, что я скоро разстанусь съ вами, любезные друзья? продолжалъ Броницынъ: — я перехожу въ школу, въ кавалергарды. Стòитъ ли у насъ кончать курсъ, и для чего? Я ни за чтò не хочу быть рябчикомъ....

— Я тоже, я тоже! крикнулъ Коля: — ни за что! Я не разстанусь съ тобой, Paul: мы вмѣстѣ выйдемъ. Къ тому же и maman непремѣнно хочетъ, чтобы я вступилъ въ кавалергарды. Я прослужу нѣсколько времени въ полку, а потомъ мой дядя, графъ Каленскій, возьметъ меня въ адъютанты. Онъ ужь обѣщалъ maman.... Господа! я вамъ предлагаю тостъ за кавалергардовъ!

— Trez bien, bravo! воскликнулъ Броницынъ.

И всѣ мы снова и сильнѣе прежняго стали кричать: «Bravo! ура!...» и топать ногами.

Товарищи мои долго продолжали еще шумѣть, пѣть, кричать, болтать о лошадяхъ, о военныхъ формахъ и еще о чемъ-то. Все это мнѣ представлялось неясно. Я сидѣлъ молча. У меня въ глазахъ было мутно и голова кружилась. Я чувствовалъ, что не могу стоять твердо на ногахъ, что не могу сдѣлать двухъ шаговъ не пошатнувшись... Обводя кругомъ комнату, я остановился на часахъ, висѣвшихъ въ стѣнѣ: намъ оставался только одинъ часъ до пансіона. Двѣ мысли: что, если бы меня увидалъ въ такомъ видѣ дѣдушка? и какъ я явлюсь къ директору? привели меня въ ужасъ. Сердце мое сильно забилось при этомъ; я вскочилъ со стула, попробовалъ пройтись, чтобы удостовѣриться, могу ли я ходить, сдѣлалъ два шага, но меня откинуло въ сторону къ дивану, голова закружилась еще сильнѣе, и я незамѣтно упалъ на диванъ, вдругъ потерявъ всякое сознаніе.

Я очнулся отъ непріятнаго ощущенія холода и дрожи, почувствовавъ, что по лицу моему течетъ что-то.... и открылъ глаза. Товарищи, чтобы привести меня въ чувство, смѣясь, обливали мнѣ голову холодной водой....

Какъ мы отправились потомъ въ пансіонъ, какъ представились директору, этого я не помню; но какъ никто изъ насъ не былъ наказанъ, изъ этого я заключаю, что мы явились довольно въ приличномъ видѣ. Я одинъ только на другой день заплатилъ дань этой первой попойки, занемогъ и отправился въ больницу.

Летищевъ и князь Броницынъ, дѣйствительно, черезъ полгода вышли изъ пансіона. Послѣ этого я видѣлъ Летищева всего раза четыре. Онъ приходилъ къ намъ въ пансіонъ, разъ вмѣстѣ съ княземъ, а потомъ одинъ, въ мундирѣ, въ каскѣ, звеня шпорами и гремя палашомъ, — явно только для того, чтобы щегольнуть собой передъ старыми товарищами. Мы всѣ съ любопытствомъ и участіемъ окружали его.... Коля немного важничалъ и

ломался передъ нами, разсказывая намъ, что его дядя даритъ ему лошадь въ шесть тысячъ (тогда еще считали на ассигнаціи), что мать даетъ ему двадцать тысячъ на первое обзаведеніе, что лошадь его будетъ одна изъ первыхъ въ полку и что даже у князя Броницына не будетъ такой лошади.

Мы слушали его разиня рты и любовались имъ, потому что румяный, плечистый и толстый Коля былъ, дѣйствительно, какъ будто созданъ для того, чтобы быть кирасиромъ.

Прошелъ еще годъ. Летищевъ не показывался. Онъ, вѣроятно, забылъ о насъ. Мы забыли о немъ. Наступилъ день нашего выпуска, торжественный день въ жизни каждаго изъ насъ. Мы проснулись рано, потому что волненіе не давало намъ спать. Солнце ярко сіяло; изъ отворенныхъ оконъ нашего класса, куда мы собрались въ послѣдній разъ, неслось благоуханіе отъ инспекторскихъ левкоевъ и резеды, вмѣстѣ съ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ; голуби — охота одного изъ нашихъ гувернеровъ, расхаживавшіе по двору, ворковали звучнѣе обыкновеннаго; четыре липки, торчавшія передъ окнами въ садикѣ, на которыя мы никогда не обращали вниманія, ярко и весело зеленѣли, облитыя солнцемъ; всѣ начальники смотрѣли на насъ съ особенно привѣтливымъ выраженіемъ въ лицѣ; товарищи, остававшіеся въ пансіонѣ, окружали насъ съ завистливымъ любопытствомъ и повторяли намъ: «Счастливые!» Сторожъ, котораго мы, обыкновенно, посылали украдкой за завтракомъ въ мелочную лавку, при встрѣчѣ поклонился намъ съ такимъ уваженіемъ, какъ онъ кланялся только инспектору или директору, и потомъ все поглядывалъ на насъ съ заискивающею улыбкою, какъ бы ожидая чего-то. За утреннимъ чаемъ мы не прикасались ни къ чему, отдали свой чай и булки товарищамъ и разговаривали шумно, свободно и весело, не боясь замѣчаній и выговоровъ. Мысль, что черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ внѣ этихъ стѣнъ, на просторѣ, на волѣ, безъ всякаго надзора, что мы пойдемъ куда угодно, будемъ дѣлать все, что намъ вздумается, что впереди передъ нами театры, гулянья, всевозможныя увеселенія, погружала насъ въ упоительное одурѣніе.... Все передъ нами казалось широко, свѣтло и безконечно. Сердца наши бились сильно, глаза сверкали счастіемъ, грудь, переполненная ощущеніями, волновалась... Двери параднаго подъѣзда отворены были настежь, у подъѣзда стояли наши экипажи, на лѣстницѣ толпились ожидавшіе насъ люди.

— Господа! закричалъ одинъ изъ насъ: — мы теперь свободные люди! Ура!... Дѣлай, что хочешь!

Онъ схватилъ первую попавшуюся ему подъ руку учебную книжку, разорвалъ ее пополамъ и бросилъ, потомъ схватилъ со стола чугунную чернилицу и съ какимъ-то ожесточеніемъ швырнулъ ее въ клумбу съ инспекторскими цвѣтами.

— Ура! раздалось вслѣдъ за нимъ, и чернильницы одна за другой полетѣли за окна, ломая и уничтожая цвѣты.

— Теперь долой эти платья! кричалъ другой: — прочь эту дерюгу!... Смотрите, господа!...

И онъ разрывалъ пополамъ свой сюртукъ, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ.

Послѣ первой минуты этихъ буйствъ и разрушенія, этого опьяненія радости, осмотрясь кругомъ, мы видѣли Скулялова. Онъ сидѣлъ у стола, облокотясь на руку. Лицо его, и безъ того всегда блѣдное, имѣло въ эту минуту какой-то зеленоватый, болѣзненный оттѣнокъ, а его косые глаза неопредѣленно и грустно смотрѣли куда-то. Онъ, казалось, не видѣлъ и не слышалъ ничего, что дѣлалось кругомъ него.

— Что жь ты сидишь? сказалъ ему кто-то изъ насъ: — вставай, братецъ, пора одѣваться.

— Зачѣмъ? проговорилъ онъ мрачно и въ полголоса.

— Какъ зачѣмъ? закричало нѣсколько голосовъ: — отправляться по домамъ.

— У меня нѣтъ дома, отвѣчалъ онъ, махнувъ рукой: — съ Богомъ, отправляйтесь себѣ; мнѣ некуда.

Шумная ватага разбѣжалась. Я остался съ нимъ одинъ; мнѣ стало жаль его. Я зналъ, что Скуляковъ бѣденъ, что у него не было никого, кромѣ старухи-матери, которая жила далеко отъ Петербурга, въ своей деревенькѣ; что въ Петербургѣ у него былъ только одинъ знакомый, къ которому онъ ходилъ по праздникамъ, и то изрѣдка.

— Отчего же ты не пойдешь къ своему знакомому? спросилъ я. — Развѣ ты не можешь прожить у него до тѣхъ поръ, покуда пришлютъ за тобой изъ деревни?

— Онъ уѣхалъ изъ Петербурга, отвѣчалъ Скуляковъ, видимо недовольный моими вопросами.

— Послушай, Скуляковъ, сказалъ я: — я прошу тебя, сдѣлай одолженіе, поѣдемъ ко мнѣ. Всѣ наши будутъ тебѣ рады....

Все-таки до отъѣзда въ деревню тебѣ лучше и веселѣе будетъ прожить у насъ, чѣмъ оставаться здѣсь одному въ пансіонѣ.

И я съ горячностію протянулъ ему руку.

Скуляковъ пожалъ ее и взглянулъ на меня.

— Нѣтъ, спасибо, отвѣчалъ онъ : — я не хочу быть никому въ тягость.... я не могу, братъ....

Я не совсѣмъ тогда хорошо понималъ значеніе словъ: «быть въ тягость», и деликатность натуры этого человѣка, котораго звали «костоломомъ», казалась мнѣ только упрямствомъ. Я сталъ еще сильнѣе уговаривать его.

— Нѣтъ, ужь ты лучше и не говори, перебилъ онъ меня: — я не поѣду; я ужь сказалъ, я останусь... Спасибо тебѣ. Прощай. Будь счастливъ....

Въ его голосѣ, обыкновенно грубомъ, было въ эту минуту столько мягкости и задушевности, что я не могъ удержаться отъ слезъ. Мнѣ вдругъ въ первый разъ стало совѣстно, что я во все время вмѣстѣ съ другими товарищами, и, можетъ быть, болѣе другихъ, приставалъ къ нему и смѣялся надъ нимъ.

— Прости меня за прошлое, сказалъ я:—я виноватъ передъ тобою.

Скуляковъ вдругъ соскочилъ со скамейки, остановился на минуту въ недоумѣніи, какъ бы желая сказать мнѣ что-то, — и вдругъ бросился ко мнѣ на шею, обнялъ меня еще разъ и еще крѣпче пожалъ мнѣ руку и прошепталъ:

— Ну, прощай, прощай, братецъ!

Выходя изъ класса, я обернулся назадъ. Скуляковъ закрылъ лицо руками и прислонился къ краю стола. Мнѣ показалось, что онъ плакалъ....

Но черезъ десять минутъ, на дорогѣ изъ пансіона домой, я забылъ о Скуляковѣ и о всемъ на свѣтѣ. Широкое и радостное чувство свободы эгоистически овладѣло мною; мнѣ казалось, что горе, несчастіе и прочее,—все это людскія выдумки, и что жизнь — вѣчный праздникъ.

Я не предчувствовалъ, что готовилось для меня впереди, и едва удерживалъ мое нетерпѣніе, завидѣвъ нашу дачу, нашъ старый домъ, окруженный столѣтними деревьями.... Я былъ увѣренъ, что скорѣе лошадей добѣгу до крыльца, и мнѣ хотѣлось выскочить изъ коляски, чтобы броситься на шею къ дѣдушкѣ.... Когда коляска остановилась, я едва могъ дышать отъ волненія. У крыльца стояли маменька, проживалки, лакеи и

горничныя, въ ожиданіи меня,—всѣ, кромѣ моей няни, которой уже не было на свѣтѣ, и дѣдушки.

— Гдѣ же дѣдушка? было первое мое слово.

— Дѣдушка нездоровъ. Тише: онъ почиваетъ, отвѣчали мнѣ.

Эти слова болѣзненно отозвались у меня въ сердцѣ, и я вошелъ въ домъ на цыпочкахъ, понуря голову. Черезъ часъ меня позвали къ дѣдушкѣ. Онъ улыбнулся мнѣ, пожалъ мнѣ руку своей ослабѣвшей рукой, произнесъ съ усиліемъ:

— Ну, поздравляю тебя, поздравляю...

Велѣлъ мнѣ сѣсть къ себѣ на постель и сталъ смотрѣть на меня, держа меня за руку, съ такою любовью и съ такою грустью, что я зарыдалъ....

— Полно, голубчикъ! Богъ дастъ, я еще поправлюсь. Не плачь, дружечикъ! шепталъ мнѣ дѣдушка, самъ глотая слезы.

Но сердце мое говорило мнѣ, что все кончено. Я вышелъ отъ дѣдушки и упалъ почти безъ памяти на диванъ, захлебываясь слезами.

Къ вечеру дѣдушкѣ сдѣлалось хуже, вѣроятно, отъ волненія; а черезъ два дня послѣ этого онъ лежалъ на столѣ. Онъ какъ будто заснулъ на минуту: такъ лицо его было спокойно и свѣтло; ни одна черта его не была искажена страданіемъ, и на губахъ его замерла улыбка,—та симпатическая улыбка, съ которою онъ всегда встрѣчалъ меня.... Неужели это смерть?...

Я стоялъ пораженный этимъ явленіемъ, не спуская глазъ съ усопшаго. Мнѣ казалось невозможнымъ, что я уже никогда не увижу его кроткаго взгляда, никогда не услышу его голоса, звучавшаго любовью.... Смерть! когда все кругомъ кипѣло жизнью, свѣтомъ, радостію....

Окна комнаты, въ которой дѣдушка былъ положенъ, выходили въ садъ.... Солнце бросало на все ослѣпительный блескъ, совсѣмъ поглощая свѣтъ погребальныхъ свѣчъ. Вѣтка шиповника въ полномъ цвѣту врывалась въ одно изъ оконъ, и однообразный, тихій голосъ чтеца заглушался звонкимъ пѣніемъ, свистомъ и чиликаніемъ птицъ.

II.

МОЛОДОСТЬ.

Прошелъ годъ. Я уже привыкъ къ моей свободѣ. Она мнѣ даже надоѣла немножко, потому что я не находилъ, какое употребленіе сдѣлать изъ нея. Летищева, который уже былъ офицеромъ, я видалъ довольно часто на Невскомъ: то въ коляскѣ, то въ дрожкахъ на рысакахъ, то верхомъ, то на тротуарѣ, подъ руку съ другими офицерами. Онъ холодно кивалъ мнѣ головою при встрѣчахъ; я ему отвѣчалъ тѣмъ же. Мы нигдѣ не сходились. Я услышалъ стороною, что мать его давно умерла, что все оставшееся послѣ нея движимое и недвижимое имѣніе отдано было за долгъ, и что графъ Каленскій хотя былъ довольно внимателенъ къ нему, но денегъ не давалъ. Несмотря на это, Летищевъ, служившій въ самомъ дорогомъ полку, жилъ не хуже своихъ товарищей, которые получали большія деньги и имѣли въ виду огромныя состоянія. Говорили, будто онъ поддерживаетъ такое блестящее существованіе одними займами, распуская слухи, что онъ единственный наслѣдникъ графа, и занимаетъ 50 на 100, а иногда и капиталъ на капиталъ. До какой степени слухи эти были основательны, я не зналъ. Несомнѣнно было только то, что Летищевъ проживаетъ много, что онъ цвѣтетъ, толстѣетъ, сіяетъ самодовольствіемъ и отличается полною безпечностію.

Въ одно изъ представленій балета *Кіа-Кингъ*, во время антракта, когда всѣ поднялись, чья-то рука изъ перваго ряда креселъ упала на мое плечо — я сидѣлъ во второмъ — и знакомый звонкій, нѣсколько пронзительный голосъ произнесъ скороговоркою:

— Здравствуй, mon cher! какъ я радъ тебя видѣть! сколько времени мы не видались!... Гдѣ ты пропадаешь?

Это былъ Летищевъ. Я молча поклонился ему; онъ схватилъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее.

— Да что̀ ты, не узнаешь меня, что ли?

— Нѣтъ, узнаю, отвѣчалъ я.

— А развѣ такъ встрѣчаются старые товарищи? Я тебя всегда очень любилъ и очень, очень радъ тебя видѣть.

Такую внезапную горячность ко мнѣ Летищева я не могъ разгадать вдругъ.

— Пойдемъ въ буфетъ, продолжалъ онъ: — мнѣ хочется и покурить и поговорить съ тобою,.. А ты ничего не мѣняешься: точно какъ былъ въ пансіонѣ.

Мы пришли въ буфетъ..

— Ну, несравненная madame Піацци! сказалъ онъ, обращаясь къ черноглазой и черноволосой дамѣ, стоявшей за буфетомъ:—велите-ка намъ подать бутылку клико, да похолоднѣе, и мою трубку съ янтаремъ (тогда еще папиросы не были въ употребленіи), въ маленькую комнату.... знаете.—Это мой другъ, прибавилъ онъ, указывая на хозяйку буфета:—у меня, братецъ, вездѣ друзья.... Это необходимо, безъ этого нельзя.... Скорѣе вина....

— Да къ чему? началъ было я.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты мнѣ ужь этого и не говори, перебилъ Летищевъ громко, обращаясь то ко мнѣ, то къ мадамъ Піацци:— мы должны выпить. Встрѣча съ тобою мнѣ такъ пріятна. А знаешь ли, сколько мы выпили вчера съ Ѳедей Рагузинскимъ и Броницынымъ (ты вѣдь его помнишь)? Ну, какъ ты думаешь?

— Я не знаю.

— Девять бутылокъ!.. по три на брата. Неглупо?

M-me Піацци съ пріятностію улыбалась, слушая Летищева, и покачивала головою.

Когда, въ отдѣльную комнату, мальчикъ принесъ трубки и шампанское, Летищевъ крикнулъ ему: «Ну, косой, откупори, да безъ шуму, и убирайся вонъ!» и потомъ обратился ко мнѣ, потрепавъ меня по плечу, и сказалъ:

— Сколько съ того времени, mon cher, воды утекло, какъ мы разстались!... Ты знаешь, что мать моя умерла... Я теперь одинъ, вольный казакъ, проживаю тридцать тысячъ, у меня лучшая лошадь въ полку, десятитысячный жеребецъ.... Но это все вздоръ! Ты знаешь, что я сдѣлался театраломъ съ ногъ до головы, вся моя жизнь здѣсь, на Большомъ Театрѣ; я не пропускаю ни одного балета. Знаешь ли, сколько разъ я видѣлъ «Бронзоваго Коня»?—54 раза! а послѣ-завтра 55-е представленіе... Общество театраловъ недавно поднесло мнѣ похвальный листъ, за подписью всѣхъ своихъ членовъ, и въ главѣ всѣхъ подписей имя нашего doyen-d'âge между театралами—князя Арбатова... Какой чудный человѣкъ! Что за душа! Ты

не знаешь его? тебѣ, мой свѣт, непремѣнно надо сдѣлаться театраломъ... и всѣ наши... вѣдь это удивительные ребята!... Если бы ты посмотрѣлъ наши сходки: чудо!... Мы преслѣдуемъ, братецъ, и презираемъ всѣхъ этихъ свѣтскихъ франтиковъ, паркетныхъ шаркуновъ... Изъ насъ никто ни ногой въ свѣтъ, хотя мы всѣ имѣемъ на это полное право.... Свѣтъ, эти всѣ дамы косятся на насъ, да чортъ съ ними!.. Что̀, напримѣръ, выше наслажденія провожать театральныя линіи, видѣть высунувшееся въ окно прелестное личико съ платкомъ на головѣ, которое высунулось для того, чтобы взглянуть на тебя.... понимаешь? Ты перекидываешься съ нею нѣсколькими словами, рискуя жизнію, рискуя попасть подъ огромное колесище и быть расплющеннымъ... Впрочемъ, у меня кучеръ такъ наловчился подъѣзжать близко къ линіи, что полозъ моихъ саней совсѣмъ сходится вплоть съ обручемъ колеса.... и ничего, видишь, я до сихъ поръ живъ и здоровъ.... Одинъ разъ я чуть не попалъ, однако, подъ колесо; но зато чѣмъ же я и былъ вознагражденъ за это!... Изъ окна раздался голосокъ: «Васъ задавятъ.... ахъ, страсти!» И она упала, братецъ, въ обморокъ: ее безъ чувствъ привезли домой. Она любитъ меня до безумія; а я... я ужь и говорить нечего.. я съ ума схожу... такой дѣвочки нѣтъ на свѣтѣ другой... Что̀ за глаза, что̀ за бюстъ, какая ножка!.. Царица между всѣми.... И посмотри, какая у насъ идетъ перестрѣлка во время представленія, замѣть.... Всѣ говорятъ, что она первая, и точно.... Какой талантъ!.. Не правда ли?..

— Да я не знаю, о комъ ты говоришь, возразилъ я.

— Какъ? Неужели?—Летищевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и недовѣрчивостію.—Будто ты ничего не слыхалъ? Ты не знаешь, за кѣмъ я ухаживаю? Да объ этомъ кричитъ весь городъ.... И чортъ знаетъ, какъ это все узнаютъ, я не понимаю! Дамы въ обществѣ объ этомъ толкуютъ,—вѣдь вотъ до чего дошло,—ей Богу!... Мнѣ это ужасно непріятно: дядя на меня злится.. ну, да пусть его злится... Если ты хоть разъ былъ въ балетѣ, хоть одинъ разъ въ жизни, ты долженъ знать Торкачеву...

— Понятія не имѣю, отвѣчалъ я.

Хотя Торкачева была одна изъ самыхъ хорошенькихъ молодыхъ танцовщицъ того времени, но мой глазъ не былъ такъ опытенъ, чтобы отличать Торкачеву отъ Пряхиной, Бѣлоусову отъ Каростинской, и т. д.

— Что? съ ужасомъ воскликнулъ Летищевъ.—Ты не знаешь Торкачевой? Ахъ ты, варваръ!.. Послушай, ты лучше не признавайся въ этомъ: это нехорошо, просто стыдно. Не знать Торкачевой!... mais, mon cher, c'est impardonable, c'est un crime.... Четвертая корифейка съ края съ правой стороны.... средняго роста, съ такими огненными бирюзовыми глазками....

— А! такъ это она?...

— Она! она! вскрикнулъ Летищевъ: — да вотъ смотри!... Онъ разстегнулъ мундиръ, потомъ рубашку, вытащилъ золотой медальонъ, висѣвшій на тоненькой цѣпочкѣ на его груди, открылъ его и показалъ мнѣ ея портретъ. — Не правда ли, прелесть? Не правда ли, отъ этакой дѣвочки простительно съ ума сойти?... Вѣдь это, братецъ, счастье быть ею любимымъ?

И онъ съ жаромъ поцаловалъ портретъ, спряталъ его, застегнулся, взялъ стаканъ и прибавилъ:

— Ну, теперь выпьемъ же за ея здоровье, за здоровье моей чудной Кати! только, смотри, до капли...

Мы выпили.

— Я ее такъ устрою, продолжалъ Летищевъ: — чтобѣ всѣ ахнули: я ее окружу всевозможной роскошью, ничего не пожалѣю для нея, ухну все, что имѣю.... чортъ возьми! А тамъ.... вѣдь дядя же мой не будетъ жить вѣчно.... тогда мнѣ ужь горевать будетъ не о чемъ: двѣсти тысячъ дохода, un revenu nette... вѣдь изрядно?...

Летищевъ долженъ былъ зналъ, что у графа Каленскаго есть ближайшіе родственники; что имѣніе графа по прямой линіи перейдетъ къ нимъ; что ему достанется что нибудь, и то невѣрно; но онъ дотого нахвасталъ всѣмъ, что онъ его единственный наслѣдникъ, что наконецъ почти самъ сталъ вѣрить этому.

Когда Летищевъ высказалъ мнѣ все, что ему хотѣлось высказать, онъ вдругъ нѣсколько охладѣлъ ко мнѣ.

— Однако, пора; я заболтался. Бѣда, если я пропущу ея выходъ: мнѣ за это достанется.... Пойдемъ.... M-me Піацци! запишите за мной бутылку... Замѣть же... ты сидишь, кажется, сзади меня... какая пойдетъ перестрѣлка!... Смотри, ты поусерднѣй и погромче хлопай *нашимъ-то*, по старому товариществу.

Лишь только Торкачева съ компаніей появились на сцену, Летищевъ обратился ко мнѣ и показалъ мнѣ ее.

— Ну, что, какова? не правда ли, чудо? — Браво! браво! закричалъ онъ, отвернувшись отъ меня и захлопавъ.

Затѣмъ весь первый рядъ правой стороны началъ кричать въ полголоса: «браво, браво!» усиливая это браво постепенно и доведя его наконецъ до неистовыхъ криковъ, съ громовымъ акомпаниментомъ рукоплесканій; послѣ криковъ и хлопаній всѣ эти господа впились въ свои бинокли, и я замѣтилъ, что между Торкачевой и Летищевымъ точно существовали какіе-то телеграфическіе знаки и что послѣ каждаго пируэта она обращалась съ особенно значительной улыбкой къ тому креслу, на которомъ сидѣлъ онъ.

Когда Торкачева съ компаніей скрылись за кулисами, Летищевъ опять обратился ко мнѣ.

— Перестрѣлку-то замѣтилъ? — Вотъ теперь появится Иванова, — такъ ужь ей надо хорошенько шикнуть: это нашъ смертельный врагъ...

— Отчего? спросилъ я: — она славная танцовщица.

— Какое! дрянь!... да все равно, хотя бы она была первый геній: ужь ей, по нашему, слѣдуетъ шикать...

И точно, при появленіи Ивановой въ первыхъ рядахъ раздалось шиканье. Это шиканье произвело въ публикѣ неудовольствіе, обнаружившееся громомъ рукоплесканій. Какъ люди въ своемъ дѣлѣ опытные, театралы смирились передъ бурей; когда же буря начала стихать, они воспользовались первой секундой затишья, чтобы шикнуть снова. Но снова ихъ шиканья были заглушены еще сильнѣйшимъ громомъ и сопровождались вызывомъ ненавистной имъ танцовщицы.

Несмотря на это, они выходили изъ театра очень довольные, съ полною увѣренностію, что уничтожили ее; а князь Арбатовъ, пропуская ихъ мимо себя, повторялъ каждому: «Славно, ребята!» и каждый отвѣчалъ на это лестное одобреніе: «Ради стараться, ваше сіятельство!»

У театраловъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, были очень усердные помощники, исправлявшіе должность театраловъ изъ различныхъ побужденій и разсаженные въ разныхъ концахъ и углахъ залы. Они состояли, первое, изъ господъ, надсаживавшихъ горло и отбивавшихъ руки изъ того только, чтобы имѣть честь попасть въ кружокъ театраловъ, потереться около аристократовъ; второе — изъ нахлебниковъ этой молодежи, ихъ прихлебателей, и третье — просто изъ наемныхъ хлопальщиковъ и шикальщиковъ, которые, когда театралъ, ихъ патронъ, проходилъ мимо нихъ, обыкновенно выставляли впередъ свои

подобострастныя фигуры и шептали съ почтительною улыбкою: «Ну, ужь мы сегодня похлопали, ваше сіятельство! во второмъ-то актѣ какой залпъ задали!»

Всѣ театралы и исправлявшіе должность театраловъ того времени, которое я описываю, были подъ командой князя Арбатова.

Князь Арбатовъ пользовался значительною извѣстностію въ Петербургѣ, и тѣ немногіе, которые не были съ нимъ знакомы, навѣрно, знали о немъ хоть по наслышкѣ. Я принадлежалъ къ послѣднимъ. Еще когда я былъ школьникомъ, мнѣ указали на него однажды въ балетѣ. Князю казалось на видъ лѣтъ сорокъ слишкомъ. Онъ былъ мужчина довольно видный, полный, высокаго роста, съ круглымъ лицомъ, нижняя часть котораго выдавалась впередъ, съ большими карими глазами, съ маленькимъ лбомъ, съ рѣдкими подкрашенными волосами и съ короткими щетинистыми усами, также подкрашенными. Туалетъ его не отличался изысканностію: сюртукъ былъ почти всегда застегнутъ на всѣ пуговицы, галстухъ высокій, на пряжки сзади, съ торчащими изъ-подъ него маленькими воротничками отъ рубашки. По всему было замѣтно, что съ статскимъ платьемъ ему свыкнуться было нелегко, что оно было для него ново и что онъ презиралъ его. Плечи князя, гордо вздернутыя кверху, привыкшія къ большимъ и густымъ эполетамъ, безпрестанно приподнимались и вздрагивали. Князь былъ въ театрахъ, какъ у себя дома: всѣ театральныя власти были его друзьями и пріятелями; всѣ сильфиды, амуры и граціи считали его за роднаго; бутафоры и ламповщики глядѣли на него съ чувствомъ; капельдинеры встрѣчали его при входѣ съ особенною торжественностію и почтительно отворяли передъ нимъ двери храма искусства, въ который онъ вступалъ повелителемъ, раздавателемъ сценической славы, непогрѣшительнымъ судьею — протекторомъ или карателемъ, передъ глазами котораго прошли десять поколѣній самой богатой и блестящей молодежи, по одному его манію рукоплескавшей и шикавшей,—десять поколѣній, имъ взлелѣянныхъ и воспитанныхъ.

Его давно уже нѣтъ на свѣтѣ, этого почтеннаго мужа; но до тѣхъ поръ, покуда будутъ существовать театралы, имя его, вѣроятно, будетъ благоговѣйно произноситься ими, начертанное неизгладимыми буквами въ ихъ лѣтописяхъ, и предпослѣднее

поколѣніе, имѣвшее счастіе еще застать его, можетъ произнести о немъ, какъ Пушкинъ о Державинѣ:

Старикъ *Арбатовъ* насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ!

Старикъ! Но Арбатовъ никогда не былъ старикомъ: въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ онъ сошелъ въ могилу такимъ, какимъ былъ въ девятьнадцать. Онъ былъ вѣренъ себѣ до послѣдней минуты и вѣчно-юнъ, несмотря на свои морщины, рѣдкіе подкрашенные волосы и усы и вставные зубы. Время дѣйствовало нѣсколько тлетворно на его внѣшность, не измѣняя ни въ чемъ его внутреннихъ убѣжденій, взглядовъ и понятій и нимало не охлаждая его пламенной любви къ театру вообще и балетному искуству въ особенности. За два дня передъ смертію, въ представленіи «Катарины—дочери разбойника», нѣжное и любящее сердце его такъ же горячо и сильно билось, при видѣ порхающихъ красавицъ-внучекъ, какъ оно билось при появленіи порхавшихъ нѣкогда красавицъ—ихъ бабушекъ въ «Корѣ и Алонзо», «Дѣвѣ Солнца», или въ «Пажахъ герцога Вандомскаго». Бабушкамъ и внучкамъ онъ рукоплескалъ съ равнымъ энтузіазмомъ и такъ же вѣрно зналъ имянины и рожденія бабушекъ, какъ имянины и рожденія внучекъ, съ одинаково теплымъ чувствомъ поздравляя тѣхъ и другихъ.

Летищевъ, который послѣ представленія «Кіа-Кинга» сталъ заѣзжать ко мнѣ изрѣдка, разсказывалъ мнѣ объ Арбатовѣ съ увлеченіемъ и посвятилъ меня во всѣ подробности театральства.

— Такой любви къ искусству, говорилъ онъ:—такого благороднаго жара ты не встрѣтишь ни въ комъ. Повѣришь ли, что въ каждомъ изъ насъ князь принимаетъ такое горячее участіе, какъ въ самыхъ близкихъ родныхъ. Да что ему родные! Весь міръ его заключается въ насъ и въ *дѣвицахъ*. Онъ ихъ и насъ любитъ, какъ отецъ. Когда князь Бронницынъ завелъ стрѣльбу съ Пряхиной, онъ сейчасъ же сообщилъ объ этомъ Арбатову.... Мы ничего отъ него не скрываемъ: всѣ малѣйшія движенія наши извѣстны ему. «Я не знаю чего бы я не далъ, сказалъ ему Бронницынъ:—если бы я гдѣ нибудь могъ съ нею видѣться!» Тогда Бронницынъ только что вышелъ изъ школы... Это было въ первые мѣсяцы нашего театральства... Мы тогда еще не знали, какъ приступиться, ходили какъ въ потьмахъ. Арба-

товъ только что принялъ насъ подъ свое покровительство, и мы еще не были совершенно посвящены во всѣ тайны театральства; еще старые театралы смотрѣли на насъ, какъ на мальчишекъ.... Мы трепетали передъ Арбатовымъ, какъ передъ авторитетомъ. Что́ же, ты думаешь?—этого я никогда не забуду, это было при мнѣ: Арбатовъ крѣпко пожалъ ему руку и пристально взглянулъ на него, испытующимъ взглядомъ. «Вы ее очень любите, князь?» спросилъ онъ его. «До безумія», отвѣчалъ Броницынъ. Арбатовъ задумался на минуту. «Знаете ли, возразилъ онъ—и надобно было видѣть въ эту минуту серьёзное, даже нѣсколько строгое выраженіе лица его — «знаете ли, что это дѣвочка необыкновенная.... кроткая, скромная, милая.... Выборъ вашъ дѣлаетъ вамъ честь; но послушайте, князь, вы должны оцѣнить ее вполнѣ и сдѣлать счастливой...» «Я вамъ отвѣчаю за это», перебилъ съ горячностію Броницынъ. «И я вамъ отъ души вѣрю, князь! Уже одно ваше имя служитъ мнѣ ручательствомъ за то, что вы дорожите вашимъ словомъ. Къ сожалѣнію — и Арбатовъ вздохнулъ — я обманулся во многихъ втеченіе моего театральнаго поприща, многіе, говоритъ, изъ театраловъ бросили тѣнь на это имя, которымъ мы должны всѣ дорожить, которое должны носить съ гордостію.» Мы были всѣ почти до слезъ тронуты этими словами и поклялись въ чистотѣ сохранять почетное имя театрала. Арбатовъ расцаловалъ насъ и сказалъ: «Надняхъ мы окончательно посвятимъ васъ, и тогда (онъ обратился къ Броницыну) я займусь вашимъ дѣломъ.... soyez tranquille... мы все устроимъ: я переговорю сначала съ нею, а потомъ съ ея матерью серьёзно.»

Если кому нибудь изъ насъ дѣвица *не отвѣчала*, Арбатовъ былъ просто въ отчаяніи; онъ начиналъ ее усовѣщевать, уговаривать, выставлять передъ нею достоинства ея обожателя. «Поймите вы свою пользу—говорилъ онъ ей—я для васъ же хлопочу, васъ же хочу устроить. Повѣрьте мнѣ, вы созданы другъ для друга», и всегда достигалъ своей цѣли. Дѣвицы всегда хороши съ тѣми, съ кѣмъ онъ хорошъ. Надобно видѣть, братецъ, когда онъ между ними: всѣ при его появленіи одушевляются, и большія и маленькія, и корифейки, и танцовщицы, и тѣ даже, которыя пляшутъ у воды, —всѣ подпрыгивая и хлопая ручонками, глядя на него, кричатъ: «дядя! дядя!...» Онъ всѣхъ порядочныхъ людей вербуетъ въ театралы. Чуть у кого нибудь замѣтитъ маленькое влеченіе къ балету и подсядетъ сейчасъ къ нему. Вотъ онъ

еще недавно завербовалъ намъ князя Красносельскаго, который мѣсяцъ назадъ бредилъ свѣтомъ, былъ самымъ упорнымъ, паркетнымъ шаркуномъ. Арбатовъ подсѣлъ къ нему разъ въ балетѣ и говоритъ: «Смотрите-ка, какъ Бѣлокопытова-то стрѣляетъ въ васъ. Она только вами и бредитъ. Она недавно сказала мнѣ: «Я бы, кажется, съ ума сошла, если бы князь *отвѣчалъ* мнѣ.» Бѣдная дѣвочка! мнѣ жаль ее. А какое у нея сердце, если бы вы знали! и вѣдь красавица! Сколько за ней ухаживали, а она никому еще не *отвѣчала* до сихъ поръ. Вы первые тронули ее.... Vous fairez une bonne action, mon prince, если обратите вниманіе на эту дѣвочку, и скажете мнѣ за нее потомъ спасибо.» Эти слова подѣйствовали на самолюбіе князя Красносельскаго: мало по малу онъ началъ увлекаться, завелъ съ нею телеграфическіе знаки; ну, а потомъ и пошло и пошло, и въ одинъ мѣсяцъ онъ сдѣлался самымъ отчаяннымъ театраломъ, совсѣмъ перестaлъ ѣздить въ свѣтъ, выдержалъ страшныя исторіи за это дома, перессорился со всѣми родными, и теперь для него ничего въ мірѣ не существуетъ, кромѣ балета, а въ балетѣ — Дашеньки Бѣлокопытовой!... Вотъ каковъ Арбатовъ! Я тебѣ говорю, это необыкновенный, чудный человѣкъ, первый сортъ! И какъ ненавидятъ его всѣ маменьки и дяденьки! Да ему что? онъ гордится этою ненавистью.

Летищевъ открывалъ для меня новый міръ, и я слушалъ его съ любопытствомъ.

— Да что̀, продолжалъ Летищевъ, все съ бо̀льшимъ одушевленіемъ: — Красносельскій молодъ; насъ, у которыхъ кровь кипитъ, завлечь, mon cher, немудрено; а онъ завербовалъ недавно въ театралы семидесятилѣтняго старца, у котораго дѣти уже брѣютъ бороды лѣтъ десять или двѣнадцать.... Вотъ какія чудеса творитъ Арбатовъ!... У Прохоровой былъ вечеръ. Весь балетъ тамъ былъ и всѣ наши. Арбатовъ все обдумалъ заранѣе. Ему давно хотѣлось устроить Капылову. Она ужь не первой молодости и собой-то не очень; но тѣло у нея чудесное и сложена отлично. Она такъ пропадала въ одиночествѣ и бѣдности, а дѣвица славная и добрая; всѣ наши ее ужасно любятъ: и Катя, и Пряхина, и Натарская, и Каростицкая, — всѣ, всѣ... Арбатовъ давно ей говорилъ: «Дайте мнѣ срокъ, несравненная моя Наталья Ивановна, — и, знаешь, рукой ею этакъ по таліи — ужь я пристрою васъ, матушка, будьте покойны», да и намекнулъ ей на старичка, а старичекъ богатъ и скупъ, какъ

чортъ.... «Это — говоритъ, ничего, мы съумѣемъ порастрясти его карманы.» Онъ и привезъ его на вечеръ къ Прохоровой. Капылова разодѣлась въ пухъ и прахъ и давай стрѣлять въ старичка; а Арбатовъ толкаетъ его и говоритъ: «Смотрите, смотрите, Петръ Иванычъ, глазъ съ васъ не спускаетъ: побѣда, *да* еще какая! Поздравляю васъ, искренно поздравляю. Первая по сложенію въ балетѣ.» Старичекъ поднесъ, дрожа, лорнетъ къ глазамъ и началъ смотрѣть на нее. Глядь, черезъ часъ ужь онъ танцуетъ съ нею мазурку, со всѣми старинными затѣями: съ припрыжкой, съ усами; вертитъ ее, становится передъ ней на колѣни.... просто умора. Мы надрывались со смѣху. Съ тѣхъ поръ, братецъ, не пропускаетъ ни одного балета, сошелся со всѣми съ нами на *ты*, туда же телеграфическіе знаки дѣлаетъ, несмотря на то, что руки дрожатъ, и всѣ въ морщинахъ, точно сплоены; въ венгеркѣ ѣздитъ верхомъ мимо ея оконъ, пудами посылаетъ ей конфекты и, въ довершеніе всего, сочиняетъ къ ней стихи. Я помню первые три стишка:

На Араратъ Наташу я поставлю
И весь міръ думать заставлю:
Вотъ та, которую люблю!

Дальше не помню, а недурно! Онъ мерзнетъ съ нами у театральнаго подъѣзда, пьетъ съ нами. Надобно было видѣть, когда его посвящали въ театралы, когда его въ первый разъ привезли на нашу главную квартиру. Арбатовъ ввелъ его съ особенною торжественностію, въ сопровожденіи всѣхъ насъ, въ ту комнату, гдѣ хранятся всѣ наши атрибуты. У насъ, братецъ, все это устроено чудо какъ! Въ эту комнату никто не входитъ, кромѣ посвященныхъ или посвящаемыхъ. Тамъ, на возвышеніи, лежитъ шлемъ изъ «Возстанія въ Серали» и башмакъ Тальйони, который былъ на ея ногѣ въ первое представленіе, когда она танцовала на петербургской сценѣ. На столѣ передъ возвышеніемъ рядъ башмаковъ всѣхъ извѣстныхъ нашихъ танцовщицъ, книга съ нашими постановленіями, въ великолѣпномъ переплетѣ, и другая книга, въ которой внесены имянины и рожденія всѣхъ танцовщицъ, имена всѣхъ бывшихъ и настоящихъ театраловъ и всѣ важныя событія, случавшіяся въ различные періоды театральства; по сторонамъ двѣ доски на треножникѣ: одна красная, на которой записаны имена всѣхъ нашихъ, тѣхъ, которыя отвѣчаютъ намъ; другая — черная, и на ней имена нашихъ вра-

говъ, тѣхъ, которымъ мы шпкаемъ. Старика подвели къ возвышенію, надѣли ему на голову шлемъ, заставили поцаловать башмакъ Тальйони. Онъ поклялся быть неизмѣнно вѣрнымъ всѣмъ правиламъ театральства, никогда не нарушать ихъ, во всемъ помогать товарищамъ, и проч., и, когда онъ говорилъ это, голосъ его дрожалъ и на глазахъ его показались слезы. Бронищынъ, глядя на него, язвительно улыбался, подтрунивалъ надъ нимъ и называлъ его шутомъ. У Бронищына, между нами, нѣтъ сердца. Я съ нимъ чуть не поругался за это. На меня эта сцена подѣйствовала совсѣмъ иначе: меня это тронуло. Повѣришь ли, я полюбилъ послѣ этого старика. Теперь его и узнать нельзя: онъ такъ измѣнился—о скупости и помину нѣтъ, онъ ведетъ себя молодцомъ, такъ держитъ себя, что чудо, и насчетъ подарковъ никому, братецъ, изъ насъ не уступаетъ. Сначала, покуда онъ ограничивался стишками и конфектами, всѣ театральные подшучивали надъ Капыловой. «Славнаго, Наталья Ивановна—говорили они ей — подтибрили вы себѣ обожателя!» И ей было какъ-то неловко и совѣстно; ну, а теперь, я тебѣ скажу, какъ увидали на ней тысячный салопъ, да браслеты съ изумрудами и яхонтами, да ея карету, которая подкатила къ подъѣзду послѣ репетиціи, такъ всѣ прикусили язычки. И она стала смотрѣть не такъ, да и на нее стали смотрѣть иначе. Старикъ души въ ней не чаетъ. «Я — говоритъ — теперь только начинаю жить; я—говоритъ—теперь только понялъ, что̀ такое любовь.» Разумѣется, онъ отчасти смѣшонъ, коли ты хочешь; но какъ бы то ни было, а это доказываетъ, что въ немъ есть жизнь, что въ немъ не совсѣмъ очерствѣло сердце, что онъ способенъ еще понимать изящное, и все это, однако, замѣть, пробудило въ немъ театральство! Арбатовъ отъ него въ восторгѣ; онъ ненарадуется, глядя на счастіе Натальи Ивановны, и нынѣшней зимой устроитъ у нея танцовальные вечера, куда будутъ съѣзжаться всѣ балетныя и, разумѣется, наши, послѣ выпуска. Мы сходимся на нашей главной квартирѣ непремѣнно ужь разъ въ недѣлю послѣ балета, и старичекъ всегда съ нами: мы къ нему привыкли, безъ него какъ будто чего-то недостаетъ. На этихъ сходкахъ, у насъ — это ужь такъ положено — всѣ должны только говорить о театрѣ и о томъ, что̀ касается до театра; если же кто заговоритъ о чемъ нибудь постороннемъ, съ того берется штрафъ,—и, вообрази, нашъ старикъ еще ни разу не заплатилъ штрафа. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ строгихъ

блюстителей нашихъ порядковъ. По моему, такъ его просто нельзя не уважать!

Въ заключеніе Летищевъ обыкновенно заговаривалъ о своей Катѣ, передавалъ мнѣ слова, которыя она бросала ему налету, восторгался отъ ея ума, красоты, повторялъ въ сотый разъ, какъ онъ ее любитъ и фантазировалъ о будущемъ. Онъ привозилъ ко мнѣ различныя покупки, развертывалъ передо мною куски бархатовъ и шелковыхъ матерій, вынималъ изъ кармановъ сафьянныя коробки съ часами, брошками и браслетами, приставая ко мнѣ съ вопросами: «Не правда ли, это хорошо?... Не правда ли, это съ большимъ вкусомъ?... Какъ ты думаешь, что̀ это сто̀итъ?...» и прибавлялъ къ этому, что его подарки лучше подарковъ Броницына, и что ужь у него такой характеръ, что онъ никому и ни въ чемъ не позволитъ себя перещеголять.

Онъ объявилъ мнѣ, между прочимъ, что Катя переѣзжаетъ къ своей старшей сестрѣ; что онъ для того, чтобы жить съ Катей въ одной улицѣ, перемѣняетъ свою квартиру; что отыскать квартиру въ ея улицѣ сто̀ило ему величайшихъ усилій; что онъ уговорилъ хозяина дома выжить какого-то жильца, заплатилъ за три скверныя комнаты, которыя занималъ этотъ жилецъ, тысячу пятьсотъ рублей впередъ; что онъ отдѣлываетъ ихъ совершенно заново; что все это обойдется ему въ двадцать тысячъ; что онъ хочетъ, чтобы ни у кого изъ театральныхъ не было такихъ платьевъ, шляпокъ, браслетовъ и прочаго, какъ у его Кати. При этомъ онъ прыгалъ, хохоталъ, пѣлъ, обнималъ меня, цаловалъ и жалъ мнѣ руки. Послѣ этихъ неистовствъ, онъ стихалъ на минуту, прохаживался по комнатѣ и спрашивалъ меня:

— Ты мнѣ другъ? скажи — другъ? Ты, братецъ, понимаешь меня? не правда ли?

Я, по обыкновенію, молча кивалъ головою.

— Отъ тебя я ужь не могу скрывать ничего; только, Бога ради, это между нами: ты единственный человѣкъ, которому я это показываю.

И онъ, притворяя дверь, вынималъ изъ кармана письма къ нему Кати и читалъ ихъ. (Впослѣдствіи я узналъ, что вся петербургская молодежь почти наизусть знала эти письма.)

— Я даже еще Арбатову не показывалъ этого письма, замѣчалъ онъ каждый разъ. — даже Арбатову! понимаешь?...

Въ этихъ письмахъ Торкачева очень наивно и довольно безграмотно выражала ему свою любовь; но письма, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось тогда, были проникнуты теплотою, обнаруживавшею сквозь безграмотныя и смѣшныя фразы неподдѣльное чувство.

Окончивъ чтеніе, онъ подносилъ обыкновенно эти письма къ моимъ глазамъ, потомъ складывалъ ихъ, цаловалъ и пряталъ въ карманъ.

— Это драгоцѣнности, говорилъ онъ:—съ которыми я никогда не разстанусь. Ихъ положатъ въ гробъ со мною. Видишь ли, какъ она меня любитъ! Не правда ли, каждое слово дышетъ любовью?

— Да, возражалъ я: — такая любовь пріятна, но раззорительна.

Летищевъ хмурился.

— Какъ тебѣ не стыдно! кричалъ онъ: — денежные разсчеты,—какая гадость! Фи!... Я не стоилъ бы ея, если бы разсчитывалъ, какъ лавочникъ, поэкономнѣй да подешевле. Я не могъ бы перенести, если бы она была устроена бѣднѣе Пряхиной: мнѣ стыдно было бы тогда взглянуть въ глаза Броницыну.... Чтò дѣлать! Noblesse oblige, mon cher.... Конечно, я не въ состояніи бросать столько денегъ, сколько Броницынъ, тягаться за нимъ; но не могу же я и уступить ему. Мои дѣла немного запутаются,—я не скрываю этого. Мнѣ будетъ немножко тяжело... Ну, а дядя-то?... Мнѣ вѣрятъ наконецъ. Я имѣю кредитъ. Да здравствуетъ крèдитъ! Съ кредитомъ можно жить отлично.

Послѣ такихъ разсужденій, Летищевъ насвистывалъ, обыкновенно, аріи изъ «Бронзоваго Коня», напѣвалъ вальсы и подъ свои звуки одинъ кружился по комнатѣ.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей новой квартиры: окна его кабинета выходили прямо противъ оконъ комнаты его Кати. Показывая мнѣ на эти окна, онъ говорилъ:

— Ты понимаешь, я могу теперь видѣть отсюда все, чтò она будетъ дѣлать, она можетъ видѣть все, чтò дѣлается у меня. Я вооружился телескопами, зрительными трубами....

Дней черезъ десять послѣ этого, онъ заѣхалъ ко мнѣ и говоритъ мнѣ:

— Ну, братецъ, я плаваю въ морѣ блаженства! Я былъ у нихъ. Сестра приняла меня отлично, а Катя — съ какимъ востор-

гомъ она меня встрѣтила, еслибы ты видѣлъ! Какая перестрѣлка у насъ пошла черезъ улицу, часовъ по пяти сряду каждый день. Я подарилъ сестрѣ турецкую шаль.... Ахъ, Катя, Катя!... Ты непремѣнно долженъ видѣть ее; я тебѣ покажу ее.... ѣдемъ ко мнѣ....

Онъ привезъ меня къ себѣ.

— Она не должна подозрѣвать, сказалъ онъ: — что у меня кто нибудь есть: иначе все пропало, и мы ее не увидимъ. Становись у окна за этотъ занавѣсъ и смотри въ щелку, вотъ въ это пространство. Ты увидишь все, а тебя оттуда никто не увидитъ.

Я повиновался безмолвно, потому что мнѣ любопытно было посмотрѣть на эти продѣлки.

Летищевъ отворилъ окно, у занавѣса котораго я притаился, наставилъ свою зрительную трубу и припалъ къ ней глазомъ. День былъ весенній, ясный и теплый. Окно катиной комнаты было уставлено цвѣтами. Минуту спустя, черезъ зелень этихъ цвѣтовъ протянулась ручка: ея окно также отворилось, и въ этомъ окнѣ, между фіолями и розами, показалась прелестная женская головка съ темно-каштановыми густыми волосами, съ тонкими и необыкновенно привлекательными чертами лица, съ нѣсколько приподнятымъ кверху носикомъ и съ продолговатыми, синими глазками. Я въ первый разъ видѣлъ ее такъ близко. Она показалась мнѣ въ эти минуты несравненно лучше, чѣмъ на сценѣ, несмотря на то, что лицо ея имѣло блѣдно-желтоватый колоритъ, что, впрочемъ, нисколько не портило ее; румянецъ менѣе бы шелъ къ этому лицу. Когда Летищевъ пересталъ смотрѣть въ свою трубу, она впилась своими синими, нѣсколько туманными глазками въ лоснившееся, полное и румяное лицо моего пріятеля, кивнула ему дружески головкой и вся просіяла улыбкой любви, довѣрія и счастія. Затѣмъ между ними начались какіе-то непонятные для меня переговоры руками. Когда все это кончилось и я отошелъ отъ занавѣси, Летищевъ обратился ко мнѣ:

— Что, братъ, каково? спросилъ онъ.

— Прелесть! я поздравляю тебя, отвѣчалъ я: — ты счастливецъ!...

Въ эту минуту я не шутя завидовалъ Летищеву, и мнѣ было какъ-то досадно смотрѣть на него: мнѣ показалось, что онъ не въ состояніи любить ее, что онъ вовсе не любитъ ее, и что имъ

движутъ одна суетность, одно тщеславіе. Я не утерпѣлъ и замѣтилъ ему это. Замѣчанія мои, довольно рѣзкія, не произвели на него впечатлѣнія; онъ улыбался очень пріятно. Самолюбіе его было удовлетворено тѣмъ, что я съ такимъ жаромъ относился о Катѣ. Отъ него, вѣроятно, не скрылось, что я немного завидовалъ ему.

— А не правда ли, счастливецъ? говорилъ онъ, потирая руки и смѣясь: — и какую чепуху ты несешь, что я не могу любить! Съ чего ты это взялъ? Ну, клянусь тебѣ, что я люблю ее больше всего на свѣтѣ и готовъ всѣмъ пожертвовать для нея!...

Первый мѣсяцъ прошелъ и для нея и для Летищева въ чаду, въ упоительномъ одурѣніи. Онъ показывалъ ей себя ежедневно со всѣхъ сторонъ и во всевозможныхъ видахъ: верхомъ, въ ботфортахъ и въ каскѣ; въ коляскѣ, на рысакахъ, съ развѣвавшимся султаномъ; въ дрожкахъ, въ одиночку и парой съ пристяжкой; въ окнѣ въ фантастическомъ домашнемъ костюмѣ. Она только и дѣлала дома, что подбѣгала къ окну любоваться имъ, а отъ окна переходила къ его подаркамъ — любоваться ими. Она была засыпана букетами и конфектами, завалена бархатами, шелками, различными тканями и драгоцѣнными украшеніями. Ей было такъ весело! Она была вполнѣ увѣрена, глядя на все это и слушая самыя страстныя фразы, что она любима такъ, какъ ни одна женщина не была никогда любима, что этой любви, этимъ букетамъ, этимъ тканямъ, этимъ драгоцѣнностямъ, всѣмъ этимъ сюрпризамъ не будетъ конца.... А ко всему этому сестрица, также театральная дѣвица, извѣданная опытомъ жизни, безпрестанно нашептывала ей:

— Какъ онъ хорошъ! чудо! какой душка! какъ онъ богатъ и какой у него дядя — милліонеръ!... Какіе у него рысаки!... ахъ, какіе рысаки! Какъ онъ тебя обожаетъ!... Счастливица, Катя! ты въ сорочкѣ родилась!... Онъ на тебѣ непремѣнно женится!... Онамедни цалуетъ мою руку и говоритъ: «вѣдь вы сестрица моя? я васъ не иначе буду звать, какъ сестрицей, какъ хотите, говоритъ, сестрица...» Ты будешь, Катя, дворянкой, заживешь въ чертогахъ, станешь выѣзжать въ самые знатные дома, давать у себя балы! Ай да сестричка моя!...

И она ухаживала за Катей, льстила ей, цаловала руки, называла красавицей и при этомъ выпрашивала у нея различныя вещи.

— Вотъ это матерія-то, сестрица, попроще, говорила она: — ты бы ее, голубчикъ, мнѣ подарила. У тебя и безъ того платьевъ будетъ столько, что некуда дѣвать.... Всѣ комоды ломятся отъ подарковъ....

Катя, впрочемъ, готова была, говорятъ, все отдать сестрѣ и раздарить подругамъ, и только мысль, что это *его* подарки, удерживала ее отъ этого.

Между тѣмъ, проходили мѣсяцы за мѣсяцами. Летищевъ становился какъ-то задумчивѣе. О немъ начинали носиться недобрые слухи; ко мнѣ онъ почти пересталъ ѣздить. Я гдѣ-то встрѣтился съ Броницынымъ. Броницынъ, скрывавшій страшную гордость подъ утонченною вѣжливостію съ своими старыми товарищами, съ которыми онъ встрѣчался рѣдко, обратился ко мнѣ первый.

— Что, Летищевъ? спросилъ я у него.

При этомъ имени на лицѣ Броницына показалась холодная и язвительная гримаса, замѣнявшая у него улыбку.

— Летищевъ? повторилъ онъ. — Онъ ищетъ ста тысячъ, которыя ему очень нужны. Онъ у васъ еще не просилъ?... Ему повѣрить можно: вѣдь онъ наслѣдникъ такого богатаго дяди! Если онъ не найдетъ ста тысячъ, то ему придется жениться. Я совѣтую ему жениться. Онъ будетъ отличный мужъ, право: у него нѣжное сердце!

— Какъ женится? на комъ? спросилъ я.

— На предметѣ своей любви. Что жь? это будетъ бракъ по страсти. Я люблю такіе браки, тѣмъ болѣе, что въ наше время они рѣдки. Оно, конечно, непріятно породниться съ какимъ нибудь поваромъ или съ какой нибудь дворничихой, да зато, батюшка, любовь!

Броницынъ снова улыбнулся и разсказалъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ и очень подробно всѣ отношенія Летищева къ Торкачевой. По его словамъ, у нея оказалась какая-то тетка, которая объявила Летищеву наотрѣзъ, что если онъ желаетъ свободно видѣться съ ея племянницей, то обязанъ: или обезпечить ея участь, или жениться на ней; что въ противномъ случаѣ тетка будетъ на него жаловаться; что между теткой и племянницей происходятъ всякій день сцены; что старшая сестра Торкачевой перешла на сторону тетки, и прочее.

Разсказъ Броницына скоро подтвердился словами самого Летищева. Однажды вечеромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ (я передъ этимъ не видалъ его мѣсяца два) въ страшномъ волненіи.

— Я къ тебѣ, братецъ, за совѣтомъ, сказалъ онъ:—въ тебѣ я найду участіе, въ этомъ я увѣренъ; послѣ князя Арбатова я тебя считаю лучшимъ другомъ.... Отъ другихъ нечего ждать: всѣ такіе эгоисты, что ужасъ; а Броницынъ — entre nous soit dit— совсѣмъ бездушное существо: онъ хочетъ, кажется, отдѣлаться отъ Пряхиной,—ужь я вижу, что къ тому идетъ. Онъ говоритъ, что у нея большія, красныя руки, а для него, видишь, руки главное въ женщинѣ.... Онъ ужь тайкомъ заводитъ перестрѣлку съ Прохоровой, у которой ручки выточены точно изъ слоновой кости.... Это просто гадко, нечестно!... Арбатовъ по этому случаю въ довольно холодныхъ отношеніяхъ съ нимъ.... И если бы ты зналъ, какимъ скаредомъ оказывается Броницынъ! разсчитываетъ каждую копѣйку при своемъ богатствѣ... Да будь у меня такое состояніе, какъ у него, я еще, братецъ, не такъ бы показалъ себя. Обо мнѣ осталась бы страничка въ театральныхъ лѣтописяхъ! Ахъ, кабы мнѣ его деньги!

Летищевъ передалъ мнѣ о теткѣ Торкачевой почти то же, что̀ Броницынъ, и остановился на минуту въ отчаяніи, схватилъ себя за голову, бросился на диванъ, ломая себѣ руки, и потомъ продолжалъ:

— Этотъ аспидъ, эта подлая кухарка переѣхала къ нимъ. Она сторожитъ ее, не позволяетъ ей видѣться со мною, всячески терзаетъ, притѣсняетъ ее, пилитъ, мучитъ, не позволяетъ ей даже подходить къ окну.... Ну, откуда же мнѣ вдругъ взять сто тысячъ, согласись. Я предлагалъ вексель. Арбатовъ ходилъ къ старушонкѣ, уговаривалъ, усовѣщевалъ ее — ничего не беретъ, слышать, проклятая, не хочетъ, подавай ей или деньги, или ломбардные билеты.... то есть у меня просто голова, братецъ, трещитъ, я не знаю, что̀ дѣлать! Я съ удовольствіемъ бы далъ заемное письмо въ 200,000, если бы кто нибудь далъ мнѣ теперь сто.... Мнѣ остается одинъ выходъ, если я не достану— жениться, потому что не могу же я оставаться въ такомъ глупомъ положеніи, по мѣсяцамъ не видать Катю и знать, что ее мучатъ—это ужасно! Я вчера съ Арбатовымъ имѣлъ серьёзное объясненіе. Онъ говоритъ, что дѣлать нечего—надо выйти въ отставку и жениться.... Что̀ ты мнѣ скажешь на это?...

Летищевъ не безъ труда произнесъ послѣднія слова и съ безпокойствомъ взглянулъ на меня.

— Ты самъ, отвѣчалъ я:—можешь это рѣшить лучше, нежели кто нибудь. Если ты ее точно любишь, если не увлекаешься подражаніемъ или чѣмъ нибудь другимъ, то женись; а иначе лучше поступи откровенно, разомъ прерви все и уѣзжай навремя изъ Петербурга.

— Какое подражаніе! возразилъ Летищевъ, нѣсколько оскорбленный этимъ словомъ. — Я просто безъ нея пропалъ. Но дѣло не въ томъ: въ себѣ я не сомнѣваюсь.... а тутъ другое.... Будь она одна на свѣтѣ, безъ роду, безъ племени, безъ всякихъ этакихъ тетокъ, сестеръ, тогда бы я не задумался ни на минуту; ато.... породниться чортъ знаетъ съ кѣмъ! Конечно, если бы я женился, я не пустилъ бы этихъ сестеръ и тетокъ на порогъ моего дома.... Но все какъ-то неловко.... Согласись, вѣдь я ношу старинное дворянское имя, мой дядя — ты знаешь, какую роль играетъ, къ тому же онъ лишитъ меня наслѣдства — вотъ вѣдь что! Я знаю, напримѣръ, что Арбатовъ или ты, если я женюсь, будете уважать мою жену такъ же, какъ если бы она была урожденная какая нибудь княжна: вы люди порядочные, безъ предразсудковъ; я отъ этого ничего не потеряю въ вашихъ глазахъ.... Ну, а что скажутъ какіе нибудь Красносельскіе, Бронницыны и имъ подобные? какими глазами они будутъ смотрѣть на меня?... Послушай, еслибъ ты былъ на моемъ мѣстѣ, скажи только откровенно, если бы ты любилъ, ты женился бы?

— Я думаю....

— Ты думаешь?... Гм!...

Онъ началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Я думаю тоже.... да оно какъ-то.... человѣкъ преглупо устроенъ.... Ахъ, я забылъ показать тебѣ ея письмо.... Я получилъ его вчера. Вотъ оно.... читай....

Я прочелъ:

«Господи если бы ты зналъ что со мной дѣлается, я просто сойду съ ума, значитъ ты меня не любишъ если такъ долго можешь со мной не видаться, а это зависитъ отъ тебя рѣши мою участь, тетенька говоритъ что если ты дашъ слово что женишься на мнѣ то можешь пріѣхать къ намъ хоть сегодня, она всю измучила меня говоритъ что ты меня обманывалъ и никогда не любилъ что она мнѣ желаетъ добра — если ты черезъ

три дня не пріѣдешь къ намъ значитъ ты меня не любишь и я несчастная, тогда все кончено и я возвращу тебѣ всѣ твои подарки и ужь никогда не увидимся съ тобою — что будетъ сомной я не знаю Богъ тебѣ судья, а я безъ тебя жить немогу, нѣтъ нельзя намъ такъ разстаться я дольше терпѣть немогу все сердце изныло. Одинъ бы какой нибудь конецъ—мнѣ не нужно твоихъ подарковъ и денегъ я люблю тебя не изъ за этого и Богъ свидѣтель что я брошу все не посмотрю никакого, и прибѣгу къ тебѣ если ты меня необманывалъ и точно любишь — дѣлай со мной что хочешь у меня есть свой характеръ, и я никого не послушаю только люби меня, мнѣ ничего ненужно — не томи меня больше.»

«Твоя до гроба

«Катя Торкачева.»

— Ну что̀? спросилъ Летищевъ, когда я отдалъ ему письмо.

— Она тебя любитъ, это видно.

— А я не люблю ее, что̀ ли? Вотъ я докажу же тебѣ. Ты увидишь.... слушай.... ѣдемъ сейчасъ ужинать къ Фёльету, заѣдемъ за Арбатовымъ, возьмемъ его съ собою. И тамъ порѣшимъ все. Такъ и быть: пропадай все — и дяди и тетки, кузины и весь свѣтъ, со всѣми его глупостями и предразсудками! Катя будетъ моею, на зло всѣмъ имъ.

И Летищевъ снова просіялъ при этой мысли, началъ танцовать, напѣвать и прыгать.

— Ну, ѣдемъ. Одѣвайся.

Когда мы сходили съ лѣстницы, онъ взглянулъ на меня, улыбаясь.

— Такъ ты во мнѣ сомнѣваешься? — и запѣлъ изъ Роберта: «Обидное сомнѣнье!»

Мы ужинали втроемъ. Послѣ трехъ бутылокъ Летищевъ, съ разгорѣвшимися щеками и сверкающими глазами, всталъ съ своего стула и, обратясь къ Арбатову, произнесъ торжественно, съ замѣтнымъ, впрочемъ, волненіемъ въ голосѣ:

— Князь! сегодня рѣшительный день въ моей жизни. Я долго думалъ.... выносить моего положеніе въ отношеніи Кати я не могу больше. Я женюсь на ней, потому что безъ нея существовать не могу. Я подаю въ отставку, устрою мои дѣла, а черезъ три мѣсяца обвѣнчаюсь. Завтра же ѣду къ ней и объявляю объ этомъ ея сестрѣ и теткѣ. Вы знаете, что безъ вашего

совѣта я ничего не дѣлаю. Я васъ считаю своимъ отцомъ и другомъ. Благословите меня, князь!...

Арбатовъ былъ тронутъ до глубины этими словами. Онъ прослезился и бросился обнимать Летищева. Послѣ этихъ объятій, Летищевъ закричалъ:

— Вина! вина!

Мы просидѣли у Фёльета до разсвѣта.

На другой день онъ отправился къ Торкачевой. Выслушавъ предложеніе Летищева, тетка и сестра Катя залились слезами отъ восторга, а тетка, въ приливѣ чувствъ, говорятъ, даже поцаловала его руку. Вечеромъ объ этомъ событіи знали всѣ театральные, до послѣдняго ламповщика. Катя была внѣ себя, убѣдясь, до какой степени Летищевъ ее любитъ. И съ этого дня они были почти неразлучны.

Слухи о томъ, что Летищевъ женится на танцовщицѣ, быстро распространились по всему городу и дошли до графа Каленскаго. За неимѣніемъ болѣе существенныхъ интересовъ, городъ нашелъ себѣ довольно серьёзную пищу даже въ этой новости. Графъ Каленскій былъ взбѣшенъ до послѣдней степени. Мысль, что его родственникъ (хотя и дальній) наноситъ такой позоръ своему имени, что онъ сдѣлался городскою сказкою, нанесла страшный ударъ его самолюбію. Онъ написалъ къ Торкачевой письмо, исполненное угрозами и самыми оскорбительными для нея выраженіями и эпитетами; объявлялъ, что, покуда живъ, не допуститъ такого позора и не остановится ни передъ какими мѣрами, чтобы образумить безумнаго молодаго человѣка; прибавлялъ ко всему этому, что Летищевъ ничего не имѣетъ, что онъ нищій, что до него дошли вѣсти, будто онъ распускаетъ ложные слухи, что онъ его наслѣдникъ, для поддержанія своего кредита, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что его прямые наслѣдники такіе-то, и что даже если бы онъ и имѣлъ намѣреніе оставить ему что нибудь послѣ своей смерти, то гнусное поведеніе и поступки Летищева уничтожили бы это намѣреніе, и проч., и проч.

Письмо это было доставлено домашнимъ секретаремъ графа въ собственныя руки Торкачевой.

Катя прочитала его, вскрикнула и покатилась на полъ. Летищевъ явился къ ней черезъ полчаса послѣ этого, блѣдный, разстроенный. Онъ зналъ обо всемъ, потому что самъ получилъ письмо отъ дяденьки, въ которомъ, между прочимъ, было упо-

мянуто, что вмѣстѣ съ симъ послано имъ письмо и къ его *сообщницѣ*.

Когда онъ вошелъ къ ней въ комнату, Катя сидѣла блѣдная, какъ полотно, со взглядомъ, безсмысленно устремленнымъ на одну точку, и съ письмомъ, судорожно сжатымъ въ рукѣ. Услышавъ его шаги, она вздрогнула, взглянула не него и молча протянула руку съ письмомъ.

Летищевъ взялъ у нея письмо, разорвалъ его, съ негодованіемъ, на мелкіе кусочки, бросился передъ нею на колѣни, началъ цаловать ея руки, успокоивать ее, клясться ей въ любви, плакать, увѣрять, что дядя ничего не можетъ сдѣлать, что ему наслѣдства дяди не нужно, что ему надо только устроить немного свои дѣла, что, послѣ уплаты кое-какихъ долговъ, у него останется еще довольно и что они могутъ жить вмѣстѣ спокойно и обезпеченно.

Катя выслушала его и сказала:

— Я вѣрю тебѣ, Коля! Я только боюсь твоего дяди; а мнѣ все равно, хотя бы у тебя ничего не было. Теперь все кончено: я твоя.... Ты не бросишь же меня, голубчикъ Коля! только кончай поскорѣй. Мнѣ что-то страшно.

Летищевъ снова принялся ласкаться къ ней и успокоивать ее, сестру, тетку, клясться Катѣ въ любви, бить себя въ грудь, кричать: «Тебя никто не отниметъ у меня, никто!...»

И Катя повеселѣла. Она улыбалась ему, обнимала его и цаловала.

— Мы поѣдемъ въ деревню къ тебѣ. Тамъ ужь нечего будетъ бояться твоего дяди: онъ будетъ далеко.... У тебя есть, Коля, оранжереи съ цвѣтами?...

— Превосходныя! перебилъ Летищевъ: — такихъ камелій нѣтъ и въ Петербургѣ.

— Ну и прекрасно! Я лѣтомъ приглашу къ себѣ Пряхину и Каростицкую.... вѣдь можно? ты позволишь?...

— Еще бы!...

Летищевъ продолжалъ ѣздить къ Катѣ всякій день. Собственные рысаки его и экипажи, впрочемъ, исчезли; вмѣсто нихъ появились ямскія лошади и коляска довольно плохая. Онъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Она спрашивала его:

— Коля, да что̀ съ тобой? скажи.

— Какой вздоръ! ничего. Это тебѣ такъ кажется, отвѣчалъ онъ.

А дѣло-то было, въ самомъ дѣлѣ, плохо. Всѣ заемныя письма, данныя Летищевымъ, были поданы ко взысканію ростовщиками въ томъ самый день, какъ онъ получилъ отставку. Когда Катя въ первый разъ увидѣла его въ статскомъ платьѣ, это ее нѣсколько опечалило. «Фи! какъ это нехорошо — безъ эполетъ и султана!» сказала она. Но она примирилась съ этою перемѣною при мысли, что дѣла ихъ идутъ къ развязкѣ.

Прошло послѣ этого два дня, и Летищевъ не показывался. Это ее встревожило, и на третій день она послала къ нему письмо. Горничная, относившая письмо, возвратилась съ письмомъ назадъ и, какъ полуумная, вбѣжала къ Катѣ.

— Ахъ! барышня, барышня! закричала она: — вѣдь они уѣхали совсѣмъ отсюда!

— Какъ! кто уѣхалъ? куда? Что ты врешь!...

Въ домѣ поднялась суматоха. Тетка и сестра подняли крики, сами побѣжали къ нему на квартиру. Квартира была заперта. Онѣ бросились съ ругательствомъ къ Катѣ. Катя твердила одно: «Не можетъ быть, онъ не уѣхалъ, вздоръ!» Она не хотѣла этому вѣрить. Прошла недѣля. Оказалось, что дѣйствительно Летищевъ бѣжалъ изъ Петербурга отъ долговъ. Что было съ Катей, когда она удостовѣрилась въ этомъ, я не знаю, только, говорятъ, послѣ страшной сцены съ теткой и сестрой, она отослала всѣ подарки Летищева къ его дядѣ, несмотря на всѣ ихъ сопротивленія. Графъ возвратилъ ей эти вещи, при очень вѣжливомъ письмѣ, въ которомъ умолялъ ее, чтобы она не печалилась о его негодяѣ-родственникѣ, что онъ принимаетъ въ ней искреннее участіе, что отъ нея зависитъ жить въ богатствѣ и счастіи и что онъ за высочайшее для себя наслажденіе почтетъ удовлетворять всѣ ея малѣйшія желанія и прихоти, и проч.

Катя прочла это письмо и вмѣстѣ съ возвращенными вещами бросила ихъ въ физіономію его домашняго секретаря, который уже смотрѣлъ на нее съ подобострастіемъ, какъ на будущую свою повелительницу.

Съ этихъ поръ Катѣ, говорятъ, не было житья ни отъ тетки, ни отъ сестры. Подруги ея, жившія въ богатствѣ и спокойствіи на содержаніи, прекратили съ ней всякія сношенія, какъ съ безнравственной дѣвушкой. Катя слегла въ постель, потомъ не-

много поправилась; потомъ ей сдѣлалось хуже, и черезъ три мѣсяца она умерла въ чахоткѣ....

Если бы, при своей пустотѣ и легкомысліи, которыя Катя вынесла изъ среды, окружавшей ее, она не имѣла любящаго сердца, она бы, вѣрно, осталась жива, была бы спокойна, счастлива, весела; она, подобно своимъ подругамъ, съ самодовольствомъ и гордостію, до сихъ поръ порхала бы по сценѣ, встрѣчаемая восторженными рукоплесканіями своихъ обожателей, принимая эти рукоплесканія за должную дань своему таланту; она, подобно имъ, живописно развалясь въ коляскѣ, летала бы по петербургскимъ улицамъ, возбуждая удивленіе и зависть прохожихъ; она, подобно имъ, могла бы пріобрѣсти дома, капиталы или выйти замужъ за какого нибудь статскаго полковника и на склонѣ дней своихъ, если бы Богъ благословилъ ея дѣтями, увидѣть еще ихъ, пожалуй, въ блестящихъ мундирахъ.

Но Катѣ не суждено было этого: вся бѣда ея заключалась въ любящемъ сердцѣ!...

Мнѣ сказывали — за вѣрность этого я не ручаюсь — что Летищевъ отказался отъ большей части своихъ векселей, отзываясь тѣмъ, что они подписаны были имъ до его совершеннолѣтія; что онъ написалъ письмо къ дядѣ и, раскаяваясь въ своемъ прошедшемъ, умолялъ спасти его, избавить отъ тюрьмы, отъ позора и уплатить за него по тѣмъ векселямъ, которые онъ далъ, будучи уже совершеннолѣтнимъ; что великодушный дядя, тронутый его раскаяніемъ и покорностію, пригрозивъ сначала ростовщиковъ, уплатилъ по этимъ векселямъ по 20 коп. за рубль, и что Летищеву осталась одна маленькая деревенька, въ которой онъ скрылся отъ всѣхъ треволненій.

Арбатовъ долго безъ ужаса не могъ говорить о немъ. «Такого пятна — говорилъ онъ и весь трясся отъ волненія — какое нанесъ Летищевъ театраламъ, еще въ лѣтописяхъ нашихъ не было примѣра. Это ужасно!

По его настоянію, имя Летищева было исключено изъ лѣтописи театраловъ, и, до сихъ поръ, ни одинъ театралъ не произноситъ этого имени безъ благороднаго негодованія.

III.

ЗРѢЛЫЙ ВОЗРАСТЪ.

Послѣ бѣгства изъ Петербурга Летищева и смерти Кати Торкачевой прошло нѣсколько лѣтъ. Графъ Каленскій умеръ, оставивъ свое имѣніе прямымъ своимъ наслѣдникамъ, съ обязательствомъ выплатить, между прочимъ, французской артисткѣ Кларѣ Бовалонъ, единовременно, двадцать-пять тысячъ сер. и Летищеву, также единовременно, десять тысячъ, «ибо (такъ сказано было въ духовномъ завѣщаніи касательно Летищева) еще при жизни моей уплачены были мною значительныя суммы по его заемнымъ письмамъ, снисходя его молодости и легкомысленнымъ поступкамъ, что̀ составитъ, съ нынѣ завѣщаемыми мною десятью тысячами рублей, такой капиталъ, который могъ бы обезпечить жизнь человѣка скромнаго и нравственнаго, дорожащаго именемъ своихъ предковъ и честію; слѣдовательно, въ отношеніи сего свойственника моего, я все сдѣлалъ, что̀ повелѣвала совѣсть....»

Князь Арбатовъ, доставшій эту выписку изъ духовнаго завѣщанія, показывалъ ее всѣмъ своимъ знакомымъ и прибавлялъ:

— Почтенный старикъ и въ могилу-то сошелъ преждевременно по милости этого пустаго мальчишки. Когда старику сказали, что имя Летищева выставлено на черной доскѣ въ нашей главной квартирѣ и вымарано изъ книги театраловъ, онъ поблѣднѣлъ и едва, говорятъ, устоялъ на ногахъ!...

Новыя поколѣнія театраловъ смѣнялись одно другимъ. О Летищевѣ никто бы и не подозрѣвалъ изъ этихъ господъ, еслибъ не князь Арбатовъ, который, въ поученіе новичкамъ, считалъ священнымъ долгомъ передавать каждому его исторію съ Катей Торкачевой и при этомъ, описывая красоту Кати, всякій разъ разстрогивался до слезъ. Однако, въ послѣднія минуты, какъ истинный христіанинъ, прощая враговъ своихъ, онъ простилъ, говорятъ, между прочимъ, и Летищеву....

Я рѣшительно забылъ о существованіи Летищева: въ театры я ѣздилъ рѣдко, съ княземъ Арбатовымъ почти не встрѣчался, и ничто окружавшее меня не могло напомнить мнѣ ни о театральствѣ вообще, ни о моемъ старомъ товарищѣ въ особенности,

— какъ вдругъ однажды я получаю письмо, распечатываю, почеркъ какъ будто знакомъ, смотрю на подпись: *Летищевъ*. Письмо было довольно длинно, и я приступилъ къ чтенію его не безъ любопытства.

Вотъ оно, слово въ слово:

«Старый товарищъ и любезный другъ! Я увѣренъ, что ты не совсемъ забылъ обо мнѣ въ шумныхъ удовольствіяхъ столицы. Я, по крайней мѣрѣ, очень помню о тебѣ, потому что всегда любилъ тебя искренно. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались! Стыдно тебѣ, что ты не написалъ мнѣ ни одной строки о себѣ. Вы, люди столичные, ужасные эгоисты, а мы, провинціялы, не таковы. Я тебѣ разскажу о моей прошедшей жизни и сообщу тебѣ мою настоящую радость, которую, вѣрно, ты раздѣлишь, по старой памяти ко мнѣ. Живу я, братецъ, благодаря Бога, нелурно, въ довольствѣ, даже въ роскоши (по нашему, по провинціяльному); но мы во многомъ, можетъ быть, не уступимъ и вамъ, столичнымъ. Имѣніе мое порядочное: я устроилъ его такъ, что въ хорошій годъ получаю до восьми тысячъ серебромъ; къ тому же оно расположено на одномъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ цѣлой губерніи. Я знаю, что ты, какъ поэтъ, пришелъ бы въ восторгъ отъ Никольскаго — моей резиденціи. Окрестности — это просто маленькая Швейцарія. Домъ мой устроенъ со вкусомъ, — ты, вѣрно, отдалъ бы мнѣ справедливость, если бы увидѣлъ его; у меня махровыя розы, величиною съ піоны. О такихъ у васъ, въ Петербургѣ, не имѣютъ понятія. Я сдѣлался страшнымъ любителемъ флоры. Словомъ, я здѣсь устроился такъ, какъ нельзя лучше: я перенесъ въ деревню весь столичный комфортъ, безъ котораго, признаться, я не могъ бы нигдѣ жить. На дняхъ были у меня губернаторъ и предводитель дворянства, съ которыми я очень хорошъ, и вообще меня здѣсь всѣ любятъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ: «Признаюсь, ваше Никольское — маленькій рай. Не выѣхалъ бы изъ него.» Поваръ у меня отличный, такъ что губернаторъ просилъ меня прислать къ нему своего мальчика въ ученье. Вина я выписываю отъ Депре. Послѣ обѣда мы втроемъ разсѣлись на балконѣ. День былъ чудесный, жаркій. Я велѣлъ подать бутылку редерера, и мы, попивая, наслаждались очаровательнѣйшимъ видомъ. Нѣтъ, братъ, что̀ ни говори, а и деревенская жизнь имѣетъ свои пріятности. Надобно тебѣ сказать, что я выбранъ уѣзднымъ предводителемъ, единогласно: ни

одного черниго шара. Это показываетъ тебѣ, какъ расположено ко мнѣ все дворянство. Соперникомъ моимъ былъ нѣкто Расторгуевъ, человѣкъ очень богатый и съ вѣсомъ, нажившійся взятками; однако, его лихо прокатили на черныхъ. У меня любезный другъ, такое собраніе Vieux Sax'овъ, какому бы позавидовали многіе изъ вашихъ аристократовъ: штукъ до полуроста тончайшихъ. Комнату, въ которой они разставлены на консоляхъ, я назвалъ Саксонской. Жаль только, что здѣсь некому цѣнить моей коллекціи: всѣ эти помѣщики люди добрые, но страшные невѣжды и не умѣютъ отличить саксовъ отъ мальцовскихъ фарфоровыхъ издѣлій.... чортъ знаетъ что за народъ! Отгадай, кто мой ближайшій сосѣдъ.... тебѣ, вѣрно, никакъ не придетъ въ голову... Скуляковъ! помнишь, котораго мы называли въ пансіонѣ *костоломомъ*. У него, въ пяти верстахъ отъ меня, душъ тридцать или сорокъ, онъ одинъ-одинехонекъ, мать его умерла,—все такой же чудакъ. Живетъ въ простой крестьянской избѣ, два сруба сдвинулъ вмѣстѣ — и очень доволенъ; ни къ кому не показывается, но ко мнѣ заглядываетъ частенько: меня любитъ. Я его просилъ переселиться ко мнѣ, соблазнялъ своимъ поваромъ; но онъ отказался. — Вообрази, какъ-то надняхъ онъ обѣдалъ у меня; подали трюфели à la serviette (я провизію выписываю изъ Москвы).... онъ попробовалъ и ѣсть не сталъ. «Точно — говоритъ — пробки», а трюфели были отличныя французскія, присланныя мнѣ Морелемъ. «Ты — говоритъ — извини меня, но я наши русскіе грибы предпочитаю.» Я не знаю человѣка, у котораго менѣе былъ бы развитъ вкусъ: квасъ предпочитаетъ лафиту, а трюфели груздямъ! Впрочемъ, малый онъ вышелъ славный и страшный патріотъ. Онъ много читаетъ, даже выписываетъ ваши петербургскіе журналы, несмотря на то, что по его средствамъ это уже роскошь. Онъ философъ, потому что, вообще, довольствуется малымъ. Что касается до меня, я философіи никогда не понималъ, и меня удивляютъ люди, подобные нашему Скулякову. Можетъ быть, они и счастливы по своему; но мы, привыкшіе съ дѣтства жить какъ порядочные люди, не въ состояніи, братецъ, понять этого грубаго счастія; намъ—что съ нами будешь дѣлать!—нужны и саксы, и трюфели, и бутылка добраго стараго лафита. Избалованы мы, дружокъ, страшно избалованы!...

Но я заболтался, а не сказалъ еще тебѣ самаго главнаго — моего счастія, моей радости. При всѣхъ удобствахъ моей деревенской жизни, я все-таки страшно скучалъ: въ деревнѣ долго жить одному нѣтъ никакой возможности. Несмотря на то, что валяешься на мягкихъ мебеляхъ, смотришь на хорошія картины (у меня, братецъ, есть, между прочимъ, два настоящихъ *Перуджино* и одинъ великолѣпный *Грёзъ*), несмотря на то, что ѣшь и пьешь хорошо, а все недостаетъ чего-то.... Я начиналъ это чувствовать особенно сильно въ послѣднее время и понялъ, что въ домѣ безъ хозяйки плохо. Въ верстахъ сорока отъ меня есть село пятьсотъ душъ и пропасть земли, въ одной межѣ: десятинъ по двѣнадцати на душу; а это въ нашихъ мѣстахъ рѣдкость. Село это именуется Шмелево, Рагузино тожъ. Барскій домъ, каменный, старинный. Крестьяне зажиточные. Проѣзжая чрезъ это имѣніе, я всегда любовался имъ. Я зналъ, что оно принадлежитъ старушкѣ, вдовѣ генералъ-майора Рагузина, которая, года два назадъ тому, возвратясь изъ-за границы съ своей единственной дочерью, поселилась тутъ. Я много слышалъ о нихъ отъ нашего губернскаго предводителя и отъ губернатора. Оба они отзывались о матери и въ особенности о дочери съ величайшею похвалою. Предводитель не разъ говорилъ мнѣ, что дочь просто красавица и получила самое утонченное европейское образованіе, и при этомъ всегда потреплетъ меня, бывало, по брюху (а надобно тебѣ сказать, что я поразтолстѣлъ таки-порядочно на вольномъ воздухѣ) и прибавитъ: «Вотъ бы вамъ, батюшка, невѣста!» Я смѣялся. Невѣста да невѣста — такъ она и прослыла моею невѣстою почти въ цѣлой губерніи, хотя мы другъ друга въ глаза не видали. И всякій разъ, когда при мнѣ заговаривали о ней, я чувствовалъ, самъ не зная отчего, какое-то невольное волненіе, а знакомство все откладывалъ да откладывалъ. Меня останавливала, правду тебѣ сказать, боязнь, чтобы не подумали, что я хочу жениться по разсчету. Бракъ по разсчету всегда казался мнѣ отвратительнымъ, на такой бракъ я никогда не былъ способенъ.... Мѣсяца два тому назадъ, наканунѣ Петра и Павла (приходскій праздникъ въ Шмелевѣ), возвратясь вечеромъ послѣ прогулки домой, я думаю: «а что, не поѣхать ли мнѣ завтра въ шмелевскую церковь къ обѣдни?...» Какъ мнѣ пришла эта мысль въ голову, я и до сихъ поръ не могу понять. Всю ночь я грезилъ шмелевской

барышней, всталъ рано да и велѣлъ закладывать лошадей. Подъѣзжая къ Шмелеву, у меня такъ и забилось сердце. Вхожу въ церковь — всѣ разступились передо мною; я прохожу впередъ и становлюсь у праваго клироса. Помолясь усердно, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, такъ, какъ давно не молился, я осмотрѣлся кругомъ. Вижу у лѣваго клироса, на коврѣ, стоятъ мать и дочь. Какъ я взглянулъ на дочь, такъ и обомлѣлъ: всѣ описанія ее оказались жалки и блѣдны сравнительно съ тѣмъ, что̀ она на самомъ дѣлѣ. Вообрази себѣ въ полномъ смыслѣ красавицу: больше, чѣмъ средняго роста, талія — чудо, волосы, какъ смоль и коса ниже колѣнъ, каріе дивные глаза, аристократическій профиль, нѣкоторая блѣдность въ лицѣ. Одѣвается — прелесть! Словомъ, совершенство!... Чтобы дать тебѣ о ней еще болѣе ясное понятіе, я скажу тебѣ, что она напоминаетъ портреты Маріи-Антуанетты, — только en beau. И какъ она горячо и усердно молилась, если бы ты видѣлъ! Это обстоятельство меня окончательно расположило въ ея пользу. Смотря на нее молящуюся, я увидѣлъ, что это дѣвушка, получившая нравственное, солидное, религіозное воспитаніе, что это именно одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которая можетъ составить счастіе человѣка. Теперь, когда я уже близко знаю ее, я вполнѣ убѣдился въ этомъ. Она добра и кротка, какъ ангелъ. Скуляковъ ее знаетъ, — и даже этотъ мизантропъ отъ нея въ восторгѣ. По рожденію она аристократка. Мать Рагузиной — ближайшая родственница князьямъ Волынцевымъ. Послѣ обѣдни я подошелъ къ старухѣ и самъ представилъ ей себя, а старуха представила меня дочери и пригласила провести этотъ день съ ними. Я, разумѣется, не отказался. Старуха — тоже прелесть, настоящаго стараго аристократическаго закала, съ сѣдыми пуклями подъ чепцомъ. Когда онѣ были въ Парижѣ, къ нимъ ѣздили всѣ сенъ-жерменскія знаменитости, вся старая французская аристократія.... Вѣришь ли, съ перваго взгляда на мою Alexandrine я почувствовалъ такую страстную, такую горячую любовь, о какой я до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія. Какая-то непреодолимая симпатія вдругъ привлекла меня къ ней. Нельзя не вѣрить сочувствію душъ. Тутъ только я понялъ, что къ Катѣ Торкачевой я никогда не чувствовалъ настоящей любви, что это было мальчишеское увлеченіе, что я волочился за нею такъ только, чтобы не отставать отъ другихъ, и вспомнилъ твои слова, за которыя я, бывало, на тебя сердился. Да, ты былъ правъ, тысячу разъ

правъ! Мнѣ теперь стыдно и совѣстно вспоминать о моихъ глупостяхъ и продѣлкахъ. А вѣдь Катя меня любила, дѣйствительно любила!... Бѣдная дѣвушка!... Въ день ея смерти я акуратно каждый годъ служу по ней панихиду.

Съ незабвеннаго для меня дня Петра и Павла я началъ чаще и чаще ѣздить къ Рагузинымъ, и всякій пріѣздъ къ нимъ открывалъ въ Alexandrine какія нибудь новыя достоинства. Представь себѣ, что у нея чистѣйшій парижскій выговоръ и такая ножка, какой никогда и во снѣ не видала ни одна изъ нашихъ танцовщицъ. Всѣ башмаки, которыя хранятся на главной квартирѣ театраловъ, не исключая и башмака Тальіони, ей не годятся даже для туфлей. О, если бы Арбатовъ увидалъ эту ножку, что̀ онъ сказалъ бы!... Кстати, видаешь ли ты Арбатова, и неужели онъ все еще вооруженъ противъ меня и смотритъ на глупость молодости, какъ на преступленіе?.. Что̀ Броницынъ? все лѣзетъ въ гору?... Что̀, онъ все еще живетъ съ Прохоровой или ужь забылъ о своемъ театральствѣ?... Напиши обо всемъ.... А для меня, братецъ, все это прошедшее кажется теперь чѣмъ-то баснословнымъ, хотя, признаться, если бы я пріѣхалъ въ Петербургъ и отправился въ Большой Театръ, то мои старыя театральныя кости, мнѣ кажется, еще расходились бы....

Но все это глупость. Истинное счастіе — счастіе семейное, а Катя никогда не могла бы составить моего счастія, потому что насъ раздѣляла бездна, и мы не могли понимать другъ друга. Рожденіе и воспитаніе много, милый другъ, значатъ.... Только одинаково рожденные и воспитанные могутъ чувствовать настоящую симпатію другъ къ другу.. И если бы ты зналъ, какъ твоего толстаго пріятеля любитъ его невѣста!...

Поздравь же меня: я счастливъ, я женюсь, я начинаю, братецъ, гордиться собой и находить, что во мнѣ есть, дѣйствительно, что нибудь: иначе, я не возбуждалъ бы къ себѣ чувства любви. Въ то же время я чувствую, что я не стою моей Alexandrine: она и умнѣе и образованнѣе меня во сто разъ.... Всю эту вашу литературу и политику знаетъ наизусть; «Journal des Débats» такъ и лупитъ... Не смѣйся, ей-Богу, правду... Она меня просто удивляетъ. Въ приданое за ней мать отдаетъ Шмелево, пятьсотъ душъ, и, кромѣ того, земли въ Крыму, овцеводство и значительный капиталъ; но я объ этомъ мало забочусь, потому что имѣю свой кусокъ хлѣба и ни на минуту не задумался

бы жениться на ней, если бы она ровно ничего не имѣла. Порадуйся же, эгоистъ, счастію твоего стараго товарища. Въ моей женитьбѣ есть какое-то предопредѣленіе свыше; знакомство съ нею въ церкви — это тоже добрый знакъ. Я на-дняхъ ѣздилъ въ Ипатьевскую пустынь по обѣщанію. Я наложилъ на себя этотъ обѣтъ заранѣе, если все счастливо кончится. Бесѣдовалъ съ игумномъ. Онъ и меня и ее давно знаетъ, поздравлялъ меня и сказалъ, что Богъ благословитъ нашъ бракъ, потому что «ваша невѣста (это его собственныя слова) богобоязливая и прибѣжная къ церкви...» И это, дѣйствительно, справедливо. Ахъ, какъ она молится, если бы ты видѣлъ!... Теперь у меня хлопотъ полны руки: разныя закупки и выписки изъ Москвы и изъ Петербурга. Карету я выписываю отъ Фребеліуса.... карета темно-синяя, а обивка внутри цвѣта Marie-Louise: это будетъ недурно.... Помѣщики здѣшніе, провѣдавъ о моихъ затѣяхъ, удивляются и ахаютъ: имъ все въ диковину, и каждая вещь кажется имъ раззореніемъ. Совершенные дикари! Что̀ дѣлать? Моя слабость, чтобы все было у меня порядочно, по барски. Прощай. Обнимаю тебя. Можетъ быть, увидимся въ Петербургѣ, и скоро, а до тѣхъ поръ не забывай меня и напиши мнѣ, гадкій эгоистъ, въ отвѣтъ на мое длинное посланіе, хоть нѣсколько строчекъ... Когда мы свидимся въ Петербургѣ, ты увидишь, что я еще, впрочемъ, не совсѣмъ опровинціялился и, какъ говорится, не лѣвой ногой носъ сморкаю. Еще разъ обнимаю тебя отъ души и повторяю: пиши! пиши!

«P. S. Я о тебѣ много говорилъ моей нарѣченной. Она тебѣ кланяется и горитъ нетерпѣніемъ тебя увидѣть, потому что, по моимъ словамъ, полюбила тебя заочно.»

Послѣ этого письма я втеченіе многихъ лѣтъ ни отъ кого не слыхалъ о Летищевѣ и не получалъ уже болѣе отъ него никакихъ писемъ.

Года три тому назадъ, въ одно солнечное и морозное утро, я зашелъ въ какой-то кафе-ресторанъ на Невскомъ проспектѣ и въ ожиданіи чашки кофе перелистывалъ газету, лежавшую передо мною на столѣ. Вдругъ дверь ресторана съ шумомъ отворилась, ударившись объ уголъ стола, такъ что всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и я, невольно обратились на этотъ шумъ. Въ двери съ трудомъ влѣзала медвѣжья шуба и, распахнувшись,

обнаружила запыхавшееся тѣло неимовѣрной толщины, за которымъ слѣдовалъ жиденькій и бѣлобрысенькій молодой человѣчекъ съ застывшей на лицѣ улыбкой. Тѣло въ медвѣжьей шубѣ остановилось посреди комнаты, осмотрѣлось кругомъ, пыхтя, и, полуоборотомъ взглянувъ на молодаго человѣчка, слѣдовавшаго за нимъ, произнесло:

— Фу, какая жара! фу!... А что, братецъ, закусить хочешь? спрашивай себѣ что хочешь, дружечикъ. Мнѣ смертельно ѣсть хочется....

Молодой человѣчекъ наклонилъ на эти слова свою головку и придалъ своей неподвижной улыбкѣ пріятность посредствомъ расширенія рта.

— Эй, ты, мусье! вырвался пронзительный, тоненькій голосокъ изъ тучнаго тѣла, которое обернулось къ лакею: — подай карту, покажи, что у васъ тамъ есть; накорми насъ, милый другъ, посытнѣе да повкуснѣе: мы вотъ съ нимъ проголодались... Фу! фу!

Этотъ голосокъ и это тѣло мнѣ показались какъ будто нѣсколько знакомыми.

— Ба, ба, ба!... При этихъ звукахъ изъ медвѣжьей шубы высунулись руки и простерлись ко мнѣ. — Вотъ встрѣча, вотъ встрѣча!... Фу!... Да что ты такъ выпучилъ-то на меня глаза? Не узнаешь, въ самомъ дѣлѣ, что ли?... Летищевъ, братецъ... онъ самъ своей персоной.

И онъ навалился на меня, обнимая и цалуя меня.

Послѣ этихъ объятій я долго не могъ оправиться.

«Неужели это, дѣйствительно, Летищевъ — думалъ я — тотъ самый, который нѣкогда, въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ, съ перетянутой таліей, живой и вертлявый, волочился за Катей Торкачевой?...»

— Я, кажется, привелъ тебя въ изумленіе моей корпуленціей? продолжалъ Летищевъ. — Что жь? фигура, братецъ, почтенная, не правда ли? настоящая предводительская! Ну, какъ ты, голубчикъ, поживаешь? Ты не мѣняешься ничего.... Сразу узналъ тебя. Я на тебя, братецъ, сердитъ, очень сердитъ.... Фу.... экая жара! Ну, какъ это можно, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ ни строчки! На что это похоже!... А я все-таки хотѣлъ къ тебѣ сегодня же заѣхать. Я вѣдь только третьягодня ввалился въ вашу Сѣверную Пальмиру, еще никого не видалъ, ни у кого не

былъ. Вчера цѣлый день отдыхалъ послѣ дороги. Charmé, charmé de te voir, mon cher, очень, очень радъ!

И онъ жалъ мнѣ руку.

— Однако, братъ, дружескія изліянія сами по себѣ, а желудокъ самъ по себѣ. Желудка дружбой не накормишь.... Я страшно отощалъ, должно быть, оттого, что прошелся.... Я вѣдь, братецъ, ходить не привыкъ, въ деревнѣ мы ходимъ мало.... У меня тамъ этакой кабріолетикъ на лежачихъ рессорахъ.... я нарочно, по своему вкусу, заказалъ въ Москвѣ.... вотъ спроси у него....

Онъ ткнулъ пальцемъ на молодаго человѣка.

— Прекрасный экипажецъ! проговорилъ молодой человѣкъ.

— А я тебѣ не рекомендовалъ еще этого юношу-то? Имѣю честь представить: это, братъ, мой секретарь.... Я безъ него пропалъ бы здѣсь. Всѣ эти покупки, закупки, счеты и разсчеты — это ужь его дѣло.... Мусье! любезнѣйшій! ну, что жь, карту-то!...

— Карты нѣтъ-съ; а что прикажете, отвѣчалъ лакей:—вотъ закуски здѣсь на столѣ—съ.

— Ну, какія у васъ тамъ закуски! мерзость какая нибудь! а вели-ка мнѣ изготовить лучше двѣ хорошія сочныя котлеты.... да вотъ и юношѣ-то подай чего нибудь.... Чего ты хочешь?...

Секретарь переминался и ухмылялся.

— Да полно церемониться-то! этакой ты гусь, право! ѣшь, что душѣ угодно, спрашивай себѣ чего хочешь и плати сколько вздумаешь. Деньги вѣдь въ твоемъ распоряженіи.... Я, братецъ, и денегъ съ собой не ношу: все у него, онъ у меня и министръ финансовъ.... Эй, вы, котлетъ-то подайте мнѣ скорѣй! а покуда, чтобъ заморить червяка, дайте хоть двѣ-три тартинки съ чѣмъ нибудь.... Ну, ужь вашъ Петербургъ! бѣда! продолжалъ онъ, разжевывая тартинку:—съ ума сойдешь отъ этихъ однихъ визитовъ.... бабушки, да тетушки, да министры, да гофмейстеры, да церемоніймейстеры.... Рожу-то мою всѣ знаютъ: не скроешь ея отъ нихъ.... Сегодня утромъ въ десять часовъ ужь напяливалъ на себя мундиръ и успѣлъ побывать у двухъ почетныхъ старцевъ и принятъ былъ, братецъ, ими просто вотъ какъ.

Онъ приложилъ свои пальцы къ губамъ и чмокнулъ.

— Любятъ меня почему-то, помнятъ.... дай Богъ имъ здоровья. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ: «Я, говоритъ, еще помню тебя юнкеромъ; тебя, говоритъ, фельдмаршалъ называлъ всегда молодцомъ и очень любилъ тебя.» Старецъ, а вѣдь память-то какая!... Ну, однако, разскажи, какъ ты поживаешь, какъ идутъ твои дѣлишки?...

— Ничего, такъ себѣ.... Ты пріѣхалъ надолго?

— Да самъ не знаю, голубчикъ! надо представляться разнымъ высокимъ особамъ, изъ которыхъ нѣкоторые, судя по намеку почетнаго старца, изъявляютъ сильное желаніе меня видѣть. На что я имъ? вотъ спроси! Объѣзжу весь вашъ петербургскій monde и, закончивъ эту процедуру, займусь своимъ дѣльцомъ: вѣдь у меня процессъ еще; братецъ, въ триста тысячь рублей серебромъ — bagatelle! Ты знаешь, что значитъ процессъ?... А! да вотъ и котлеты!

При видѣ котлетъ, глаза Летищева заискрились, и онъ началъ безпокойно облизывать губы, тыкая нетерпѣливо за галстухъ салфетку.

— Нельзя, братецъ, безъ этого; а то закапаешь себѣ рубашку: возвышеніе-то это проклятое мѣшаетъ.

Онъ указалъ на свой животъ и залился добродушнымъ смѣхомъ, обнаруживъ при этомъ десны и маленькіе, гнилые и почернѣвшіе зубы, едва въ нихъ державшіеся.

— Экое дерево! сказалъ онъ, ткнувъ вилкой котлетку: — не умѣютъ и котлетку-то порядочно приготовить, — а еще Петербургъ!... Не стыдно тебѣ это?

Онъ посмотрѣлъ на лакея.

— Да знаешь ли, что у меня, въ деревнѣ, послѣдній поваренокъ приготовитъ лучше этого?... Эхъ, вы!... Я, братецъ, вчера вечеромъ (онъ обратился отъ лакея ко мнѣ) задалъ такую гонку вашему Дюссо. Я вѣдь его не знаю: при мнѣ еще былъ Фёльетъ и Легранъ.... Слышу отъ всѣхъ пріѣзжихъ: Дюссо да Дюссо! Ну, думаю себѣ, попробую я этого хваленаго Дюссо. Пріѣзжаю. Заказалъ ужинъ. Говорю: «Дайте мнѣ всего, что есть у васъ лучшаго.» Кажется, ясно?... Подаютъ мнѣ первымъ блюдомъ филе изъ ершей.... Ну, что жь это, братецъ, за блюдо? просто какой-то воздухъ съ травой и прованскимъ масломъ, и масло-то еще несвѣжее. Я на сцену моего стараго друга Симона. «Позови-ка мнѣ, говорю я, твоего Дюссо-то: я съ нимъ потолкую кое о чемъ.» Приходитъ этакая приземистая

фигурка, вертится передо мною и говоритъ: «Monsieur qu'y a t'il à votre service?...»

Я посмотрѣлъ на него и говорю:

— Вы меня не знаете, а?

— Non, monsieur, pardon.

— То-то pardon! А вотъ вы спросите-ка обо мнѣ лучше вашего Симона, такъ онъ вамъ поразскажетъ кое-что, кто я и прочее.... Я вотъ тоже не имѣю удовольствія знать васъ, потому что проживаю въ своихъ деревняхъ и въ Петербургъ ѣзжу рѣдко, а предмѣстниковъ вашихъ Фёльета и Леграна зналъ коротко, и они меня коротко знали и любили. Я здѣсь оставилъ тысячъ до пятнадцати,—слѣдовательно, хоть на столько пріобрѣлъ вкуса, чтобы отличить дурное масло отъ хорошаго.... Вы понимаете меня?... Я купилъ, говорю, себѣ право этими пятьнадцатью тысячами быть нѣсколько взыскательнѣе другихъ.... Ни Фёльетъ, ни Легранъ мнѣ такого масла не смѣли подавать; а вы думаете, что вотъ пріѣхалъ человѣкъ, вамъ неизвѣстный, въ первый разъ, провинціялъ какой нибудь, такъ-дескать и подсуну ему что ни попало. Ошибаетесь, я говорю, г. Дюссо, ошибаетесь, не на такого напали: я таки въ гастрономіи кое-что смыслю. Вотъ спросите обо мнѣ у князя Бронищина, у князя Красносельскаго, у графа Бержинцкаго: это мои короткіе пріятели. Вы, чай, ихъ знаете?... Какже, говоритъ, же лонёръ.... а самъ переконфузился, кланяется, извиняется, затормошилъ всѣхъ лакеевъ, самъ побѣжалъ на кухню и, дѣйствительно, ужъ накормилъ меня превосходно. Выходя, я потрепалъ его по плечу и говорю: «Ну, Дюссо, теперь я не сомнѣваюсь, что ты артистъ въ своемъ дѣлѣ!...» И онъ былъ этимъ, братецъ, ужасно доволенъ!... Мой юноша-то все удивляется, глядя на меня. «Вы, говоритъ, Николай Андреичъ, въ Петербургѣ распоряжаетесь точно какъ у себя въ Никольскомъ....»

— Это правда-съ, замѣтилъ молодой человѣкъ, торопливо проглатывая кусокъ и спѣша улыбнуться.

— Чудакъ ты! чему тутъ удивляться? замѣтилъ Летищевъ, посмотрѣвъ на него благосклонно. — Вѣдь я, слава Богу, Петербургъ-то знаю, пожилъ-таки въ немъ, познакомился съ нимъ, вотъ спроси-ка у него (онъ указалъ на меня). Я тысячъ до ста серебромъ бросилъ въ его ненасытную пасть: такъ ужь послѣ этого церемониться съ нимъ не могу, прошу извинить... Однако, не пора ли намъ, господинъ секретарь? который часъ?

Онъ вынулъ толстые золотые часы на толстой цѣпочкѣ и произнесъ:

— Эге-ге! ужь около трехъ... Вотъ, братецъ, часы-то, рекомендую: этихъ часовъ само солнце спрашивается. Посмотри, внутренность-то какая.

Летищевъ попробовалъ открыть внутреннюю дощечку.

— Нѣтъ, не открываются, чортъ ихъ возьми! пробормоталъ онъ: — боюсь, еще ноготь сломишь.—И онъ положилъ ихъ въ карманъ, прибавивъ: — за эти часы мнѣ пятьсотъ рублей серебромъ давалъ въ Москвѣ Митька Перелѣзинъ. Ты знаешь его?... Ну, секретарь, отправимся путешествовать по магазинамъ.... Столько коммиссій надавали! А пуще всего меня безпокоитъ это модное тряпье: блонды да гипюры, да шляпки, да эти разныя фалбалы. Еще, пожалуй, не угодишь. Впрочемъ, нѣтъ, моя жена не такова.... Мы съ ней живемъ душа въ душу.... вотъ спроси у него.... Это ангелъ доброты, et c'est une femme distinguée, mais tout à fait distinguée, mon cher. Я увѣренъ, что ты былъ бы отъ нея въ восторгѣ и полюбилъ бы ее... Поручила мнѣ, братецъ, цѣлую библіотеку закупить... Куда это мы все уложимъ только въ Москвѣ, я не знаю: вѣдь въ дормезъ намъ не помѣстить всего?... какъ ты думаешь, юноша?

— Да-съ, трудновато будетъ-съ, отвѣчалъ секретарь.

— То-то, братецъ! Надо будетъ объ этомъ серьёзно подумать.

— Не безпокойтесь, возразилъ секретарь:—ужь какъ нибудь устроимъ.

— То-то, смотри же....

Летищевъ отвелъ меня нѣсколько въ сторону и произнесъ въ полголоса, кивая головой на секретаря:

— Un bon enfant, excellent.... Я взялъ его, братецъ, къ себѣ мальчишкой, нищимъ. Онъ и выросъ у меня въ домѣ и привязанъ ко мнѣ и къ женѣ, какъ собаченка. И вѣдь какой акуратный, дѣловой малой! онъ у меня заправляетъ всей моей канцеляріей.... Ну, до свиданья, мой милый! Я къ тебѣ первому непремѣнно пріѣду, когда окончу всѣ мои важные визиты; надѣюсь, что и ты заѣдешь ко мнѣ. Я остановился у Кулона, занимаю два нумера: 22 и 23: вѣдь одного мнѣ мало, по моему сложенію. Въ Москвѣ тамъ я всегда останавливаюсь въ Дрезденѣ и всегда занимаю 1 нумеръ. Тамъ ужь такъ и берегутъ его для меня: огромная комната, настоящая танцовальная зала;

да я, признаться, терпѣть не могу маленькихъ комнатъ: въ нихъ какъ-то тяжело дышать.... Но я заболтался съ тобой.... Прощай, прощай, до свиданія.... Расплатился, юноша?

— Да-съ....

— Ну такъ маршъ.... Au revoir, mon cher, au revoir.

И Летищевъ вышелъ изъ кафе-ресторана, съ тѣмъ же эффектомъ и шумомъ, съ какимъ вошелъ, весь сіяя самодовольствіемъ и произведя сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Послѣ того, во время пребыванія его въ Петербургѣ, я встрѣчался съ нимъ довольно часто, у нашихъ общихъ знакомыхъ. Онъ разсказывалъ намъ о различныхъ политическихъ и административныхъ проэктахъ, которые, будто бы, переданы ему были самими министрами по секрету, о томъ, какъ онъ разнымъ значительнымъ особамъ рѣжетъ, не церемонясь, правду въ глаза, и какъ эти особы взяли съ него честное слово, чтобы онъ прямо писалъ къ нимъ обо всемъ и не стѣсняясь ничѣмъ; какъ петербургскіе князья и графы, его старые пріятели и товарищи, обрадовались его пріѣзду; какъ одинъ изъ нихъ, еще бывшій при немъ въ полку юнкеромъ, объявилъ ему, что назначенъ полковымъ командиромъ того же самаго полка, и какъ онъ отвѣчалъ ему на это: «Полно, Миша, полно! Врешь, братецъ, ни за что не повѣрю. Что ты мнѣ этакую фанаберію несешь? За кого ты, голубчикъ, меня принимаешь?» И какъ потомъ, удостовѣрясь въ этомъ, онъ обнялъ его, поцаловалъ и сказалъ: «Ну, Мишукъ, отъ души поздравляю тебя; но признаюсь откровенно, что послѣ этого нѣтъ въ мірѣ чудесъ, которымъ бы я не повѣрилъ!»

Мнѣ особенно памятна длинная рѣчь, произнесенная однажды Летищевымъ, когда при немъ зашли толки о трудности управленія имѣніями и о характерѣ русскаго крестьянина. Онъ вдругъ прервалъ разговоръ двухъ господъ, очень серьёзно разсуждавшихъ объ этихъ предметахъ.

— Это все не то, господа! сказалъ онъ: — вы, говоря откровенно, увлекаетесь различными фантазіями и фантасмагоріями. Я желалъ бы, чтобы кто нибудь изъ васъ заглянулъ въ мои имѣнія. Я смѣло могу сказать, что каждый изъ моихъ крестьянъ благословляетъ свою судьбу. Правда, у нихъ все есть, что имъ нужно: по три, по четыре лошади на тягло, по двѣ ко-

ровы, — ну, и прочаго скота въ той же пропорціи; избы у нихъ выстроены изъ хорошаго лѣса, прочно, бóльшею частію.... въ имѣніи жены моей (у меня, правда, этого нѣтъ), на каменномъ фундаментѣ; оброкъ съ нихъ берется умѣренный.... Чего же имъ?... Да если бы я, напримѣръ, не родился тѣмъ, чтó я есть, я желалъ бы быть моимъ старостой Васильемъ Антипычемъ, ей Богу! у него, говорятъ, тысячъ пятьнадцать рублей серебромъ капитала. Для мужика это, надѣюсь, деньги! Онъ ходитъ въ синемъ суднѣ, отпустилъ себѣ такой же животъ, какъ у меня, такой видный изъ себя, сѣдая огромная борода.... Эта вся мелюзга однодворцы, мелкомѣстные кланяются ему чуть не въ поясъ.... Дѣти его всѣ переженились, и всѣ молодецъ къ молодцу, народили дѣтей въ свою очередь. Внучаты пищатъ и копышатся около дѣдушки, а онъ только ухмыляется да поглаживаетъ себѣ бороду.... Патріархъ, настоящій патріархъ!... Я часто захожу къ нему въ гости. Изба у него чистая, прекрасная. Онъ всегда угощаетъ меня солеными груздями или сотовымъ медомъ.... чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.... У него все это подается отлично, и всегда еще красную ярославскую салфетку разстелетъ на столъ.... Я однажды этакъ сижу у него и говорю ему:

— Славно ты поживаешь, Василій Антипычъ: всего у тебя вдоволь, всѣмъ Богъ тебя благословилъ; а денегъ-то у тебя, я чай, и куры не клюютъ!

— И, батюшка Николай Андреичъ! говоритъ (плутъ страшный — прикинулся этакимъ смиреннымъ и кланяется мнѣ въ поясъ). — Чтó изволите, говоритъ, шутитъ: ужь какія у насъ деньги, откуда взять мужику денегъ!

— Ну полно, полно! говорю: знаемъ мы тебя. Чтó скрываться то. Я вѣдь у тебя денегъ твоихъ не отниму....

— Да чтó, говоритъ, батюшка, вамъ я правду скажу, какъ передъ Богомъ: вы отцы наши, отъ васъ скрываться не приходится. По милости вашей, скопилъ маленько.

— Ну, я говорю: — отчего же ты, братецъ, у меня не откупишься со всей семьей, али боишься, чтó я съ тебя сдеру много?

Старикъ мой такъ и расходился.

— Да помилуйте, говоритъ, батюшка! зачѣмъ мнѣ откупаться отъ васъ? да сохрани меня Господи и помилуй отъ этого! Я, говоритъ, честью служилъ вашему дѣдушкѣ, вашему

родителю, вамъ теперча служу: да мы у васъ, какъ у Христа за пазухой... Что это вы говорить изволите! На что мнѣ, говоритъ, воля-то, на что? Мы, говоритъ, искони-бе къ вашему роду приписаны: такъ, говоритъ, за вами и останемся на вѣки вѣчные... Я и дѣтямъ-то своимъ заказалъ, да и внучатамъ-то закажу служить вашимъ дѣтямъ и внучатамъ.

— Да дѣтей-то у меня, старина, нѣтъ — вотъ мое горе...

— Помолитесь-ка, говоритъ: — поусерднѣй, батюшка, такъ Господь пошлетъ... И мы, грѣшные, ваши рабы, объ этомъ помолимся. — А у самого слезы на глазахъ, и меня тронулъ до слезъ.

Летищевъ произнесъ послѣднія слова дрожащимъ голосомъ и прибавилъ черезъ минуту:

— Вотъ онъ, господа, неиспорченный-то русскій человѣкъ, какъ есть и какимъ долженъ быть!

Нѣкоторые смотрѣли на Летищева съ негодованіемъ, другіе какъ на шута; находились и такіе, которые принимали его серьёзно. Онъ не замѣчалъ этихъ различныхъ впечатлѣній, производимыхъ имъ, и обращался ко всѣмъ одинаково радушно и сіяя самодовольствіемъ.

Однажды, когда мы сидѣли съ нимъ вдвоемъ, онъ сталъ передавать мнѣ о своей женѣ, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и любви другъ къ другу, по поводу полученнаго отъ нея письма. Онъ былъ дѣйствительно взволнованъ и разстроганъ, и слезы такъ и капали у него изъ глазъ.

— Нѣтъ, душенька, говорилъ онъ: — здѣсь у васъ хорошо, всѣ ваши тузы здѣшніе меня ласкаютъ; но дома все-таки лучше. Такъ и тянетъ въ деревню. Признаться тебѣ откровенно, я, братъ, соскучился безъ жены; иной разъ такъ всгрустнется безъ нея, что просто мочи нѣтъ.

И онъ почти давился слезами. Онъ даже разстрогалъ меня. Я думалъ: «А можетъ быть въ этой тушѣ и въ самомъ дѣлѣ еще таится что нибудь человѣческое; можетъ быть, подъ этимъ мясомъ бьется еще не совсѣмъ испорченное сердце; можетъ быть, онъ нешутя хорошій семьянинъ и добрый помѣщикъ?...»

Въ его мелкомъ тщеславіи для меня было болѣе забавнаго, чѣмъ оскорбляющаго.

Всякій разъ, напримѣръ, когда мы выходили откуда нибудь вмѣстѣ и когда онъ влѣзалъ въ свою ямскую карету (въ саняхъ и особенно на простомъ извощикѣ онъ ни за что не рѣшился бы

проѣхать), онъ непремѣнно кричалъ извощику: «Пошелъ къ князю такому-то», или «къ графу такому-то. Знаешь?» И извощикъ его всякій разъ отвѣчалъ утвердительно: «Знаю-съ!» Впослѣдствіи оказалось, что каждый изъ знакомыхъ Летищева носилъ непремѣнно названіе какого нибудь князя или графа. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Летищева, этотъ извощикъ перешелъ къ одному барину, выѣзжавшему въ большой свѣтъ. Баринъ приказалъ ему однажды везти себя къ княгинѣ Б. Извощикъ отвѣчалъ: «Знаю-съ», и махнулъ кнутомъ.

Онъ везъ его, везъ и наконецъ остановился. Баринъ вышелъ изъ кареты и, къ изумленію своему, увидалъ себя въ какой-то пустынной, неизвѣстной улицѣ.

— Что̀ это значитъ? куда ты привезъ меня, болванъ?

Баринъ очень разсердился.

— Какъ куда! къ княгинѣ Б*.... Слава Богу, я вѣдь знаю. Я ѣздилъ съ Николай Андреичемъ....

— Что̀ ты врешь? Какой Николай Андреичъ? вскрикнулъ баринъ.

— Какой? Летищевъ Николай Андреичъ. Да ужь не извольте, батюшка, безпокоиться: княгиня тутъ живетъ. Мы съ Николай Андреичемъ у ихъ сіятельства-то почитай всякій день бывали: какъ не знать!

Извощика трудно было убѣдить, что княгиня живетъ не тутъ: онъ твердилъ все одно: Николай Андреичъ... они ужь всѣхъ князей знаютъ, у нихъ ужь все знакомство такое.» Баринъ отъ гнѣва перешелъ къ смѣху, и черезъ нѣсколько дней это сдѣлалось извѣстно всему Петербургу и самой княгинѣ Б*, которая и не подозрѣвала о существованіи Летищева.

Слабость моя къ Летищеву доходила дотого, что мнѣ даже было больно смотрѣть на него, когда онъ, на улицѣ, въ ресторанахъ и въ театрахъ, бросался къ своимъ старымъ товарищамъ, князьямъ и разнымъ свѣтскимъ людямъ, съ растопыренными руками, съ криками, съ восторгомъ, съ простодушными улыбками, и былъ встрѣчаемъ холодными словами и полу-поклонами. На него, однако, ничто не дѣйствовало: онъ продолжалъ лѣзть къ нимъ и кричать: mon ami prince *Броницынъ*, или *Павлуша Броницынъ*.

Я былъ свидѣтелемъ, одинъ разъ, вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, встрѣчи Летищева съ барономъ Щелкаловымъ въ театрѣ во время междудѣйствія. Онъ былъ съ Щелкало-

вымъ нѣкогда въ пріятельскихъ отношеніяхъ и на *ты*. Пробираясь и пыхтя въ толпѣ, Летищевъ наткнулся животомъ своимъ на Щелкалова, шедшаго ему навстрѣчу. Щелкаловъ сдѣлалъ движеніе назадъ, бросилъ на него взглядъ свысока, отвернулся и началъ смотрѣть на ложи.

— Душенька! здравствуй, братецъ! какъ я радъ!

И Летищевъ ухватился за обшлагъ его фрака, не замѣчая, что тотъ отварачивается отъ него. Щелкаловъ сдвинулъ брови и вставилъ въ глазъ стеклышко, осмотрѣвъ его съ недоумѣніемъ.

— Вотъ что̀ значитъ запастись этакою горкою! завизжалъ Летищевъ, простодушно и обвелъ рукою кругомъ себя: — и старые друзья не узнаютъ!... Летищева помнишь?...

Щелкаловъ сдѣлалъ движеніе губами, еще разъ свысока взглянулъ на него и произнесъ сухо и рѣзко: «А!» пробормотавъ нѣсколько несвязныхъ словъ: короткое «очень радъ... да, потолстѣлъ... откуда?...»

Летищевъ хотѣлъ обнять его; но Щелкаловъ почти отвелъ отъ себя его руки и, сдѣлавъ шагъ впередъ, натолкнулся на Броницына, коснулся его плеча и, кивнувъ назадъ головой на Летищева, произнесъ громко: «Каковъ? недурёнъ баринъ!» и самодовольно прошелъ дальше, не подозрѣвая того, что Броницынъ, въ свою очередь, обратился къ какому-то своему пріятелю и, съ язвительной гримасой указавъ на Щелкалова, произнесъ:

— Тоже хорошъ!...

Летищевъ пробылъ въ Петербургѣ около мѣсяца, и наканунѣ отъѣзда, ввалясь ко мнѣ въ квартиру, чуть не оборвалъ звонка у двери, нахвасталъ мнѣ съ три короба, простился со мною съ величайшею нѣжностію и взялъ съ меня слово, если я когда нибудь буду проѣзжать черезъ Н*, непремѣнно заѣхать къ нему въ деревню.

— Ужь угощу, милый, дорогаго гостя, прибавилъ онъ въ заключеніе: — вотъ какъ угощу! такимъ старымъ бургонскимъ нопотчую, какого ты отродясь не пивалъ!...

— Ну, а процессъ-то твой? спросилъ я.

— Процессъ? какой процессъ?... Ахъ, да, да! Онъ еще нескоро, но непремѣнно кончится въ мою пользу. Дѣло приняло такой оборотъ. Это, между нами, мнѣ шепнулъ на ухо одинъ почетный старецъ....

IV.

ЗАКАТЪ.

Въ началѣ лѣта 185* года, я по дѣламъ, совершенно неожиданно, долженъ былъ ѣхать въ Н* губернію. Въ Н* я пробылъ только одинъ день и оттуда отправился въ Р*, уѣздный городъ этой губерніи, гдѣ долженъ былъ прожить, по крайней мѣрѣ, около двухъ недѣль. Жить въ уѣздномъ городѣ, возиться съ дѣлами и съ приказными не забавно. Я вспомнилъ о Летищевѣ и о своемъ обѣщаніи побывать у него. Уѣздный судья на мои разспросы отвѣчалъ, что имѣніе Летищева верстахъ въ двадцати отъ города, что дорога туда прекрасная и что меня могутъ доставить менѣе, чѣмъ въ два часа.

— А вы знакомы съ Николаемъ Андреичемъ? спросилъ меня судья и, какъ мнѣ показалось, съ какою-то странною улыбкою.

— Онъ мой школьный товарищъ, отвѣчалъ я: — а что?

— Нѣтъ, ничего. Онъ хорошій человѣкъ, весельчакъ и любитъ жить шибко. Кабы ему только денегъ побольше. Онъ былъ у насъ предводителемъ одно время, такъ ужь такіе пиры задавалъ.... и..... такъ немножко....

Судья остановился.

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: говорите прямо, возразилъ я.

— Поразстроился немножко, позапутался.... А мы любимъ Николая Андреича: у него доброе сердце, хорошій человѣкъ. Дай Богъ, чтобы все только кончилось хорошо.

— А развѣ съ нимъ случилось что нибудь особенное?

— Особеннаго ничего; только вотъ, по случаю послѣднихъ обстоятельствъ насчетъ сукна, маленькая исторія. Его надули сукномъ: подсунули гнилое. Теперь на немъ денежный начетъ: обвиняютъ его въ сдѣлкѣ съ поставщикомъ и забаллотировали на послѣднихъ выборахъ.... Жалко.... Конечно, и то сказать, что жь дѣлать дворянству? вѣдь это все падаетъ на дворянство.....

На другой день послѣ этого развовора, часу въ одиннадцатомъ, я отправился проселкомъ въ деревню Летищева. День былъ солнечный, солнце пекло сильно. Извилистая дорога шла между пашнями, прерывавшимися кустарника-

ми. Въ это лѣто въ Н* губерніи были ужаснѣйшія засухи. Мелкая и черная пыль поднималась отъ движенія лошадей и колесъ тарантаса густымъ столбомъ, останавливалась въ недвижномъ воздухѣ, пронизываемая палящими солнечными лучами, ложилась густыми слоями на поднятый верхъ тарантаса, на подушки, на шинель мою, на фуражку, на лицо, щекотала носъ и забивалась въ ротъ. Я задыхался отъ жара, безпрестанно отмахивался отъ пыли, отъ неотвязчивыхъ и вялыхъ мухъ и, при всемъ желаніи, никакъ не могъ наслаждаться окружавшей меня природой,—однообразными, но милыми сердцу видами. Дорога мнѣ показалась ужасно длинною.

— Скоро ли Никольское-то? спросилъ я у ямщика.

— Теперь недалеко: съ версту али съ двѣ—только, отвѣчалъ онъ, лѣниво помахивая кнутомъ надъ измученными лошаденками и приговаривая: — но-но-но!

Я высунулся изъ тарантаса и посмотрѣлъ на обѣ стороны: однообразная, мертвящая гладь кругомъ. «Гдѣ же эта маленькая Швейцарія-то?» подумалъ я, вспомнивъ невольно письмо ко мнѣ Летищева.

Проѣхавъ немного, ямщикъ мой сказалъ: «А вотъ и Никольское!» и указалъ мнѣ кнутовищемъ на небольшую деревеньку, вправо отъ дороги, расположенную на совершенно ровномъ мѣстѣ, на самомъ припекѣ, и не защищенную ни однимъ деревцомъ отъ солнца. При взглядѣ на эту кучку покривившагося и полусгнившаго лѣса, съ почернѣвшей соломой наверху, мной вдругъ овладѣло тоскливое чувство.

Барскій домъ, длинный и неуклюжій, въ одинъ этажъ, съ мезониномъ въ серединѣ и съ полукруглымъ окномъ, выкрашенный темно-желтой краской, съ зелеными ставнями и крышей, стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ деревни, окруженный службами и покривившимся некрашенымъ рѣшетчатымъ заборомъ, передъ небольшимъ прудомъ, поросшимъ осокой и съ одного края подернутымъ плѣсенью. Передъ домомъ и за домомъ нѣсколько тоненькихъ молодыхъ, полусохшихъ деревьевъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ дома значительное пространство срубленныхъ старыхъ деревьевъ.

Вотъ каково было Никольское въ дѣйствительности.

Подъѣзжая къ дому, я увидѣлъ у подъѣзда двухъ безобразныхъ, алебастровыхъ львовъ, болѣе похожихъ на собакъ, въ родѣ тѣхъ, которые украшаютъ ворота московскихъ домовъ. По

срединѣ двора, передъ подъѣздомъ, торчала клумба съ длинными синими цвѣтами, перемѣшанными съ другими, имѣющими видъ желтыхъ пуговокъ, названія которыхъ я забылъ, но которые имѣютъ отвратительный запахъ.

«Гдѣ же эти розы, величиною съ піоны?» подумалъ я.

Наконецъ лошади остановились у подъѣзда. Я вылѣзъ изъ тарантаса и осмотрѣлся кругомъ: у одного изъ флигелей стоялъ какой-то мальчишка, въ грязной рубашенкѣ, съ вымазаннымъ лицомъ, и смотрѣлъ на меня, зѣвая; кромѣ этого мальчишки и пѣтуха, разрывавшаго землю въ клумбѣ и отъ времени до времени гордо приподнимавшаго свою головку съ хохломъ и подергивавшаго ее въ сторону, на дворѣ не было души человѣческой. Когда я поднялъ ногу на ступеньку подъѣзда, изъ ближайшаго къ подъѣзду окна высунулась какая-то растрепанная и старая женская фигура и тотчасъ же спряталась. Я отворилъ дверь. Въ передней на прилавкѣ лежалъ лакей, спавшій богатырскимъ сномъ и храпѣвшій съ какимъ-то особеннымъ трескомъ. Я растолкалъ его. Онъ вскочилъ, протеръ глаза и началъ тупо смотрѣть на меня, сквозь невольно и снова опускавшіяся вѣки, принимая меня, вѣроятно, за продолженіе своего сна. Я насилу могъ растолковать ему, что я пріѣзжій гость, пріятель его барина.

— Гдѣ же твой баринъ? веди меня къ нему.

— Баринъ?... Николай Андреичъ? спрашивалъ онъ съ разстановками: — вамъ Николая Андреича надо?... Николай Андреичъ почиваютъ.

— Все равно. Веди меня къ нему.

Лакей почесался, зѣвнулъ, еще разъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Пожалуй. Ступайте за мной.

И привелъ меня въ комнату, стѣны которой были увѣшаны старинными граведоновскими, раскрашенными, женскими головками, нѣкогда украшавшими всѣ столичные кабинеты и потомъ перешедшими въ провинцію. Въ простѣнкѣ стоялъ столъ, а на столѣ чернильница, разныя письменныя принадлежности, дагерротипный женскій портретъ и книжка какого-то романа Пиго-Лебрёня въ старинномъ переплетѣ, — все покрытое густою пылью. Шторы въ комнатѣ были опущены, а на большомъ кожаномъ диванѣ лежалъ навзничъ самъ баринъ, покрытый халатомъ, который сбился къ его ногамъ, съ растегнутымъ воротомъ

рубашки, изъ-за которой виднѣлась широкая грудь, заросшая густыми волосами. Грудь и животъ, возвышавшійся горою, мѣрно колыхались отъ его тяжелаго дыханія, оживленнаго небольшимъ носовымъ свистомъ. Ротъ его былъ полу-раскрытъ; потъ выступалъ на лбу крупными каплями. У головы его, на полу, лежалъ чубукъ и нѣсколько въ сторонѣ трубка, съ разсыпавшимся около нея пепломъ. Эта груда волновавшагося тѣла представляла непріятное зрѣлище. У меня даже дрожь пробѣжала при мысли, во что̀ превратился этотъ нѣкогда хорошенькій мальчикъ, бывшій въ пансіонѣ моимъ образцомъ и плѣнившій своими изящными манерами мою маменьку.

Я разбудилъ его. Онъ сначала тяжело приподнялъ отекшія вѣки, спокойно и безсмысленно взглянулъ на меня сонными глазами, потомъ вдругъ вскрикнулъ, какъ будто испуганный видѣніемъ, и началъ приподниматься съ дивана, опираясь на ладони рукъ и дико смотря на меня. Наконецъ онъ совсѣмъ пришелъ въ себя и бросился обнимать меня.

Я нашелъ въ немъ большую перемѣну: онъ весь какъ-то обвисъ и опустился, волосы его на вискахъ совсѣмъ посѣдѣли, на лицѣ показались морщины. Но румянецъ все еще игралъ на щекахъ, или, можетъ, это былъ только со сна.

— Я сдержалъ свое слово, сказалъ я. — Ты, вѣрно, не ждалъ меня?

— Никакъ, никакъ! повторялъ онъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ: — признаюсь тебѣ, это такой сюрпризъ для меня.... Какъ будетъ рада жена!... Просто подарилъ, утѣшилъ, душенька!... Только вотъ что̀ обидно: ты застаешь-то насъ врасплохъ. Вѣдь съ нами случилось, братецъ, величайшее несчастіе.... ты ничего не слыхалъ? Мы прежде жили въ другомъ моемъ имѣніи, неподалеку отсюда.... тамъ у меня и домъ и садъ,—все это было прелесть... и, вообрази, все дотла сгорѣло, все начисто, хоть бы что нибудь насмѣхъ осталось. Мы сами съ женой едва спаслись въ томъ, въ чемъ были.... Такое несчастіе! Ты можешь себѣ представить, это меня ужасно разстроило... И загорѣлось отъ поганой папироски: кто-то бросилъ на коверъ папироску; а у меня на парадной лѣстницѣ разостланы были ковры во всю ширину. Коверъ-то тлѣлъ, тлѣлъ, да вдругъ какъ вспыхнетъ, и весь домъ загорѣлся, какъ свѣча. Всѣ мои саксы погибли, вся женнина библіотека, старинныя дорогія вещи, бѣлье, платья, посуда, — ну, словомъ, все, все дочиста.... Вотъ, бра-

тецъ, мы и поселились поневолѣ въ этой деревушкѣ и въ этомъ скверномъ домишкѣ на голомъ мѣстѣ.... и сами голые. Пуще всего мнѣ жаль моихъ саксовъ и моего Перуджино: остальное все наживное, а ужь этого, братъ, ты знаешь, скоро не наживешь!... Ужь ты, душенька, извини насъ, если мы не угостимъ тебя такъ, какъ бы желали. Что̀ дѣлать! Теперь чѣмъ Богъ послалъ. Да, пожалуйста, ты не говори ничего женѣ о пожарѣ. Она, братецъ, слышать до сихъ поръ не можетъ объ этомъ несчастіи; это ее такъ разстроило, что она все еще не въ своей тарелкѣ, все не очень здорова, похудѣла и измѣнилась ужасно: она у меня вообще нервическая, а съ нервическими женщинами, mon cher, бѣда: съ ними надо имѣть большую осторожность.... Такъ не говори же ей объ этомъ ни слова, пожалуйста, не проговорись.

Я успокоилъ его увѣреніями, и онъ принялся кричать:

— Трошка! Трошка! воды, умываться намъ, одѣваться!...

И потомъ опять обратился ко мнѣ:

— Ты, братецъ, совсѣмъ въ арапа превратился отъ нашего чернозема.... Скорѣй воды! Трошка!... Я, братецъ, горю нетерпѣніемъ представить тебя женѣ моей.... Поди скажи барынѣ, что я, дескать, сейчасъ приведу къ ней нежданнаго дорогаго гостя.... Какъ я радъ тебѣ! ты не повѣришь, какъ радъ! А знаешь ли, что̀ мнѣ взбрѣло въ голову? Не послать ли за Скуляковымъ. Онъ сейчасъ прикатитъ, онъ тебѣ обрадуется, — я знаю; вмѣстѣ проведемъ время, вспомнимъ старину...

— Я тебя только хотѣлъ просить объ этомъ, перебилъ я.

— Ну, и прекрасно!... Трошка! Трошка!

Трошка долго не являлся на крикъ барина.

Баринъ началъ свистать, хлопать въ ладоши, стучать ногой въ полъ, кричать: «Эге! эй, вы!» и проч. и взбудоражилъ своими криками весь домъ. Тогда не только Трошка, сбѣжалась вся дворня, тоже какъ будто со сна. Распоряженія о посылкѣ экипажа за Скуляковымъ были сдѣланы, мы умылись, одѣлись и отправились въ гостиную. Сборная мебель въ этой комнатѣ была разставлена въ умышленномъ безпорядкѣ, такъ что почти проходу не было; на столѣ лежали какія-то книжки съ картинками и стоялъ рыцарь въ коротенькой кацавейкѣ съ капишономъ, съ позолоченными ляжками и икрами и со вздернутыми кверху носками туфлей, державшій на палкѣ солнечную лампу; передъ среднимъ диваномъ разостланъ былъ коврикъ, а по

угламъ торчали какія-то засохшія растенія. Во всемъ претензія и хвастовство, при отсутствіи средствъ, все напоказъ для другихъ, а не для себя, нигдѣ уюта и удобства. Въ этомъ домѣ охватывало новаго человѣка тоска и чувствовалось отсутствіе жизни. Въ гостиной никого не было. Летищевъ подошелъ къ закрытой двери, которая, вѣроятно, вела на половину хозяйки, началъ стучать въ дверь и кричать:

— Душенька, душенька! я привелъ къ тебѣ гостя ...

Слабый голосъ отвѣчалъ на этотъ крикъ:

— Сейчасъ....

Въ ожиданіи хозяйки, я подошелъ къ двери, выходившей въ садикъ. Въ этомъ садикѣ, вмѣсто деревьевъ, торчали тоненькія палки съ засохшими и скорчившимися на нихъ листиками, между кое-гдѣ прорывавшеюся зеленью. Противъ этой двери шла дорожка, усыпанная пескомъ, упиравшаяся въ некрашеный заборъ; а по срединѣ ея стояла какая-то печальная фигура женщины съ поднятою рукою, на пьедесталѣ, который былъ закрытъ цвѣтами, повѣсившими головки.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка дома вошла въ комнату. Ей казалось на видъ лѣтъ около тридцати. Черты лица ея были неправильны, но имѣли выраженіе симпатическое. Густые и темные волосы, зачесанные гладко, но волнистые отъ природы, украшали ея болѣзненное лицо, въ которомъ не было кровинки. Въ ея свѣтло-карихъ, небольшихъ глазахъ выражались не то тоска, не то утомленіе, — трудно было рѣшить съ перваго взгляда. Эти глаза изрѣдка вспыхивали, какъ я замѣтилъ потомъ, но не оживляясь, тусклымъ пламенемъ, какъ будто отъ внутренней боли, и опять потухали черезъ мгновеніе.... Она казалась высокаго роста отъ страшной худобы, и во всей ея фигурѣ обнаруживалось повременамъ нервическое подергиваніе, которое особенно было замѣтно въ безпрестанномъ движеніи ея блѣдныхъ и тонкихъ пальцевъ.

Летищевъ, представляя меня, назвалъ своимъ первымъ другомъ. Затѣмъ начались обыкновенные въ такихъ случаяхъ разспросы: «Давно ли я пріѣхалъ? надолго ли? живалъ ли я прежде въ деревнѣ?» и прочее. Голосъ ея былъ необыкновенно слабъ, она какъ будто дѣлала нѣкоторое усиліе надъ собою говорить, иногда останавливалась посрединѣ фразы и глухо кашляла, приставляя платокъ къ губамъ. Все это съ перваго раза поразило меня, возбудивъ участіе къ этой жен-

щинѣ, и вдругъ отбило всякое снисхожденіе къ моему товарищу и желаніе защищать его.

Летищевъ отпускалъ безпрестанно неумѣстныя шуточки, хохоталъ отъ нихъ самъ во все горло и хвасталъ передъ женою своими великосвѣтскими знакомыми, безпрестанно предлагая мнѣ вопросы о разныхъ князьяхъ и графахъ—нашихъ товарищахъ или знакомыхъ, которыхъ онъ называлъ Васьками, Ѳедьками, Сашками и такъ далѣе. Здѣсь, рядомъ съ своею женою, въ своей домашней жизни, онъ уже показался мнѣ просто гадокъ, такъ что мнѣ стоило величайшихъ усилій скрывать это. Когда разговоръ прерывался, Летищевъ спѣшилъ поддерживать его такого рода выходками:

— Ну, милый другъ, скажи откровенно, вотъ при ней (онъ смотрѣлъ на меня и тыкалъ пальцемъ на жену), находишь ли ты во мнѣ способность вѣрно списывать портреты?... Помнишь, братецъ, мое письмо къ тебѣ о ней?... Ну, вотъ, теперь оригиналъ передъ тобою: находишь сходство?

И потомъ обращался къ ней по французски:

— Я, когда былъ еще женихомъ, такъ описывалъ ему тебя. Не думай, чтобы я льстилъ тебѣ, ma chère, нѣтъ!... съ тѣхъ поръ прошло, конечно, много времени; однако, ты мало измѣнилась, ей-Богу, мало.... немножко похудѣла и поблѣднѣла въ послѣднее время. Блѣдность, впрочемъ, тебѣ къ лицу.

И когда эту женщину начинало подергивать при такихъ выходкахъ, онъ бросался къ ней съ участіемъ и говорилъ, смотря ей прямо въ глаза:

— Чтó это, душенька, ты, кажется, нехорошо себя чувствуешь? Ты приняла бы этихъ капель, чтó прописалъ тебѣ Карлъ Иванычъ....

Около обѣда пріѣхалъ Скуляковъ. Онъ такъ измѣнился, что, если бы я встрѣтился съ нимъ гдѣ нибудь случайно, я не узналъ бы его съ перваго взгляда. Волосы его посѣдѣли, лицо вытянулось. Глаза были какъ будто менѣе косы; но эти глаза, несмотря на свою косину, имѣли привлекательность, потому что въ нихъ замѣтна была мысль. Кротость и спокойствіе, смѣшанныя съ грустью, выражались на этомъ лицѣ, которое никакъ нельзя было назвать дурнымъ. Въ его манерахъ, неловкихъ и грубоватыхъ, не было ничего ложнаго и искусственнаго. При немъ становилось легче и веселѣе, хотя онъ ничего не говорилъ веселаго; онъ вносилъ съ собою одушевленіе, хотя самъ былъ

одушевленъ рѣдко и говорилъ мало. Только по своимъ манерамъ да по сжатію кулаковъ онъ напоминалъ мнѣ прежняго Скулякова. Онъ встрѣтилъ меня радушно, но безъ всякихъ восторговъ.

Мнѣ показалось, что хозяйка дома обрадовалась, когда онъ вошелъ; у нея даже на мгновеніе вспыхнулъ румянецъ, и она протянула ему руку съ такою пріятною улыбкою, которая еще болѣе расположила меня къ ней. Такъ улыбаться могла только хорошая женщина.

Летищевъ обращался съ Скуляковымъ съ нѣсколько покровительственнымъ тономъ, на что, повидимому, Скуляковъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Когда мы съ нимъ разговорились въ первыя минуты, вспоминая наше прошедшее, Летищевъ безпрестанно перебивалъ насъ разными тупыми шуточками, восклицалъ, ударяя его по плечу и глядя на меня:

— Ну что, вѣдь такой же все чудакъ, какъ былъ въ пансіонѣ, не правда ли?... А помнишь, какъ я на дуэль-то хотѣлъ его вызвать? Онъ меня не любилъ въ пансіонѣ, я знаю. Ну, что, дружокъ, хорошенькаго? говорилъ онъ, хватая Скулякова за талію и какъ бы подсмѣиваясь надъ нимъ.—Какія новости ты привезъ намъ изъ своей Бологовки.... Долговки.... чортъ знаетъ, я всегда путаюсь въ имени твоей резиденціи....

— Новаго? возразилъ Скуляковъ: — видишь, вонъ дождикъ пошелъ.

— Аа! слава Богу, слава Богу.... Вотъ ты этой нашей радости не понимаешь, братецъ (онъ обратился ко мнѣ); а мы съ нимъ хозяева, владѣтели помѣстьевъ: такъ намъ это любо!... Правда, Василій Васильичъ?

Крикливый и пронзительный голосъ Летищева раздавался безпрестанно. Послѣ пріѣзда Скулякова, онъ каждыя пять минутъ повторялъ:

— Да скоро ли обѣдать? давайте обѣдать.

И насилу дождался этой блаженной минуты. Обѣдъ былъ порядочный, съ обыкновеннымъ столовымъ виномъ, которое онъ выдавалъ за лафитъ, и вызывалъ меня на похвалы каждому блюду, указывая притомъ на жену и повторяя:

— Это все она, она у меня хозяйка; несмотря на то, что занимается литературой вашей и разными серьёзными предметами, а и хозяйственною частію не пренебрегаетъ....

— Полно, пожалуйста, какая я хозяйка! перебивала она его умоляющимъ голосомъ.

— Ну, сдѣлай милость! Къ чему излишняя скромность? кричалъ Летищевъ. — Мы съ ней во многомъ сходимся, продолжалъ онъ, жуя, облизывая губы, прерывая слова глотаньемъ и глядя на меня: — только вотъ у насъ съ ней вѣчные споры; насчетъ этой... терпѣть ее не могу, проклятую... Жоржъ-Сандъ... въ этомъ мы никакъ сойтись не можемъ.... Я, просто, отвращеніе, братецъ, чувствую къ этимъ блумеристкамъ, femmes émancipées. Женщина должна быть женщиной, по моему.

Летищева не отвѣчала на это ни слова; но лицо ея приняло такое выраженіе, что мнѣ хотѣлось броситься на ея супруга, приколотить его и зажать ему ротъ. Онъ самъ замѣтилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на жену его послѣдними словами, и произнесъ:

— Ну, полно, душечка, полно.... я шучу.

Вечеромъ, сидя на крылечкѣ дома, выходившемъ въ такъ называемый садикъ, Летищевъ началъ разсказывать намъ, какъ онъ распространитъ этотъ садъ, выроетъ въ немъ пруды, построитъ мостики, подсадитъ деревьевъ.

— Все это приметъ надлежащій видъ и будетъ очень мило.... Право, душенька, прибавилъ онъ, смотря на жену: — когда все это устроится и разростется, ты мнѣ скажешь спасибо, я увѣренъ въ этомъ.

— Я ужь не увижу этого, прошептала она.

— Опять!... Летищевъ вздрогнулъ при этомъ шопотѣ, и лицо его приняло боязливо-плачевное выраженіе. — Что̀ это ты, ma chère! произнесъ онъ слезливо, поцаловалъ ея руку и сладко посмотрѣлъ ей въ глаза.

Драма, развивавшаяся въ этомъ домѣ, была замѣтна даже для глазъ ненаблюдательныхъ. Всякій посторонній человѣкъ долженъ былъ чувствовать стѣсненіе, при видѣ этой жены и этого мужа.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, становилось нестерпимо тяжело, и я чрезвычайно обрадовался, когда, на другой день вечеромъ, Скуляковъ предложилъ мнѣ отправиться къ нему въ деревню. Летищевъ сталъ было противиться этому, хотѣлъ даже прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, отдавъ приказаніе своему Трошкѣ, чтобы не смѣли закладывать моего тарантаса. Я отговаривался дѣлами, желаніемъ побывать у Суклякова и

наконецъ-таки настоялъ насвоемъ. Мы простились съ хозяевами часовъ около восьми вечера. Тарантасъ мой отправился впередъ, а мы съ Скуляковымъ пошли пѣшкомъ. Летищевъ проводилъ насъ съ полверсты, пыхтя и задыхаясь, обнялъ меня на прощаньи, расцаловалъ и даже разрюмился.... Когда онъ исчезъ изъ виду, мнѣ стало легче, и это ощущеніе все постепенно усиливалось по мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Никольскаго.

Вечеръ былъ чудесный. Все воскресло и оживилось послѣ дождя, который шелъ ночью и въ полдень. Воздухъ былъ пропитанъ пріятною влажностію. По очистившемуся небу проходили легкія, волокнистыя облака, принимавшія различные тоны и краски. Вся тяжесть спала съ души моей, когда охватили меня просторъ полей и безмолвіе вечера. Я жадно впивалъ въ себя благоуханныя испаренія земли и травъ; я съ наслажденіемъ, котораго давно не испытывалъ, смотрѣлъ на розовыя, какъ будто таявшія въ лазури облака, на мошекъ, которыя тучами вились передъ нами. Мнѣ было пріятно, что мы только двое въ этомъ просторѣ, что ни души не было окрестъ и никакого признака человѣческаго жилья.... Съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ мѣстность становилась холмистѣе и разнообразнѣе. Мы спустились подъ гору, перешли черезъ мостикъ, перекинутый черезъ небольшую рѣчку, поворотили направо по ея берегу и потомъ взяли влѣво къ дубовой рощѣ, которая вся облита была огнемъ заката и сквозила золотомъ.

Мы во все время ни слова не сказали другъ другу: намъ не приходило въ голову занимать другъ друга, и когда, выходя изъ рощи, Скуляковъ первый произнесъ: «Ну вотъ и моя деревушка!» я даже вздрогнулъ отъ его голоса, послѣ этой тишины. Роща отдѣлялась отъ деревни глубокимъ оврагомъ, заросшимъ кустами и деревьями. Деревья эти переходили на другой берегъ къ задамъ избъ. Домикъ изъ двухъ срубовъ, въ которомъ жилъ Скуляковъ, совсѣмъ новенькій, изъ толстаго и прочнаго лѣса, ничѣмъ не обшитаго, стоялъ почти у самаго берега оврага и отличался только отъ другихъ избъ своей величиною да тесовой крышей, выкрашенной красной краской. Домикъ этотъ поставленъ былъ наровнѣ съ другими избами и отдѣлялся отъ нихъ, какъ каждая изба отъ другой, только невысокимъ плетнемъ.

Здѣсь не было и признака того, что называется барской усадьбой. Послѣ смерти матери, Скуляковъ сломалъ старый,

полусгнившій барскій домъ, а землю изъ-подъ усадьбы отдалъ своимъ крестьянамъ. Новый домикъ его, прикрытый съ задней стороны лѣскомъ, выходилъ, какъ вся деревня, переднимъ фасомъ на дорогу, за которой до самаго горизонта тянулись холмистыя пажити, прерываемыя шероховатыми пространствами срубленнаго лѣса, съ остатками вывороченныхъ пней, грудами хвороста и уродливо торчавшихъ корней.... Влѣво чуть-чуть виднѣлась колокольня какого-то села.

Мы поднялись по лѣсенкѣ подъ навѣсомъ и вошли въ домъ.

Онъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ съ оштукатуренными и выбѣленными стѣнами. Старинная кожаная мебель съ гвоздикаками, оставшаяся ему послѣ матери, была перемѣшана въ этихъ комнатахъ съ прочною, но грубою мебелью работы домашняго столяра. Сидѣть и лежать на этихъ диванахъ и стульяхъ было съ непривычки жестковато. Когда мы усѣлись, чтобы отдохнуть, Скуляковъ сказалъ мнѣ:

— Извини, у меня нѣтъ мягкой мебели. Я самъ вырубленъ грубо изъ простаго дерева, такъ завелъ и мебель по себѣ.

Стѣны комнатъ его были голыя: въ нихъ не было никакихъ украшеній, ничего безполезнаго. Шкапъ съ книгами и токарный станокъ стояли въ первой комнатѣ, служившей ему кабинетомъ. Надъ постелью въ слѣдующей комнатѣ висѣли два ружья; въ комнаткѣ, гдѣ онъ обѣдалъ, разставлены были на простыхъ деревянныхъ полкахъ самоваръ и разныя хозяйственныя принадлежности. Но вездѣ было свѣтло и чисто. Вся дворня Скулякова заключалась въ одномъ человѣкѣ, который былъ вмѣстѣ его камердинеромъ и поваромъ. Скуляковъ велѣлъ поставить самоваръ.

— А здѣсь душно, сказалъ онъ: — пойдемъ-ка лучше посидимъ на вольномъ воздухѣ. Я не привыкъ къ комнатному, мнѣ въ четырехъ стѣнахъ неловко; а намъ чай принесутъ туда.

Я съ охотой принялъ это приглашеніе, и мы усѣлись на скамейкѣ передъ домомъ.

Наступали сумерки; заря догорала; облака блѣднѣли и тускли; на темнѣвшемъ небѣ мѣстами показывались звѣздочки; паръ начиналъ подниматься надъ полями, и тѣни ложились на росистую землю все шире и шире.

Намъ принесли чай, и я закурилъ сигару.

— Какъ у тебя хорошо здѣсь! сказалъ я.—Я завидую твоей простой, неизуродованной жизни.... Вотъ какою я всегда воображалъ деревню....

Онъ улыбнулся.

— Да вольно же вамъ уродовать свою жизнь? замѣтилъ онъ и произнесъ послѣ минуты молчанія: — нѣтъ, это вѣдь тебѣ такъ кажется... Два-три дня ты проживешь здѣсь съ удовольствіемъ,—я повѣрю,—а потомъ начнешь скучать. Вы люди избалованные; вамъ простота нравится, какъ диковинка; вы ужь сложились, господа, не такъ; вы и въ деревню вносите съ собой ваши затѣи и прихоти и портите ее... Нѣтъ, что ни толкуй, ты долго не выдержалъ бы здѣсь. Это такъ только ты увлекаешься деревней въ первую минуту...

— Не всякой же деревней, отвѣчалъ я: — вотъ въ деревнѣ Летищева, напримѣръ, я ни за что бы не согласился жить.... А онъ погорѣлъ бѣдный?

— Какъ погорѣлъ?

Я началъ было передавать разсказъ Летищева о пожарѣ, но Скуляковъ не дослушалъ меня и перебилъ:

— Это ложь, глупая и безстыдная ложь. Этотъ человѣкъ весь изолгался. Никакой такой деревни и ничего подобнаго у него никогда не существовало... Онъ совсѣмъ раззоренъ, а все еще носъ поднимаетъ; хочетъ корчить богатаго; да теперь у насъ не найдешь въ цѣлой губерніи такого дурака, котораго онъ могъ бы надуть,—а ихъ довольно у насъ. Онъ потерялъ всякій стыдъ, всякую совѣсть, крестьянъ раззорилъ въ прахъ, все обобралъ у нихъ, хлѣбъ запродаетъ на корню разнымъ лицамъ въ одно время и беретъ съ нихъ задатки. Для этихъ продѣлокъ онъ нарочно ѣздитъ въ Москву, потому что здѣсь съ нимъ никто дѣла не хочетъ имѣть. Въ прошломъ году продалъ онъ на срубъ отличную дубовую рощу, которая росла у него за домомъ; теперь только одни пни торчатъ. Долженъ всѣмъ кругомъ и на заемныя письма и на честное слово; вездѣ запакостилъ себѣ дорогу; всѣ бѣгутъ отъ него,—а онъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, ходитъ гоголемъ, оретъ, хохочетъ, лѣзетъ ко всѣмъ; въ карты садится съ незнакомыми, выигрываетъ—беретъ, проигрываетъ—не платитъ.... Э, да всѣхъ продѣлокъ его и не пересчитаешь!.. Пусть бы губилъ себя.... чортъ съ нимъ!... а онъ загубилъ....

Скуляковъ не договорилъ и замолчалъ.

— Жена его... началъ я, послѣ минуты молчанія:—это, по всему видно, отличная женщина... Но на нее смотрѣть тяжело... Она, кажется, еле дышетъ.... Неужели жь она вышла за него по любви?

— Ее полумертвую притащили подъ вѣнецъ — вотъ по какой любви, прервалъ меня Скуляковъ, вспыхнувъ: — маменька промоталась изъ барскаго тщеславія и хотѣла поправить дочернимъ бракомъ свои дѣлишки, а Летищевъ — деньгами жены хотѣлъ поправить свои. Оказалось, что ни у той, ни у другаго ничего не было: теща надула зятя, зять надулъ тещу.... И какія были между ними сцены, послѣ этого брака!... Нѣтъ! лучше ужь объ этомъ и не вспоминать. Маменька умерла: ея барская спѣсь не перенесла того, когда она узнала, что ея афера не удалась. Кабы одно несчастіе дочери, это бы еще ничего: пусть бы дочь чахла,—только бы съ деньгами, которыя бы она у нея обирала: тогда бы маменька до сихъ поръ благоденствовала... И родятся же у такихъ матерей такія дочери! Я зналъ жену Летищева еще дѣвочкой: это было чудесное, необыкновенное дитя. Съ раннихъ лѣтъ она обнаруживала прямоту, твердость и благородство, и, несмотря на то, что мать употребляла всѣ усилія, чтобы изуродовать и исказить ее, она не успѣла въ этомъ. Воспитаніе ей давали самое пустое, самое внѣшнее, для блеска, денегъ на нее не щадили, за границу возили, и все изъ того, чтобы сдѣлать изъ нея бездушную свѣтскую куклу—ничего не взяло: она сама себя перевоспитала. Натура-то значитъ настоящая!... И чего только она не перенесла, бѣдняжка! одинъ Богъ знаетъ все.... Первую минуту, когда ей объявили, что она должна быть непремѣнно его женою, она не могла перенести этой мысли и чуть было не посягнула на жизнь: она хотѣла утопиться; за ней слѣдили, ее спасли.... Лучше бы, кажется, было не спасать!... Потомъ маменька, убѣдясь, что угрозой съ ней ничего не сдѣлаешь, притворилась умирающею, убитою, несчастною, призвала на помощь все свое лицемѣріе и всю свою хитрость. Дѣлать было нечего. Вышла она замужъ.... думала покориться обстоятельствамъ, но когда разглядѣла поближе своего мужа.... ахъ, страшно вспоминать!... я былъ невольный свидѣтель всего этого.... вся природа ея возмутилась противъ этого человѣка, она почувствовала къ нему непреодолимое отвращеніе: его голосъ, звукъ его шаговъ въ сосѣдней комнатѣ при-

водили ее въ содроганіе.... Она все это подавляла въ себѣ, скрывала; да иногда силъ нехватало: упадетъ, бывало, безъ чувствъ и валяется въ судорогахъ по полу; а онъ ничего не понимаетъ, бѣгаетъ около нея въ отчаяніи, плачетъ, молится, креститси, ладонку ей свою на грудь вѣшаетъ, суетъ ей спиртъ подъ носъ, обливаетъ голову холодной водой.... Она очнется, взглянетъ, да какъ увидитъ его передъ собою — еще хуже.... Когда все это пройдетъ, она убѣжитъ въ свою комнату и спрячетъ голову подъ подушку; а онъ за ней — это разъ было при мнѣ, начинаетъ хныкать, кричать: «Взгляни на меня... Что съ тобой, Сашенька? Я тебя, говоритъ, люблю больше жизни, а ты меня не любишь... Я, говоритъ, несчастный!», бьетъ себя въ грудь, валяется у нея въ ногахъ, цалуетъ ея ноги... Онъ вѣдь не злой, сердце у него доброе.... и нельзя сказать, чтобы совсѣмъ былъ глупъ, а легкомысліе и мелочность довели его до совершенной глупости и превратили въ зловреднѣйшаго человѣка. Такого рода добрыя сердца во сто разъ хуже злыхъ!... Теперь ужь онъ не пристаетъ къ ней такъ, какъ первое время: онъ мнѣ, кажется, догадывается, что она его терпѣть не можетъ, да боится въ этомъ сознаться самому себѣ и обольщаетъ себя увѣреніями, что ему это такъ кажется. Онъ боится дѣйствительности, какъ огня, онъ не живетъ настоящею жизнію, а пребываетъ все въ какихъ-то дряблыхъ и сладкихъ фантазіяхъ, которыя довели его до совершеннаго нравственнаго разслабленія..... У нея прекратились обмороки и припадки, потому что у нея жизнь прекращается. Теперь у нея только вздрагиванья, да замиранія въ сердцѣ.

У Скулякова прервался голосъ, и онъ махнулъ рукой, отвернувшись отъ меня.

— Дай Богъ только, продолжалъ онъ, помолчавъ немного: — чтобы ей дали умереть спокойно; а то я начинаю бояться, что и этого не будетъ. Не сегодня, завтра земскій судъ нахлынетъ къ нему, опишутъ все. Дворянство противъ него озлоблено, и подѣломъ: онъ послѣднее время такую скверную штуку сдѣлалъ.... Впрочемъ, и оно неправо: зачѣмъ выбирать такого рода людей?

Когда мы вошли въ комнату и зажгли свѣчи, я замѣтилъ волненіе и безпокойство на лицѣ Скулякова. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, не говоря ни слова, потомъ вдругъ круто повернулся ко мнѣ и произнесъ съ горячностію, сжимая свои кулаки:

— А это все вы снабжаете насъ такого рода господами! Они только могутъ зарождаться у васъ, въ этихъ огромныхъ городахъ, гдѣ кишатъ суетность, корыстолюбіе, тщеславіе, эгоизмъ, также въ огромныхъ размѣрахъ. Хороша сфера, выработывающая такихъ господъ, какъ Летищевъ! Этотъ человѣкъ, мягкій по натурѣ, который, понастоящему, и мухи не въ состояніи обидѣть, всѣ посты соблюдающій, всегда подающій нищему, — пускаетъ по міру сотни людей, которые трудятся для удовлетворенія его безумія въ потѣ и крови, и дѣлается безсознательнымъ убійцею: отравляетъ медленнымъ ядомъ несчастную женщину, да еще корчитъ передъ нею сантиментальныя рожи и плачетъ. А до всего этого довело его проклятое тщеславіе!... Ахъ, господа! вы его всасываете съ молокомъ матерей, а потомъ всюду разносите съ собой эту общественную проказу... Я не бросаю камня въ Летищева. Онъ гадокъ; но виноватъ не столько онъ, сколько среда, изъ которой онъ вышелъ. Она изуродовала и обезобразила его, да еще и издѣвается надъ нимъ.... Честь, долгъ, совѣсть, убѣжденіе, — все приносится въ жертву тщеславію! Люди, которые очень хорошо понимаютъ, что̀ такое безкорыстное, честное служеніе отечеству, служатъ, между тѣмъ, изъ однѣхъ личныхъ выгодъ, только изъ того, чтобы выдвинуться впередъ, чтобы получить разныя украшенія и чтобы наслаждаться потомъ, какъ вся эта мелочь будетъ кувыркаться передъ ними. Это еще, впрочемъ, невинные; а есть и такіе, которые на службу смотрятъ просто, какъ на средство къ пріобрѣтенію: эти хапуны-то!... ну, эти ужь не церемонятся: берутъ все, что̀ подсунутъ имъ подъ руку, и наживаются, составляютъ капиталы—и все для того, чтобы потомъ тянуться за богатыми, щеголять своими обѣдами, удивлять своими экипажами и любовницами, — все-таки изъ тщеславія! Негодяи вездѣ есть, и—слава Богу!—у насъ еще ихъ мало; но дурно, господа, то, что такого рода люди пользуются значеніемъ, что имъ пріятно улыбаются, жмутъ имъ крѣпко руки—эти руки, которыя нахапали-то! ѣздятъ къ нимъ, объѣдаются ихъ обѣдами и ужинами; дурно то, что общественное мнѣніе, вмѣсто того, чтобы карать такого рода людей, покрывать ихъ позоромъ и презрѣніемъ, преклоняется передъ всякимъ богатствомъ, не разбирая, какъ оно нажито, и отворачивается отъ бѣдности, потому только, что она ходитъ въ честныхъ лохмотьяхъ; дурно то, что общественное мнѣніе на сторонѣ тщеславія; что оно допускаетъ его развиваться свобо-

дно и проникать во всѣ классы общества... Я впрочемъ, дикарь, я живу въ захолустьѣ и смотрю, можетъ быть, на все слишкомъ мрачно.... Весь мой міръ заключается въ этихъ сорока душахъ; но я дѣлаю для нихъ все, что̀ могу, по совѣсти. Я исполняю свой долгъ.

Никогда Скуляковъ не говорилъ такъ много. Видно, что у него была потребность высказаться: каждое слово его было прочувствовано и выходило изъ потрясенной души. Мы незамѣтно протолковали съ нимъ почти до разсвѣта.

Я пробылъ у него три дня, которые останутся навсегда самыми чистыми и свѣтлыми воспоминаніями въ моей жизни. Ни откуда не выѣзжалъ я съ такимъ сожалѣніемъ и ни съ кѣмъ не разставался съ такою грустію.

Съ мѣсяцъ назадъ тому, я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«Обстоятельства заставляютъ меня прибѣгнуть къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ невозможно оставаться въ деревнѣ, и я рѣшился переѣхать въ Петербургъ, а для того, чтобы имѣть средства къ существованію, долженъ посвятить себя службѣ. У тебя много знакомыхъ: не пріищешь ли ты черезъ нихъ какого нибудь мѣстечка для меня? Тебѣ извѣстно, что я довольствуюсь малымъ и честно исполняю обязанности, которыя беру на себя. Для меня *долгъ* прежде всего. Выручи меня, Бога ради, отсюда. Я здѣсь оставаться не могу. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Ты этимъ меня крайне обяжешь... Жена Летищева умерла.»

Надняхъ я узналъ, что, не задолго до ея смерти, земскія власти должны были приступить къ описыванію движимаго имущества Летищева. Скуляковъ предупредилъ это. Онъ отдалъ весь свой маленькій капиталъ Летищеву, — не для того, чтобы спасти его отъ неизбѣжнаго позора, но для того, чтобы дать ей умереть спокойно.

ъ, я
омъ
ахъ;
няю

то у
про-
тно

са-
Ни
не

цее

съ
ев-
бы
бя
зъ
я
о-
я,
й,
ва

ія
у-
ъ
ы
ъ

